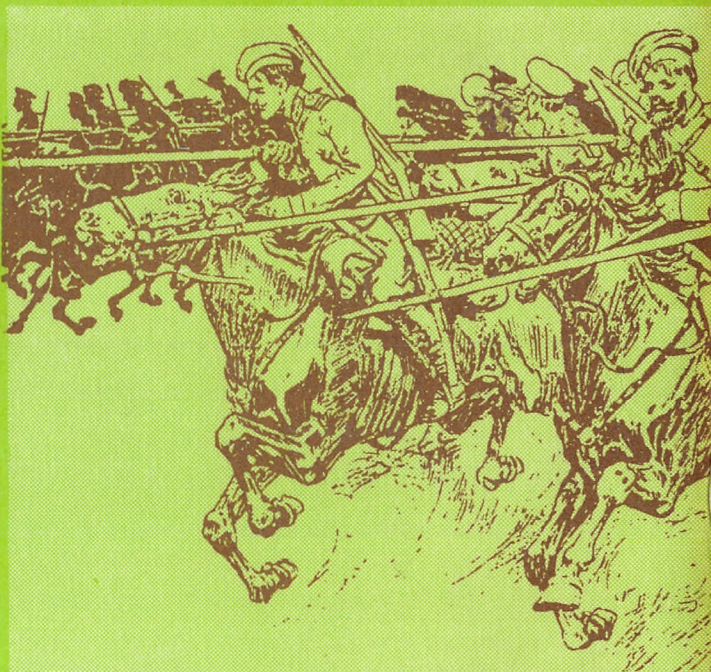

КАРТИНЫ БЫЛОГО ТИХОГО ДОНА

СТРАЖИ
ПОРУБЕЖЬЯ

ГРАНИЦА

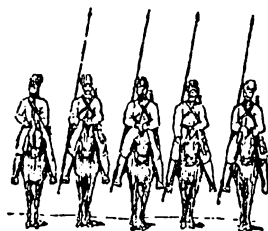
КАРТИНЫ
БЫЛОГО
ТИХОГО ДОНА

СЕРИЯ
"СТРАЖИ ПОРУБЕЖЬЯ"

КАРТИНЫ
БЫЛОГО
ТИХОГО ДОНА

КАРТИНЫ
БЫЛОГО
ТИХОГО ДОНА

Том 2

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО "ГРАНИЦА"
1992

ББК 63.2(2)
К27

**К27 Картины былого Тихого Дона: Краткий очерк истории войска Донского. Т. 2. - М.: Граница, 1992. - 224 с. - (Стражи порубежья)
ISBN 5-86436-010-4**

Кто такие казаки? Откуда появились они на русской земле? Какова их роль в защите порубежья? Как и когда образовались Донское, Терское, Сибирское, Забайкальское и другие казачьи войска? На эти и другие вопросы дает ответ книга "Картины былого Тихого Дона", впервые опубликованная в 1909 году. Это живая история казачества со времен его зарождения до начала двадцатого столетия, свободная от последующих наслоений, искажающих действительно героический образ защитников Отечества. Настоящее издание содержит второй том.

Рассчитано на массового читателя.

К 4702010100 - 013. без объявл.
032(02) - 92

ББК 63.2(2)

© Составление. Издательство "Граница", 1992

ISBN 5-86436-010-4

1. Отечественная война. Кореличи, Мир, Романов 1812 г.

французами был мир, но мир непрочный. Каждый час можно было ожидать войны. Наполеоновские войска стояли в Польше на самой границе России. Поляки, передавшиеся Наполеону, выставили в его армию много полков. И особенно хороши были польские уланы. Французы уверяли императора Александра в дружбе, а сами усиленно готовились к войне. На Висле устраивали склады продовольствия, из Франции приходили все новые и новые полки. Наполеон замыслил поход, никто не сомневался, что поход против России, ему хотелось пройти со своими непобедимыми солдатами русские степи и занять Москву. Громадная армия собиралась для этого. Армия — "дванадцати языков", — двенадцати народов, — готовилась обрушиться на Русскую землю. В ней были и пылкие маленькие французы, и итальянцы, и тяжелые немцы, и поляки. Лучшие генералы Наполеона готовились идти с ним на Россию.

По левую сторону Вислы летом 1812 года города и села полны были наполеоновских солдат. По ночам небо краснело от зарева бивачных костров и гомон тысячи людских голосов гулким шумом доносился по реке до русской стороны.

Вдоль правого, русского берега стояли посты лейб-гвардии казачьего полка.

В темную ночь с 12-го на 13 июня 1812 года, на лейб-казачьей заставе услышали топот копыт и скрип колес на том берегу. В темноте было видно необычное скопление людей, сновали лодки, подвозились понтоны. Первос донесение, которое получил государь император Александр I, находившийся в Вильно, о наступлении французов, было доставлено лейб-казакон. И первые пули, которые встретили врага на Русской земле, были выпущены из донского лейб-казачьего ружья.

Как в старину нашествия татарских полчищ, двигавшихся на Москву, встречали донские казаки, так и теперь донцы

встретили движение дванадцати языков и грудью стали на защиту родной земли, русского народа.

В тот же день, 12 июня, по армиям русским читался приказ императора Александра I. "Не нужно, — говорилось в приказе, — напоминать вождям, полководцам и воинам нашим об их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу! Я с вами. На зачинающего Бог!"

Наша армия разделена была на две части. Одной частью командовал генерал Барклай-де-Толли — она находилась в Вильно; другой командовал князь Багратион, и она находилась у Волковыска. Нам необходимо было успеть соединить обе армии, задержать сколько можно Наполеона, мешать ему двигаться в Россию. Прикрывать наши армии, беспокоить врага всеми силами было поручено атаману войска Донского Платову, находившемуся при армии князя Багратиона.

Платов оставил за себя в Новочеркасске наказным атаманом Адриана Карповича Денисова и поручил ему готовить полки. При Платове было 14 донских полков и рота конной артиллерии. В северной армии князя Витгенштейна было 3 донских полка, во второй армии князя Багратиона — 9 полков и рота донской артиллерии, у генерала Тучкова — 1 полк, у генерала Тормасова — 9 полков, и на Дунае осталось 14 полков. Всего же войско Донское выставило к началу войны 50 казачьих полков.

Корпус атамана Платова первым столкнулся с французской конницей. При всяком движении французов впереди них шли казаки. Ни один неприятельский разезд не мог безнаказанно осмотреть деревню, подойти к русским войскам. Французам постоянно приходилось быть начеку.

26 июня первый раз Платов столкнулся с большими силами французов и произошло дело у деревни Кореличи. Польские уланы графа Турно налетели на казаков, отходивших к деревне Кореличи. Платов решил их проучить, и приказал Атаманскому полку заманить их в вентерь. Быстро рассыпались атаманцы по колосющимся рожью полям. Редкая и бойкая лава задорно стала наступать на поляков, застучали ружья казацьи, там и там отдельные звенья с пронзительным гиком бросались на улан. Уланы развернули эскадроны. Между тем, за тонкой завесой атаманской лавы, Платов собрал полки Сысоева 3-го и Иловайского 5-го и спрятал их за деревней Кореличи. И только тронулись уланы в атаку, как лава казачья повернула назад и пошла уходить. Уланы пошли рысью, рысью пошли и казаки.

Они дразнили улан своими маневрами. Рассерженные уланы решили их истребить. Они бросились полным ходом на

атаманцев, но атаманы быстро и неслучайно свернулись по флангам, широкий вентерь казачий раздался и в него влетели эскадроны графа Турно. И тут их приняла под выстрелы донская артиллерия и с гиком понеслись полки Сысоева и Иловайского. Замкнулся вентерь. С флангов летели атаманские сотни, всюду были казаки. Польские уланы начали уходить, но казаки их преследовали и наносили им страшные раны пиками. Много поляков попало в плен. Более 250 человек израненных улан было доставлено донцами своему атаману.

"У нас, — писал атаман в своем донесении, — урон был не велик, потому что перестрелкой занимались мало, но дружно атаковали в дротики". В этом бою, кроме Атаманского и полков Сысоева и Иловайского 5-го, приняли участие полки: Краснова 1-го, Иловайского 10-го, Иловайского 11-го, Перекопский татарский и Ставропольский калмыцкий.

И так было почти каждый день. И хотя урон был мал, как писал атаман, но он был и был каждый день. "Об убитых и раненых" у атамана велся "домашний счет", но полки сильно страдали от этой непрерывной работы. Особенно выбивались лошади. Лето было жаркое. Донцы шли за армией, шли по обочинам солдатами пути. Крестьяне, не желая, чтобы их дома доставались французам, жгли свои избы, уничтожали запасы хлеба и фуража и сами уходили в леса. Французы ночевали на пожарищах и не могли найти продовольствия, но вместе с французами, немного впереди их, на тех же пожарищах ночевали и казаки.

Получивши донесение о неудаче конницы графа Турно у деревни Кореличи, начальник авангарда Наполеона, генерал Латур-Мобур, приказал генералу Рожнецкому 28 июня занять городок Мир и двигаться далее по направлению к городу Несвижу.

Возле Мира стоял Платов. К нему подошло подкрепление. Пришли: донской полк Иловайского 12-го и отряд генерала Васильчикова в составе 5-го сгерьского полка, Киевского драгунского, Ахтырского гусарского и Литовского уланского полков. Всего у Платова собралось 1000 человек пехоты, 2 с половиной тысячи драгун, гусар и уланы и 4400 казаков с 12-ю пушками донской артиллерии. Платов решил напасть на французскую конницу и атаковать ее, и для этого приказал генералу Кутейникову спешить на помощь с донскими полками.

Опять должен был развернуться широко казачий вентерь. Заманивать лавою казаки должны были на артиллерию, пехоту и под удары драгун, гусар и уланы.

В полдень 28 июня дивизия генерала Рожнецкого, имея в голове бригаду польских уланы графа Турно, ту самую, которая

так пострадала у Корелич, выступила из местечка Мир и пошла по несвижской дороге. Турно прошел уже пять верст за Мир, миновал деревню Симаково и здесь его передовые дозоры увидели на опушке леса казаков. Но казаки сейчас же и скрылись, и Турно спокойно продолжал свой путь. Кругом были песчаные бугры, маленькие рощи и перелески зеленели тут и там, попадались болотца, местность становилась все более и более пересеченной. Вскоре поперек пути уланы стали попадаться одиночные казаки, которые растянулись длинной цепью и скрывались где-то в лесу. Загремели выстрелы с коня, отдельные звенья казачьей лавы кидались на боковые дозоры поляков и уничтожали их. Пришлось развернуться. Поляки остановились. Их дозоры донесли, что в небольшом дубовом леску стоят русские конные полки силою до пяти тысяч, но при приближении польских разъездов они отошли и скрылись в лесу.

Наступила жуткая тишина. К бригаде Турно приехал начальник дивизии генерал Рожнецкий и приказал спешиться бригаде, размундштучить лошадей и кормить их, а людям варить пищу.

В знойном воздухе июльского дня было душно. Оводы носились над лошадьми, да в пахучей цветущей траве носились с жужжанием мохнатые шмели. Солдаты разбрелись за дровами, лошади мирно щипали траву, и только по холмам стояли уланы бригады Дзевановского на заставах.

Но, вот, оттуда прискакал офицер. Запыхавшийся от долгой скачки, он только что начал доклад о том, что с трех сторон видна пыль и слышен топот коней, что русские в больших силах наступают на поляков, как уже в ясном синем небе сверкнуло желтое пламя, вылетел большой белый клуб дыма и засвистело ядро, за ним другое, третье... Заговорили донские пушки.

Полки побросали свои котелки и сели на коней. Платов ожидал, что они, не видя перед собою никого, кроме жидкой казачьей лавы, бросятся на него, но Рожнецкий был осторожен. Тогда Платов решил атаковать сам. Вся местность: холмы, долины, речки, перелески наполнились казаками. Казалось, без всякого порядка неслись они вперед к полкам Рожнецкого. Сверкали копыта пик, краснели алые лампасы, слышен был страшный гик несущихся всадников. Они были везде, их тонкий фронт был так широк, что не хватало полков ударить на них. При первой же атаке уланы графа Турно они рассеялись и за ними оказались донские пушки и эскадроны ахтырских гусар. Ахтырские гусары опрокинули поляков: поляки устроились, хотели ударить снова, но попали под пики казаков, дрогнули, повернули и бежали. Поляки Турно,

Дзевановского и Рожнецкого хотели биться сомкнуто, но на них налетали сомкнутые эскадроны ахтырских гусар и киевских драгун и отовсюду щипали, кололи и стреляли по ним казаки. Поляки трогались в атаку мимо перелеска, по-видимому, никем не занятого, а оттуда гремели выстрелы казачьих ружей. Они посылали туда часть эскадронов и попадали флангом под страшную атаку казачьих пик.

Такова была платовская лава! Бесконечно разнообразная, вполне самостоятельная. Каждый урядник — начальник звена, каждый хорунжий — командир взвода, действовали в ней самостоятельно, но у всех была одна цель, одно желание: истребить неприятеля. Одни помогали другим. Чуть видел станичник, что другому грозит беда, уже вихрем летел на выручку.

Рассеялись по громадному полю уланские полки Рожнецкого. Ни вперед ни назад. Везде были казаки. Был девятый час вечера, солнце спускалось за горы и светило в глаза казакам, когда поляки совершенно неожиданно для себя увидели облако пыли. Позлащенное последними лучами догоравшего дня, это облако быстро несло к полю битвы. Это была бригада Кутейникова. На полном ходу рассыпалась казачья лава. Дзевановский пытался атаковать ее, но казаки живо выбили 11-й уланский полк, за ним заколебался и 2-й уланский полк, и вот — оба понеслись врассыпную к Миру. Теперь все перемешалось. Поля окутались пылью. Крики и протяжное гиканье казаков заглушали команды польских офицеров и звуки труб; на самого графа Турно наскочил лихой донец и схватил за эполет. Добрый конь спас графа от плена, но эполет остался в руках у казака. Атаманцы, донцы Иловайского 5-го, Сысоева 3-го, Иловайского 10-го, Иловайского 11-го, Иловайского 12-го, Грекова 18-го, Харитоновна 7-го, симферопольские и перекопские татары, ставропольские калмыки и с ними ахтырские гусары и киевские драгуны приняли участие в этом славном бою. В нем не было отличившихся, потому что отличились все. Дрались пиками и саблями весь день. Устали страшно. Но велика была и победа! Одних пленных было взято 12 офицеров и 163 нижних чина, а в те времена пленных не любили брать, считая, что они стесняют армию. До 600 убитых улан лежали на поле возле Мира. Славна была победа наша, и совершил ее Платов, все время, не слезая с коня, распоряжавшийся боем и атаками.

Хитрыми действиями лавою казаки совершенно измучили поляков.

"Не знаешь, — писали в те времена про казаков французы, — как против них действовать; развернешь линию

— они мгновенно соберутся в колонну и прорвут линию; хочешь атаковать их колонной — они быстро развертываются и охватывают ее со всех сторон..."

Казаки остались ночевать под Миром. Но 30-го они получили приказание отходить к Несвижу. Отступала русская армия, должны были отступать и прикрывавшие ее донские полки Платова.

На рассвете 2 июля польский конно-егерский полк Пшепендовского у местечка Романова столкнулся с казаками Карпова. Донцы развернули лаву и начали отходить. Карпов отлично знал свое дело. Платов так писал о Карпове Багратиону: "Вел он неприятеля через целые сутки, в виду его, до самого места сражения перед местечком Романовым, донося мне почасту и акуратно о наступлении неприятельском".

Получая такие донесения от Карпова, Платов собрал Атаманский полк и полки Иловайского 4-го, Иловайского 12-го и Мельникова 3-го и по густому кустарнику повел их через реку Морочу и дальше к Романову. Казаки атаковали конно-егерей Пшепендовского и, несмотря на жестокий огонь из карабинов, отбросили его. На помощь конно-егерям прискакал эскадрон 12-го уланского полка. Казаки живо расправились и с ним. В то время, как передовые казачьи полки теснили полки Пшепендовского, Платов подвел 5-й егерский полк и донскую конно-артиллерийскую роту к Романову и поставил их там на позиции, а в резерве оставил атхырских гусар, киевских драгун и литовских улан под начальством князя Васильчикова.

Передовым казачьим полкам Платов приказал заманить венгером поляков на Романов. Но на этот раз французский генерал Латур-Мобур шел осторожно. Едва только загремели выстрелы казачьих пушек, он выставил свою батарею и дальше не пошел. Всю ночь на 3-е июля и весь день 3 июля простоял Платов у Романова, и Латур-Мобур не посмел его атаковать. Во время же первых атак на полки Пшепендовского поляки потеряли много убитыми и ранеными, да 17 офицеров и более 350 нижних чинов захватили казаки в плен.

3 июля Платов получил приказание отходить на Слуцк. Уходя, Платов приказал всех тяжело раненных поляков перевязать и отлично устроил их в небольшой часовне подле Романова, где их и нашли полки Латур-Мобура.

Так, делами под Кореличами, Миром и Романовым Платов остановил наступление французов и задержал их настолько, насколько это было нужно для Багратиона. В этих делах Платов выказал себя выдающимся кавалерийским начальником, а казаки под его начальством свободно побеждали лучшие полки наполеоновой конницы — польских улан.

Казачьи задержали наступление наполеоновых полков и дали возможность нашим армиям Барклайя и Багратиона соединиться, кроме того, постоянные нападения казаков измотали французскую конницу. Французам не хватало продовольствия. Наступать по разоренной жителями и казаками местности становилось невозможно. Наполеон старался вынудить у русских сражение, но русские отступали перед его полками, и вскоре понял Наполеон, что отступление русских вызвано не доблестью его полков, а производится умышленно. Так отошли русские за Витебск, так, прикрываемый казаками, Багратион соединился с Барклаем.

12 июля атаману Платову было поручено произвести набег в тыл неприятелю. Разделив свой отряд на небольшие партии, — бесконечно гибкою линией лав казачьих — Платов прошмыгнул в тыл неприятелю и явился одновременно повсюду. В занятых французами Могилеве и Орше, в Шклове и Копысе — везде хозяйничали донские казаки. Пленных не брали. Некуда было их девать, да они и не успели бы за казаками. Как рой мошек налетели донцы на тыл французской армии. Под их ударами гибло все: отдельные партии, посланные за фуражем, были рассеиваемы, горели продовольственные магазины и запасы фуража. Вдруг, сразу, за спиною у французов поднялись зарева пожаров, черный дым потянулся к небу, отовсюду шли донесения с просьбой о помощи, и, когда утомленная французская конница примчалась, — никого уже не было в тылу.

О! Казаки знали, как делать набеги! Их учили этому черкесы и татары, и набег казачий был быстр и внезапн. 15 июля рассеявшиеся по всему тылу французов казаки стали собираться в Дубровну, где перешли Днепр и соединились с 1-й армией. За этот набег казаки истребили более 2000 неприятеля, взяли в плен 13 офицеров и 630 человек. Такой же набег повторил Платов и между 1-м и 4-м августа.

Никто во французской армии и нигде не мог быть спокоен, что на него не налетят казаки. Они были везде. Каждая деревня, каждая роща, каждый куст скрывал казака. Они бесстрашно кидались на французов и ничто их не могло смутить. Однажды казаки напали на немецкий гусарский эскадрон и рассеяли его. Во время преследования один из казаков заметил богато одетого всадника и решился захватить его в плен. Он бросился на него с пикою, но офицер перерубил древко пики; казак выхватил саблю, но офицер, по-видимому, отличный фехтовальщик, выбил ловким ударом ее из рук донца. Тогда казак сразу заскочил сзади офицера и так перетянул его по спине плетью, что тот без чувств свалился на землю.

Другой раз, в сражении под Витебском, 15 июля, когда граф Орлов-Денисов с лейб-казаками атаковал французскую конницу и опрокинул ее, четыре лейб-казака так увлеклись преследованием, что незаметно вскочили на французскую батарею, на которой стоял сам Наполеон. Их схватили в плен. Наполеон залюбовался удальцами, призвал их к себе, поговорил с ними и приказал угостить. После обеда казаки стали говорить, что им очень жарко, и просили пойти прогуляться к реке. Конвойные согласились подойти к берегу. Только казаки подошли к реке, один из них сказал: "Ну!.." И все поняли. Разом, как по команде, все четверо с крутого обрыва бросились к реке Двине, в воду, и поплыли. Конвойные открыли по ним огонь. Донцы, знай себя, плывут да ныряют, выплыли на тот берег и ушли к своим, только лошадей своих потеряли.

Ни про кого так много не говорили, никто не произвел на французов и на все двенадцать языков такого впечатления, как казаки. Наполеон их ненавидел. Он называл их "поношением рода человеческого". В эту пору имя донского казака прогремело по всей Западной Европе. Да и как было не прогреметь! Изобретательности донских казаков в придумывании средств к поражению врага не было предела.

Лейб-казаки стояли постами по реке Западной Двине. Против них были посты французской конницы. Командир лейб-гвардии Казачьего полка граф Орлов-Денисов заметил, что один французский пикет слишком выдвинулся вперед и стоит в удалении от прочих войск. Он вызвал охотников снять этот пикет. Вызвалось двадцать пять удальцов, с поручиком Венедиктом Коньковым во главе. Казаки разделись донага, забрали с собою только пики, потихоньку прошли к реке, переплыли ее, поднялись на кручу левого берега и стремительно бросились на пикет. Французы не успели даже дать выстрела, как были частью поколоты, частью забраны в плен. Отправив пленных на свой берег, Коньков выстраивает голых казаков и кидается с ними на самый лагерь. Там он колет все, что попадает под руку. Во всем кавалерийском стане поднимается тревога. Целый полк вылетает, чтобы покончить с отчаянными лейб-казаками. Коньков несется к берегу. Перед ним крутой обрыв... Плотно обхватили голыми ногами бока своих умных коней казаки, отдали повод — и смелые степные лошади сползли по круче в воду и уже плывут стасй, и только верхи их морд видны над водой, раздуваются храпки, блестят черные глаза, да подле машут белые руки саженками загребающих казаков.

Везде с казаками был Платов. Его добрый серый конь редко расседывался в это тяжелое лето, и сам атаман не одну

бессонную ночь провел у костра. Лежа на песке, он писал донесения, он придумывал всевозможные набегии в тыл и на фланги и сам руководил боем. "Вихрь-атаман" — звали его в России.

Стихотворец Жуковский так написал о нем*:

Хвала! наш вихорь-атаман!
Вождь невредимых Платов.
Твой очарованный аркан —
Гроза для супостатов.
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой — им в уши свистишь!
Они лишь к лесу — ожил лес:
Деревья сыплют стрелы.
Они лишь к мосту — мост исчез.
Лишь к селам — пшут села...

Наконец, был назначен новый главнокомандующий — фельдмаршал Кутузов. Старые казаки знали его. После штурма Суворовым Измаила Кутузов оставался там комендантом, в последнюю Турецкую войну он был главнокомандующим. Ему верили, его любили, он был соратник Суворова, он был русский. Солдаты надеялись, что отступление нашей армии, наконец, кончится, что мы перейдем в наступление. "Приехал Кутузов — бить французов", — говорили в войсках, и все готовились к упорному бою защищать первопрестольную Москву!

Разослан был приказ готовиться разбить французскую армию под Москвой. Вызваны были все старшие начальники к Кутузову в село Бородино. Платов уехал и поручил свой корпус генерал-майору Ивану Кузьмичу Краснову. Краснов был сын казака Букановской станицы. Он начал службу простым казаком в 1773 году. Хорошо грамотный, распорядительный и отчаянно храбрый, Краснов скоро был произведен в офицеры. Он был два раза ранен, состоял долго при Суворове и с ним штурмовал Измаил. Оставшись за Платова начальником всех казачьих полков, Краснов 25 августа сдерживал напор французов. Наши войска отходили к передовому укреплению у Бородина — Шевардину. Казаки остановились у Полоцкого монастыря. Часть полков спешилась, донская артиллерия стала на позицию. Начался артиллерийский бой. Ядро раздробило ему всю правую ногу. Невозможно было сделать перевязку. В это время

* Стихотворение В. А. Жуковского "Певец во стане русских воинов".

французская конница готовилась атаковать казаков. Без перевязки, страшно страдая, поддерживаемый есаулом Галдиным, поехал Краснов в лазарет. По дороге его встретил генерал Иловайский 5-й.

— Отражай врагов,— сказал ему Краснов,— а я умру радостно, услыша, что враг побежден.

У перевязочного пункта его сняли с седла, положили на ковер и отняли ногу. Он молчал. Он знал, что умирает. На том же самом ковре его отнесли к палатке Кутузова. Он все приподнимался и спрашивал: "Что наши?"

Смерть приближалась. Холодный пот выступил на лбу. Краснов собрал последние силы и приподнялся.

— Приподнимите меня,— сказал он,— я сам посмотрю, что наши делают!

Но уже глаза не видели.

— Бьют французов наши,— сказал ему Платов.

— Дай Бог! — сказал Краснов и умер, как подобает донскому казаку, на поле битвы, под грохот пушек. Имя генерала Краснова 1-го носит теперь Донской казачий N 15 полк...

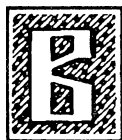
Смерть Краснова весьма опечалила Платова. Он потерял в нем не только друга и боевого товарища, но и опытного и храброго помощника. Но на войне грустить и думать о потерях близких не приходится. На другой день произошла величайшая битва этого времени — Бородинское сражение.

2. Бородинское сражение

26 августа 1812 года

Бородинском сражении у русских было 103000 солдат, у Наполеона — 130000. 25 августа, в жаркий августовский день, в лагерь русских войск привезли чудотворную икону Смоленской Божьей Матери. Торжественная молитвенная тишина стояла на громадном поле подле Бородина, на котором стали на позиции русские полки. Всюду земля была изрыта. Тянулись длинные рвы окопов, насыпи, стояли плетеные туры батарей. Медные пушки сверкали на солнце. Солдаты надели на себя чистые рубахи: все готовились к смерти.

В казачьем лагере, раскинувшемся более, чем на версту, лошади стояли по коновязям, пики были составлены в костры, а казаки в золотых, серебряных и малиновых ризах, несли хоругви, иконы, и на особенных носилках проносили чудотворную икону. Казаки стояли на коленях на сжатом поле и горячо молились.

"Святой Боже, святой Крепкий, святой Бессмертный, помилуй нас!" — слышались голоса певчих. Донцы брались рукою за ладанки, висевшие на груди. В этих ладанках со словами молитвы была зашита горсть родной донской земли. Истлел холст ладанок, истлела и рубаха на черной груди казака. Им нечего было переодеть, им и некогда было переодеться. Лишь к вечеру пришли они сюда после жаркого боя, в котором потеряли генерала Краснова и многих казаков. Пришли и застали окончание молебна — и вот, молятся:

— Святой Бессмертный! Помилуй нас!..

Темная ночь спустилась над громадным станом. Спят утомленные боями казаки, и лишь иногда, просыпаясь, слышат легкий шорох кругом. То не спит и шевелится, в ожидании страшного боя, громадный лагерь Кутузова. И перекрестится казак, и уста его тихо произнесут: "Святой Крепкий, помилуй нас!"

Спать... Спать... нужно набраться силы для завтрашнего подвига...

И только первые лучи солнца показались над покрытой туманом землєю, как 100-орудийная французская батарея окуталась дымом и грохот пушек понесся над полем и эхом отразился о далекие леса.

Бой начался...

Вам не видать таких сражений!
Посились знамена, как тени,
Вдали картечь визжала,
И ядрам пролетать мешала --
Гора кровавых тел*

Победоносная французская армия разбилась тут о стойкость русского солдата. Французы отнимали у русских укрепления, но русские полки вновь врывались, опрокидывали французов и занимали окопы. Среди мертвых тел, между раненых и стонущих своих товарищей дрались солдаты. Гнулись и ломались штыки, в щепы обращались приклады, не хватало патронов, зарядов, пороха. Едкий пороховой дым туманом застилал поле, и в этом тумане дрались последним смертным боем солдаты. Дрались за Москву!

Был первый час дня, и Наполеон выстраивал всю свою армию, чтобы обрушиться на русские полки, чтобы добить живых. И у нас готовились принять врага как следует, торопились устроить укрепления, из мертвых тел складывали закрытия, собирали патроны, чистили ружья, банили раскаленные пушки.

Но войска французские медлили с последним ударом. Наполеон ускакал назад. Тревога показалась на лицах его генералов. Что случилось?

В тылу, как у себя дома, хозяйничали донские казаки Платова!..

Как только началось сражение, Платов с несколькими полками перешел вброд реку Калочу, обогнул левый фланг французской позиции и налетел сначала на какой-то резервный батальон, рассеял его, а потом казаки попали в громадный обоз великой армии. И вот, в тылу застучали ружейные выстрелы, раздались крики о помощи, и внимание Наполеона в самую важную минуту сражения было отвлечено казаками. Но, к сожалению, казаки не исполнили всего, что могли они сделать, проникнув в тыл французской позиции. Бедные и оборванные, потерявшие почти все свое обмундирование за время отступления, они, попавши в обоз, увлеклись грабедом. Вместо того, чтобы ударить на резервные

* Из стихотворения М. Ю. Лермонтова "Бородино"

полки, захватить с тыла батареи, они, не слушая начальников, рассыпались по повозкам, рылись в сундуках, хватали мундиры, патроны, хлеб, кули с овсом. Как саранча нападает на хлебное поле, так напали казаки на французский обоз. Забывши о том, что идет жестокий бой и решается участь всей войны, голодные донцы делили добычу, вьючили матери, набивали сумы продовольствием и вещами; их не останавливали.

Платов в этот день был удручен потерями минувших дней и мало распоряжался...

А между тем, каждая минута была дорога. Встревоженный Наполеон при первых выстрелах в тылу послал туда всю свою конницу. И она появилась перед обозами тогда, когда казаки не успели еще устроиться, и потому казаки живо рассыпались в лагу и начали отходить.

Набег казаков Платова в тыл Бородинской позиции Наполеона мог бы сломить все силы Наполеона и даровать нам полную победу. Но этому помешала некоторая жадность казаков. Едва увидели наши деды богатства наполеоновского обоза, как забыли и цель и назначение набега. Сильно раскаивались в этом потом казаки, да было уже поздно: потерянного не вернуть.

Набег казачьих полков в тыл французов остановил на целый час атаку на русскую позицию. За этот час защитники главной нашей батареи Раевского были подкреплены, и французская атака разбилась о твердость наших войск. Четыре часа боролись на тесном поле. Четыре часа гремел и перекатывался беглый огонь по линии стрелков и с музыкой и развернутыми знаменами ходили полки. Четыре часа орлы французских знамен сталкивались с русскими орлами и не могли их одолеть. В 6 часов вечера бой стих. Утомленные, разошлись враги и заночевали на тех же местах, где стояли и раньше. Мы не уступили врагу ни пяди земли...

На другой день войска отошли на полторы версты, а потом двинулись к Москве. 2 сентября, в виду первопрестольной, в маленькой деревушке Фили, собрался военный совет. На этом совете решено было пожертвовать Москвою, но спасти армию. Всем приказано было отступать за Москву.

Но еще раньше этого совета в Филях, 29 августа, атаман Платов в почтовой бричке помчался на Дон — поднимать казаков на защиту России от антихриста в лице Бонапарта!

— Родную дочь свою отдам замуж за того казакишку, который возьмет мне в плен Наполеона! — повторял рассерженный и разобиженный донской атаман.

3 сентября последние полки наши вышли из заставы и пошли по Рязанской дороге, и в этот же день Наполеон

вступил в Москву. Долго стоял он на Воробьевых горах и, скрестивши руки, любовался Москвой. Горели на солнце купола и кресты сорока сороков церквей, красиво высился Кремль, вся Москва, окутанная зеленью полей, играла перед ним в лучах утреннего солнца.

— Так вот он, этот священный город! — задумчиво сказал Наполеон.

Он ждал, что к нему выйдут жители, что начальник города поднесет ему на бархатной подушке ключи. Так было при взятии им Вены, Берлина и других городов. Но из Москвы никто не приходил. Он послал в город поторопить, ему донесли, что Москва пуста.

Жители бежали из Москвы, все, что можно было увезти — было увезено. Наполеон вошел в покинутую жителями, разоренную Москву.

Он послал из Москвы императору Александру предложение о мире.

— Я не положу оружия, — отвечал ему наш государь, — доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем!..

Москва начала гореть. Таинственные люди поджигали ее со всех сторон. Французские разъезды ловили их. Расстреливали... На место расстрелянных являлись новые, и Москва продолжала гореть. В армии Наполеона начал ощущаться недостаток съестных припасов. Солдаты находили мебель, шелковые материи, бархат, чай и сахар, но не имели хлеба, муки, мяса, овса и сена. Наполеон посылал партии на розыски продовольствия в окрестности, но на партии эти нападали казаки, нападали вооруженные крестьяне, и они или гибли, или возвращались с пустыми руками.

В богатом городе армия Наполеона страдала от голода. Солдаты начинали не слушаться своих офицеров, и в так страстно ожидаемой французами Москве армия страдала больше, чем во время сражений.

Как двести лет тому назад, в 1612 году, по призыву князя Пожарского и Минина, поднялся стар и млад на защиту родины, так и теперь, по слову Государеву, вся Россия поднималась против французов. Дворяне за свой счет составляли, обмундировывали и снаряжали полки, готовились народные ополчения.

Но особенно возмутился и вознегодовал Тихий Дон. Там готовилось поголовное ополчение казаков против Наполеона.

3. Поголовное ополчение войска Донского

1812 г.

конце августа на Тихий Дон прискакал атаман Платов. Сейчас же по всем станицам поехали гонцы. Собирали казаков на круг и объявляли им, что враг в несметном количестве пришел разорить Россию.

— Похваляется он, — говорили платовские посланцы, — пройти Русь до самых берегов тихого Дона. Если Бог попустит врага осквернить своим присутствием казачью землю, тогда не пощадит он ни жен, ни детей наших, поругает он храмы Господни, встревожит прах отцов наших и смешает горячую казачью кровь с волнами тихого Дона!..

Молча, с опущенными головами, слушали казаки эту речь. Слышались тихие вздохи, иногда кто-нибудь творил крестное знамение.

— Атаман, — продолжал гонец, — призывает всех верных донцов стать на защиту Царя и Отечества!

— Скорее умрем, но не выдадим Россию и тихий Дон на поругание французам! — кричали казаки.

Весь Дон шумел от казачьих голосов. Поднимались верхние и нижние юрты. Без царского указа, по одному слову своего атамана, и старые и молодые, и богатые и бедные становились под станичные знамена. Шли люди давно уволенные в отставку, шли единственные сыновья — опора всей семьи. Пустел Дон. По станицам и хуторам оставались только немощные столетние старики, да женщины, да малые дети. Дон весь пошел выручать свою мать — Россию.

Ой ты, батюшка наш, славный тихий Дон!

Ты кормилец наш, Дон Иванович!

Про тебя-то лежит слава добрая!

Слава добрая, речь хорошая!

Как бывало ты все быстер бежишь,

Ты быстер бежишь, все чистехонек,

А теперь ты, кормилец, все мутен течешь.

Помутился ты, Дон, сверху донизу!

Речь возговорит славный тихий Дон:

"Уж как-то мне все мутно не быть:
Распустил я своих ясных соколов,
Ясных соколов, Донских казаков!
Размываются без них мои круты бережки,
Высыпаются без них косы желтым песком!"

Донское дворянство выставило 1500 лошадей. Торговые казаки пожертвовали 100 тысяч рублей на нужды поголовного донского ополчения. Каждый жертвовал еще, кто чем мог. У кого было два седла — отдавал седло неимущему; помогали оружием, одеждой. В самое короткое время было собрано 26 полков и снаряжено шесть орудий донской конной артиллерии. Без дневок и без отдыхов тронулись эти полки с Дона и пошли, делая по 60-ти верст в день, на выручку русской армии, к Тарутинскому лагерю...

Казаки шли бодро и смело, готовые на подвиг и на смерть.

— Один раз родила казака мать, — говорили они, — один раз и умирать!..

4. Изгнание французов из России

Москва догорала. Стоял конец сентября. По ночам было холодно, и солдатам великой армии Наполеона негде было укрыться. Голодные и оборванные, они начали гибнуть от болезней. Между тем, русская армия усиливалась ополчениями, бодрое настроение было в русских войсках. Все желали наступления на французов, жаждали победы и верили в нее...

Наполеон решил отступить... И только вышел он из Москвы, как русские перешли в наступление.

5 октября русская армия тронулась из Тарутина. Вечером, шестью колоннами, двинулась она к французскому авангарду Мюрата, стоявшему отдельно, в 60-ти верстах от главной армии Наполеона. В правой колонне нашей шло десять казачьих полков под начальством графа Орлова-Денисова.

Все эти колонны должны были одновременно на рассвете подойти к французскому лагерю и атаковать его. Ночь наступила темная, подул холодный сырой ветер; по грязным дорогам пехота еле тянулась, пушки увязали, и только казачья колонна графа Орлова-Денисова к назначенному часу пришла на место. Казаки вытянулись длинной лавою на опушке густого ольхового леса.

Светало. Ветер бил голыми ветвями, срывая с них последние бурые листья. Накрапывал мелкий дождь. Тревожно выжидая, ходил взад и вперед Орлов-Денисов. По времени, пора было начинать. Но русских колонн еще не было. Тихо спал в сыром осеннем утре французский лагерь. Вот начали и в нем просыпаться. Показались кавалеристы. Они, без оружия и без седел, ехали с лошадьми на водопой.

— Что же, начинать, что ли? — спрашивали казачьи полковники графа.

Орлов-Денисов посматривал то на часы, то на восток, откуда должны были появиться пехотные колонны. Но там не было заметно никакого движения.

— Ну, с Богом!

Казачи сели на лошадей, оправились и... ги-ги! — сотня за сотней, как из мешка, полетели пятьдесят казачьих сотен на пробуждающийся бивак французской армии. Весь лагерь левого крыла и 38 орудий были охвачены казаками. Казаки рассыпались по биваку, били отсталых, хватали оружие, вывозили пушки, поджигали зарядные ящики, всюду внося тревогу и беспокойство. Французы устраивались в середине, и в это же время показалась первая русская колонна.

Кое-как устроившиеся кирасиры понеслись на казаков.

Бой разгорался по всей линии. Мюрат постепенно вводил свои полки; но русские теснили французов, и они начали отступать.

Сражение при Тарутине решило исход войны в нашу пользу. Это было первое сражение со времени перехода французов через Неман, где мы одержали полную победу. И эту победу русской армии дали донские казаки. За время нахождения Наполеона в Москве его армия ослабела, наша же усилилась. Тарутинское сражение показало русским, что французы уже не в силах бороться с нами, и сами французы это поняли и начали отступать.

Как при вступлении Наполеона в Русскую землю донцы наседали на французов и всюду теснили их, так и теперь, при отходе врага, донские казаки неустанно преследовали его. Они навели панику и уныние на французских начальников. Вот что писали о них в это время лучшие знатоки кавалерийского дела:

"...Казаки делают войну весьма опасною, — писал о донцах француз де-Брак, — и в особенности для тех офицеров, которые назначены производить разведки. Многие из них, в особенности офицеры генерального штаба, довольствовались обыкновенно тем, что успевали узнать от местных жителей, и, из опасения наткнуться на казаков, никогда не проверяли на месте этих показаний, а потому император не мог узнать того, что происходило в неприятельских войсках..."

Другой француз, генерал Моран, поражается лихостью и увертливостью донских казаков.

"...Казаки, кидаясь в атаку, — пишет он, — обыкновенно несутся марш-маршем и хорошо останавливаются на этом аллюре. Их лошади много способствуют смелости и со своими всадниками составляют, как будто, одно целое. Эти люди, будучи осторожны, не требуют особых попечений о себе, отличаются необыкновенною стремительностью в своих действиях и редкой смелостью в своих движениях.

Какое великолепное зрелище представляла наша кавалерия, когда, блистая при лучах июньского солнца

золотом и сталью, пылая отвагою, она гордо развертывала свои стройные линии на берегах Немана! Какие грустные размышления возбуждали эти перестроения, утомлявшие только лошадей и оказавшиеся совершенно бесполезными в делах с теми самыми казаками, которые до сих пор были презираемы всеми, но которые так много сделали для славы России. Каждый день видели их в виде огромной завесы, покрывающей горизонт, от которой отделялись смелые наездники и подъезжали к самым нашим рядам. Мы развертываемся, смело кидаемся в атаку и совершенно уже настигаем их линии, но они пропадают как сон, и на месте их видны только голые березы и сосны... По прошествии часа, когда мы начинаем кормить лошадей, черная линия казаков снова показывается на горизонте и снова угрожает нам своим нападением. Мы повторяем тот же маневр и по-прежнему не имеем успеха в своих действиях... Таким образом, одна из лучших и храбрейших кавалерий, какую только когда-либо видели, утомлялась и приходила в расстройство в делах с теми людьми, которых она постоянно считала недостойными себя, но которые, тем не менее, были истинными освободителями своего отечества!..."

"...Военная история представляет нам много весьма поучительных примеров, — пишет англичанин Нолан, — того превосходства казаков над регулярной кавалерией, которым не следует пренебрегать и которое не должно забывать".

Такую славу приобрели себе донские казаки в это тяжелое боевое время.

В полках наполеоновских уже не было ни порядка, ни дисциплины. С этого дня казаки надели на армию Наполеона, как надоедливые мухи, и гнали и преследовали ее, не давая отдыха.

13 октября, рано утром, Наполеон отправился верхом с конвоем и с генералами Раппом и Коленкуром осмотреть место бывшего 12 октября под Малоярославцем сражения. Они не отъехали и версты от бивака своей гвардии, как увидели у деревни Городни выходящую из леса стройную колонну. Люди ехали, равняясь в отделениях, начальники были впереди частей. Наполеон ехал спокойно. Он думал, что это идет французская конница. Но вдруг его спутники заметили, что колонны выстраивают фронт, размыкаются по полю. Показались зловещие пики.

— Государь! Это казаки! — в испуге воскликнул Коленкур.

— Не может быть, — сказал Наполеон.

Казаки, между тем, уже неслись к дороге.

Рапп схватил под уздцы лошадь Наполеона и насильно поворотил ее назад.

— Да это наши, уверяю вас, — снова сказал Наполеон. Ему не верилось, что казаки могли быть в середине его войска, подле самого его императорского лагеря.

— Это казаки! Медлить нельзя, государь! — проговорил Рапп.

— Точно, это они!

Наполеон выхватил шпагу и помчался к лагерю, приказав своему конвою встретить казаков.

Казаки разметали конвой, схватили бы и самого Наполеона, если бы Платов не увидел стоящий в стороне артиллерийский бивак и не направил свои полки на него. Казаки взяли 40 орудий гвардейской артиллерии, 11 они успели увезти, а 29 испортить, так как были атакованы гвардейской конницей под командою маршала Бессьера.

С первых дней ноября месяца начались морозы и посыпал снег. Наполеон со своей армией проходил теперь тем же путем, которым он шел и на Москву, и который был разорен русскими. Нигде нельзя было найти ни продовольствия, ни фуража. Жестокая стужа увеличивала страдания французов. Они отмораживали руки и ноги, падали в глубоком снегу и замерзали. Казаки находили целые биваки замерзших людей. Прогнавши раз небольшую кучку французов, сидевших у костра, казаки нашли в котле человеческое мясо! Полки и батареи бросали оружие и сдавались перед маленьким казачьим разъездом.

И опять все труды, все ужасы голодных морозных бивуаков, которые приходилось испытывать французам, испытывали и казаки. Они также отмораживали себе руки и ноги, также стыли на своих лошадях, умирали от холода. Полки таяли. В тысячном Атаманском полку оставалось только полтора человека, но эти полтора не утомимо гнали Наполеона!

Эту полузамерзшую французскую армию со всех сторон окружили маленькие отряды, действовавшие сами по себе и уничтожавшие, где только можно, французов. Отряды эти назывались партизанскими отрядами. Руководили ими отчаянные люди — Денис Давыдов, Фигнер, Сеславин и другие. Они состояли из гусар и охотников из мужиков, но каждому из них была придана где сотня, а где и более казаков, и донцы работали вместе с партизанами, в связи с ними.

Пленных уже не считали и не брали. У них отбирали оружие и предоставляли им идти, куда глаза глядят. Они все равно погибали. Под напором казачьих сотен сдавались генералы и маршалы. Казаки отбирали назад обозы, нагруженные богатой добычей, набранной французами в Москве. Среди этой добычи донцы находили священные сосуды из церквей, серебряные ризы, содранные со святых икон. Бережно

собирали все это наши деды. Они не продавали серебра никому. Однажды донской казак подъехал к гвардейскому корпусу и продавал разные вещи, отнятые у французов. Тут были часы, кольца, табакерки, пистолеты, сабли. Покупатель, чиновник Литовского полка Щеглов, увидел у казака большой и тяжелый мешок, висевший поперек холки его лошади.

— А тут у тебя нет ли чего продажного, станичник? — спросил он у казака.

— Нет, это церковное серебро. Я обещал пожертвовать его в какую-нибудь церковь. Боже сохрани, чтобы я пользовался хоть одним золотником.

— Отдай тогда на нашу церковь, — сказал ему чиновник.

— Это ладно. Бери!

Казак снял тяжелый мешок с седла и передал его чиновнику, а потом беззаботно свистнул и уехал, не назвавши даже своего имени.

Уже с октября начались жестокие морозы. Реки неслись холодные, темные, покрытые льдинами. Мосты были снесены осенним ледоходом или испорчены жителями. 28 октября отряд итальянцев под командою вице-короля подошел к реке Вопи и не нашел моста. Пришлось переходить по пояс в воде. Берега были круты и обледенели, люди скатывались в воду, ушибались о замерзшую землю и тонули. Хотели строить мост, но под руками не было готового леса, а ехать собирать лес побоялись — казаки наседали. Суетно и торопливо шла переправа. В туманной дали короткого серого осеннего дня слышались частые выстрелы. Итальянцы торопились переправлять пушки, но дно реки было вязкое и пушки застревали. Между тем, выстрелы становились слышнее: казаки приближались. Тогда, в отчаянии, итальянцы бросили обоз и пушки и торопливо перешли реку. Казаки захватили здесь весь обоз, 23 пушки и 2000 пленных.

Тяжелый бивак предстоял Итальянскому корпусу. Дул пронизывающий холодный ветер и задувал костры. Измокшим на переправе итальянским солдатам негде было обсушиться и согреться. В ближайшем селении Духовщине стояло два казачьих полка генерала Иловайского 12-го. Итальянцы гибли на своем холодном биваке, падали в тяжелом бреду и умирали.

На утро 29-го числа вице-король итальянский со всею армией тронулся к Духовщине и заставил Иловайского очистить деревню, но к Иловайскому подошел Платов, они надели на вице-короля, уничтожили его конницу, забрали остальные пушки и 1 ноября вогнали в Смоленск без конницы и с 12-ю только пушками.

За эти дела под Вопью и Смоленском Платов был пожалован в графское достоинство.

Французская конница гибла под ударами казаков. Отощавшие от бескормицы лошади, не имевшие хорошейковки, отказывались идти по обледенелым дорогам. Люди выбивались из сил, погоняя их. Они отставали от своей пехоты и гибли под ударами казаков.

Без конницы французская армия была как без глаз и без ушей. Ни на одном биваке не было спокойствия, и измученные дневным маршем люди не имели отдыха ночью. Им снились казаки.

3 ноября под городом Красным наша армия надела на французов и заставила их бежать. Ночью после сражения никто не спал. В местечке Лядах две сотни казаков с крестьянами заставили всю армию провести ночь под ружьем...

7 ноября остатки наполеоновской армии прибыли в г. Оршу. Из полутора тысяч, выступивших из Москвы, сюда дошло едва 30000. Да и эти тридцать тысяч уже не могли называться солдатами. Это были оборванцы, наполовину безоружные и больные, неспособные к сопротивлению. В такой вид привели их боевые невзгоды и постоянные нападения казаков.

Граф Платов преследовал наиболее стойкого и мужественного генерала наполеоновской армии, маршала Нея. 5 ноября Платов вошел в Смоленск, из которого только что вышел Ней. Оставивши в Смоленске 20-й егерский полк и сотню казаков, сам Платов бросился преследовать по обеим сторонам Днепра уходящего Нея.

Сотник Наркин, шедший в авангарде отряда генерал-майора Денисова, скоро нашел 112 орудий, брошенных французами на большой дороге, в 17-ти верстах от Смоленска.

Атаман с 12-ю полками шел по глубокому снегу, по узким дорогам, а местами прямо полями, пересеченными канавами, наперерез самому маршалу Нею. Лошади проваливались в снежных сугробах, падали в заперошенные снегом канавы, но шли вперед.

Ней вел свои полки в густых колоннах по самому берегу Днепра. Вправо и влево от колонны были высланы стрелковые цепи. Недалеко от села Гусино на поляне между двумя лесами Платов нагнал Нея, обстрелял его из пушек и отхватил часть колонны. В то же время часть казаков, с пушками, с невероятными усилиями пробилась сквозь густой лес и вышла наперерез французам. Произошла страшная схватка. Французы, надеявшиеся спастись в лесу, были встречены оттуда картечным и ружейным огнем. Солдаты, бросая ружья,

бежали в разные стороны. Ней на крестьянской лошади кинулся к ним.

— Солдаты! — громовым голосом кричал он. — Неужели вы предпочтете постыдный плен славной смерти за императора и Францию!?

И изнемогшие солдаты послушали своего маршала. Они устроили колонну и бросились к лесу. Но Платов уже вывел оттуда казаков.

Французы вошли в дремучий лес, с трудом прошли через него, побросавши ранцы, и лишь далеко за полночь дошли до села Дубровны. Но на рассвете перед ними опять явился Платов и выгнал их из Дубровны...

Только 8 ноября Ней пешком дошел с остатками своих войск до города Орши и здесь соединился с наполеоновскими войсками.

12 ноября Наполеон с остатками своей армии начал переправляться через Березину. Платов шел за ним по пятам.

23 ноября Наполеон оставил армию и, под именем Коленкура, в почтовой карете уехал в Париж. Теперь бегущую французскую армию прикрывал мужественный Ней.

Он шел так быстро, что наша армия не поспевала за ним. Его преследовал только Платов с конными полками и донскими пушками, поставленными на полозья.

29 ноября сам маршал взял ружье и с несколькими солдатами пошел отражать натиск казаков. Его солдаты разбежались, и маршал Ней не был взят в плен только потому, что никто из казаков не признал его за первого генерала Наполеона: так плохо он был одет.

Как толпа оборванных нищих, голодная и обмерзшая, шла армия Наполеона. Ней еще пытался обороняться в Ковно, где были пушки и свежие немецкие войска. Но немцы при приближении русских войск перепились и разбежались. Ней пытался с горстью храбрецов удержать русские войска, но казаки обошли Ковно, и Ней, с 200 гренадерами старой императорской гвардии спасся в лесу... Последние остатки французской армии перешли через Неман.

Ни одного француза не было на Русской земле. Это было перед Рождеством. И с той поры, на всенощной в Рождественский сочельник во всех церквах поют торжественную молитву: "С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, как с нами Бог!" Этим вспоминают освобождение России от наполеоновских полчищ.

Казачий корпус Платова остановился на берегах реки Немана, там, где в июне месяце он начал свои действия. Командиры полков здесь приводили в порядок лошадей, снаряжение, пополняли ряды, считали добычу.

Велика была эта добыча, отнятая казаками графа Платова в 1812 году!

За шесть месяцев борьбы с Наполеоном донские казаки истребили более 18000 французов, взяли в плен 10 генералов, 1047 штаб- и обер-офицеров и около 40000 нижних чинов. Знамен отбито 15, пушек 364 и 1066 зарядных ящиков.

Громадное количество серебра казаки сдали Кутузову для пожертвования на церкви.

В Казанском соборе в Санкт-Петербурге сделана из этого серебра тяжелая решетка вдоль главного амвона храма. На этой решетке есть только скромная надпись: "Усердное приношение войска Донского". В решетке этой 40 пудов веса.

Кроме того, Платов передал 10 пудов серебра и 20000 рублей на возобновление ограбленных французами храмов Донского монастыря в Москве...

В ноябре месяце к нашей армии прибыл император Александр I и приказал войскам переходить через Неман и преследовать французов за границы.

Начинался заграничный поход казаков.

5. Лейпциг. Фер-Шампенуаз. Намур. Париж 1813—1814 гг.

В начале заграничного похода граф Платов был отозван в главную квартиру государя императора, и донские полки распределены по корпусам. В феврале 1813 года генерал Чернышев составил летучий отряд из шести казачьих полков, шести эскадронов гусар и драгун и бросился к Берлину, столице Прусского королевства, занятому французами. Русских там совсем не ожидали. Чернышев отдал распоряжение о медленном, осторожном и постепенном занятии Берлина, но когда полк Киселева подошел к воротам, оттуда выехало тридцать французских всадников. Казаки с места в карьер кинулись на них, вогнали в город и встели за ними в ворота. За полком Киселева вскочил и полк Власова, а за ними и Чернышев. Казаки промчались по улицам Берлина и выскочили на реку Шпрее, протекающую через Берлин. Все мосты через реку были сломаны, кроме одного каменного. На этом мосту стояла батарея из шести пушек. Под выстрелами французской пехоты казаки пронеслись по всем улицам Берлина и потом ушли, по приказанию Чернышева, из города, навевая ужас на весь французский отряд.

Русские войска шаг за шагом подавались вглубь Германии. Оставленные на немецкой земле полки французские не могли противостоять нашим и отступали. Наполеон требовал подкреплений из Франции, собирал войска, готовясь перейти в наступление на русских и одним ударом покончить с императором Александром и его союзником, прусским королем.

К осени 1813 года он собрал громадную армию, силою в 130000 человек, и решил под городом Лейпцигом атаковать союзные войска. Но у союзников собрались тоже большие силы, до 280000 человек. Это сражение должно было решить войну.

Утром 4 октября союзные русско-немецкие войска атаковали французов. Наполеон отбил все атаки, собрал 100

эскадронов кавалерии, массу, около 8000, закованных в стальные латы всадников и послал их на русские войска. Под страшную силою конной атаки до последнего человека погиб целый батальон Кременчугского пехотного полка, в артиллерийской роте графа Аракчеева вся прислуга была изрублена тяжелыми палашами и орудия захвачены французами. Стремительным потоком, все сокрушая под страшными ударами сабель и палашей, неслась французская конница. Она прорвала линии 2-го пехотного корпуса и внезапно появилась у селения Госсы, там, где стоял, окруженный свитой, государь император Александр I.

Несмотря на страшную опасность, император Александр продолжал стоять у деревни Госсы. Он смотрел на опрокинутые войска и на поддержку, которая шла к ним. Между тем, неприятельская конница была совсем близко... Еще мгновение — и русский царь был бы в плену.

Выручили его, спасли, заслонили своєю грудью, да мало того, что заслонили, но прогнали и уничтожили и саму конницу французскую, наши лейб-казаки.

Лейб-гвардии Казачий полк стоял тут же у подошвы холма, на котором был император. Все походы лейб-казаки сопровождали своего государя, составляя его почетный конвой. Лейб-казакам, заслоненным от поля холмом, не было видно, что такое произошло, но по суматохе, по тому, что в свите государевой началась суета, они чувствовали, что что-то неладно. Им было видно, как государь подозвал к себе стоявшего позади царской свиты их командира, графа Орлова-Денисова, отдал ему какое-то приказание и Орлов на своем рыжем коне помчался куда-то назад и скрылся из вида. И казаки догадались, что государь потребовал резервы.

Вдруг раздались из свиты встревоженные голоса:

— Позвать полковника Ефремова!..

— Полковника Ефремова к государю!

Ефремов был старшим после Орлова-Денисова и стоял перед полком. В одну минуту Ефремов был подле государя. Государь сказал ему что-то, и сейчас же Ефремов обернул свою лошадь и скомандовал:

— Полк! Отделениями по четыре направо! Заезжай, рысью, — марш! За мной!

И он понесся вперед, не ожидая полка.

— Не отставай от командира! — крикнул кто-то в рядах, и казаки ударили шпорами своих лошадей и пустили их в карьер. И сейчас же они попали в топкий болотистый ручей, который нельзя было обскákat. Началась суматоха. Плотина узкая, вдвоем не проскачешь, скакать по одному — длинная история.

Эскадроны рассыпались по берегу, точно табун лошадей, пригнанный к водопою. Вдруг кто-то крикнул: "Пошел!" — и казаки, кто где стоял, кинулись напрямик: кто пробирался по мосту, кто плыл, кто, забравшись в тину, барахтался в ней по самое брюхо лошади. И вот, лейб-эскадрон уже на том берегу, за ним выбирают и остальные. Странное зрелище увидели лейб-казаки. Наших гонят... французские латники совсем близко к государю.

— Эскадрон! Благословляю! — крикнул Ефремов и, подняв обнаженную саблю, сделал ею крестное знамение.

Казаки схватили наперевес свои дротики и ринулись на латников.

Лихой вахмистр лейб-эскадрона Тимофей Иванович Першиков, казак Казанской станицы, скакал и в это время раздумывал — на кого ему напасть? "Дай — думает, ссажу французского генерала". Наметил он его, вырвался из фронта и понесся. Генерал повернул коня и пошел навстречу лейб-казачьему вахмистру легким галопом. Весь он закован в латы, сверкает на нем медь и сталь, в руках у него огромный палаш. И понял вахмистр, что генерал французский не новичок в кавалерийском деле, ведет коня прямо в разряд и норовит ударить грудью своей большой лошади в бок донскому мерину; ударь он так, и казак три раза бы перевернулся кубарем. И решил казак хитростью обойти француза так, как его учили деды. Конь у него был добрый, голоса его слушал. Доморощенный конь, из отцовского табуна. Чуть только поравнялся Першиков с французом, мотнул своего коня в сторону, да как крикнет: "Тпру!" — конь и уперся в землю всеми четырьмя ногами. В ту же минуту Першиков отнес пику в сторону, да как махнет ею наотмашь — угодил генералу прямо под девятое ребро, пика просадила его насквозь. Упал он от такого молодецкого удара вместе с конем, схватился за древко обеими руками и чуть не стянул Першикова с лошади. Уперся Першиков в стремя левою ногой, встряхнул француза на пике, что было силы, да так рванул его, что чуть и сам из седла не вылетел. Француз тут же и помер.

Все это случилось так быстро — глазом моргнуть... Эскадрон, между тем, уже врехался в ряды французов с таким гиком, гамом и ревом, что французы сразу оробели, да как загалдят между собою — и давай Бог ноги. Лейб-казаки за ними — и очутились в самой середине их конницы. Врезаться-то лейб-казаки врезались, а справиться и не могут, стоят перед ними кирасиры, как медная стена.

— Коли его в пузо, да под мышки! — крикнул Ефремов.

Пошли работать казаки!.. Першиков первый толкнул пикой в морду французской лошади, по мундштуку, она взвилась на

дыбы, поддала задом и француз грохнулся оземь, только латы звякнули. Тогда пошли казаки шпырять лошадей, кто в морду, кто в ноздри, кто в ухо, — лошади взбесились, начали прядать одна на другую, стали бить задом и передом, французам уже стало не до того, чтобы рубить, дай Бог в седле усидеть... И пошла у них каша. Давят друг друга, топчут... А тут и наши подоспели. Налетела гвардейская кавалерия под командою генерала Шевича, ударили пушки конной артиллерии, с другого фланга на французов наскочили немецкие полки — кирасирский и драгунский. Французы бросились назад. Лейб-казаки за ними... Поработала тут донская пика! Командиры сами записались в чернорабочие, знай колют и рубят! Иной казак собьет с француза каску, тот спрячет голову, согнет, выставит зад, на заду-то лат у него нет, и казак так и просадит его пикою до самых плеч, подымет пику, а кирасир у него на пике, как турок на колу! Много поломали в тот памятный день лейб-казаки пик. Они гнали французов до самой пехоты. Рассвирепели страшно. Спасаясь от донских пик, французы не попали в интервалы своей пехоты и помяли ее ряды. Только выехавшая навстречу лейб-казацкому полку батарея картечью и остановила их. Лейб-казаки выскочили из-под картечного огня и пошли шагом. Никто их не преследовал.

Тихо возвращались эскадроны с места страшного побоища; многих лошадей вели за полком в поводу; казаки, у которых лошади были ранены, шли рядом. Полковник Чеботарев и 18 казаков были убиты, поручики Орлов 2-й и Безкровный, корнет Николаев и 31 казак были ранены...

Невеселые шли казаки. Вдруг в лейб-эскадроне казаки заговорили: "Давай, братцы, песню споем!"

Першиков, у которого все лицо было рассечено в схватке концом кирасирского палаша, подъехал к своему эскадронному командиру и говорит:

— Дозвольте, ваше высокоблагородие, казакам песню сыграть...

— Нельзя, братцы, — задумчиво проговорил командир, — видишь, царь смотрит!

— Тем лучше, что смотрит, — бойко отвечал вахмистр, — он сам послал нас на латников и сго же молитвами мы возвращаемся живы и невредимы.

— А это что? — сказал командир, указывая на щеку вахмистра, рассеченную палашом. Вахмистр провел рукой по щеке, посмотрел на кровь и отвечал серьезно:

— Это пустяки, ваше высокоблагородие. А вот что я доложу вам: нам дедами и отцами дан великий завет — не только быть телохранителями царя, а и веселить его душу и сердце!

— Валяй! — улыбаясь, сказал командир.

Вихрем вынеслись песенники, и на поле, усеянном трупами кирасир, грянула разудалая песня:

"Во лузях, во зеленых во лузях"

Хору вторил медный рожок, звенели тарелки, гудела волынка. Ефремов ехал перед песенниками и, понуриив голову, задумчиво говорил: "Хорошо! хорошо!.."

— А откуда они волынку достали? — спросил он у эскадронного командира.

— А тут у немца купили. Ну, да и волынка же попалась славная: гудит, точно нашей победе радуется.

А вот и плотина. За нею, на холме, по-прежнему видна была величавая фигура государя императора, священную особу которого охраняли лейб-казаки. Он все видел. Он видел и большое зеленое поле, истоптанное лошадьми, залитое кровью, покрытое телами казаков и кирасир. В братских объятиях смерти лежали они, положившие душу свою за други своя...

Казаки подтянулись и молодецкато прошли мимо своего обожаемого государя. Их потные лошади были залиты грязью и кровью, их алые куртки разорваны и загрязнены, и руки и лица были в крови. Многие были бледны от полученных ран, но восторгом горели их лица, и молодцами прошли мимо своего государя лейб-казаки, только что сокрушившие мощным натиском французскую конницу.

Ефремов подскакал к государю. Когда он возвращался, острый глаз лейб-казака явственно различил на шее его что-то белое. И, когда он подъехал ближе, все ясно увидали, что это был Георгиевский крест 3-й степени. Ефремов получил его из рук самого государя на поле сражения.

И загремело по счастливым рядам лейб-казаков неудержимое, величественное: "Ура!" Стихло оно, и Ефремов сказал своим удалым лейб-казакам:

— Полк! Государь благодарит всех вас за ваш нынешний славный подвиг. Он мне сказал, что всеми вами доволен в душе своей и в сердце; благодарит Бога, что вы из страшного, смертного боя возвратились с ничтожною потерей, молит Его, чтобы вы и в будущих ваших подвигах были так же счастливы, как сегодня!..

И опять: "Ура!"

Славная атака лейб-казаков под Лейпцигом навсегда запечатлена в памяти полка. В 1832 году полковой праздник полку был установлен на 4-е октября. В этот день лейб-казаки вспоминают великий день славной победы своей над французами.

Блестящей атакой лейб-казаков, поддержанной гвардейской конницей, победа решилась в нашу пользу. 5-го и 6-го октября еще были бои, но в последней своей атаке, вечером 6-го октября, французы были разбиты и отступили...

Их опять погнали казаки. Теперь Платов был снова во главе их. Всю холодную зиму преследовали донцы отступающую французскую армию. Они шли по чужой стороне. И зима была здесь чужая, без снега. Дожди сменялись морозами, и опять были дожди. Тяжело отзывалась такая зима на казачьих лошадях. В ту пору и песня сложилась:

На рынке то было на рыночке,
На желтеньком песочке.
Там сидят два братца родимые,
Сидят-то ружья чистят,
Из ружейца ржавчину вычищают,
Французскую сторону проклинают:
"Французская зима, она студеная!
Перевела много казачьих полков,
Познобила-то она табун коней!
Жаль-то мне, жаль одну лошадь:
Как по гребню эта лошадь пробегала,
Копытом она огонь вырубала,
Волновитым хвостом огонь раздувала!"

Имея впереди себя самого государя императора, армия наша бодро и смело подвигалась к столице французской земли — городу Парижу.

Вечером, 13 марта 1814 года, государь император остановился на ночлег недалеко от Парижа, в местечке Фер Шампенуаз. Только что расположились на ночлег, как раздались ружейные выстрелы и показалась пехота. Государь приказал своему конвою — лейб-казакам атаковать их. Французы живо построили каре и начали стрелять залпами по лейб-казакам. Но это не остановило лейб-казаков. Они налетели на ошетилившиеся штыками каре и в одну минуту смяли его. Французы бросали оружие и просили пощады, а кто защищался — попадал под пики лейб-казаков.

Часть французов наскочила на нашу батарею. Тогда лейб-казаки под командою полковника Ефремова и ротмистра Орлова пробились к батарее, и Ефремов, несмотря на то, что был ранен штыком в голову, сражался до тех пор, пока не подоспели наши гусары и пехота.

Между тем, граф Платов продолжал также действовать со своими казаками. 4 февраля 1814 года он подошел к сильно укрепленному городу Намуру. С ним были только казаки. Подойдя к Намуру, Платов послал переговорщика и потребовал сдачи города. Но комендант города ответил: "Рвы

наполнятся трупами, река обогрится кровью, а города не сдам! Храбрость и решительность французов всем известны!"

Получив такой ответ, Платов приступил к правильной осаде города. Спешивши казачьи полки, он расположил лошадей сзади, орудия донской артиллерии поставил на позицию и стал бомбардировать город. Удачными выстрелами казачьих пушек два орудия в крепости были подбиты и много прислуги было перебито.

До самой ночи шла артиллерийская перестрелка. С наступлением сумерек Платов приказал разложить большие костры при обозах и лошадях и затем постепенно раскладывать огни все дальше и дальше от города так, как будто бы это подходят новые войска. Потом он призвал к себе полковых командиров и сказал им:

— С Божьею помощью я решил в эту ночь взять город приступом. Мы русские и, следовательно, должны ожидать удачи. С именем Бога и Государя приступим к делу...

В то же время в полках казачьих читали следующий его приказ:

"С твердым упованием на Бога, с ревностным усердием к Государю и с пламенной любовью к Отечеству совершим в сию ночь приступ к городу Намуру. Со всех полков наряжаются по три, а с Атаманского полка пять сотен пеших казаков с дротиками. У кого есть патроны, тот должен быть с ружьем. Наблюдать тишину; а подступая к городу с трех назначенных мест, производить беспрерывный крик. У страха глаза большие; неприятелю сила наша неизвестна. Город кругом окован нашей цепью; никто не подаст вести врагу. Вспомните измаильский приступ: к стенам его казаки шли с открытой грудью. Вера и верность увенчались там успехом; и здесь, упоая на Бога, ожидаем несомненно славы и победы. Овладев городом, не чинить жителям никакого вреда, никакой обиды. Покажем врагам нашим, что мы побеждаем сопротивников верою, мужеством и великодушием..." Наступила темная ночь. Платов сидел на камне и, сидя, дремал. Ему донесли, что казаки готовы на штурм. Платов встал, перекрестился и сказал полковнику Шпербергу, назначенному командовать спешными казаками:

— С Божьею помощью ступайте, начинайте. Приближайтесь к городу скрытными путями, тихомолком, чтобы враг и шороху нашего не услышал. Уведомляйте меня обо всем. Подошедши к городу — пустите ракету. Дай Бог, чтобы неприятель сдался без кровопролития. Бог всем располагает; да будет по Его святой воле!

Казаки пошли на приступ. Подойдя к городу, они подняли страшный крик, и 2 орудия донской артиллерии начали

стрельбу по городу. Французы открыли огонь со стен. Донские пушки разбивали ворота. Первый приступ казаков на стены был отбит. Тогда Платов послал на помощь Шпербергу генерал-майора Грекова 8-го с казаками и приказал ему непременно зажечь ворота.

Казаки живо подскочили к воротам, принесли солому, порох, и вскоре зарево озарило темноту ночи. Ворота города горели. Казаки с криком "Ура" кинулись с одними дротиками на приступ, черноморские сотни открыли сильную стрельбу по стенам... И вдруг, среди трескотни ружей и криков "Ура!" раздались резкие звуки трубы. Неприятель трубил о сдаче.

Платов предложил гарнизону идти из города в плен и сдать оружие. Он обещал, что спокойствие жителей ничем не будет нарушено.

К рассвету все было кончено. Большой отряд французов был обезоружен и приведен к Платову.

— Мы возложили упование наше на Бога, — сказал Платов генерал-майору Грекову 8-му и полковнику Шпербергу. — Бог увенчал надежду нашу. Принесем Ему благодарение.

Настал рассвет. Пленники сидели в казачьем лагере и видели кругом себя лишь небольшой конный отряд донских и черноморских казаков. Платов позвал к своему шатру коменданта крепости Намура закусить чем Бог послал.

— А где же ваша пехота? — спросил комендант у Платова.

Платов показал ему на казаков.

— Вот те люди, — сказал он, — которые штурмовали вас ночью.

— Я должен быть расстрелян за мою оплошность! — вскричал французский полковник. — Никогда бы я не сдал города, если бы я знал, что тут одни казаки.

— Э, друг мой! — сказал на это Платов. — Прежде не хвались, а Богу помолись! Напишите-ка лучше Наполеону, что с нашим государем ополчился на него сам Бог, и мы не желаем зла французам, но хотим только истребить его, общего нашего врага.

Торжественно, во главе своего Атаманского полка, вступил в Намур Платов. Жители приветствовали казаков радостными криками. В городе Платов взял 4 орудия и много всяких военных запасов.

18 марта под стенами Парижа было последнее сражение. К утру 19 марта русские овладели всеми валами и рвами Парижа, и в 10 часов утра государь император Александр I вместе с королем прусским вступил в завоеванный город.

Донские казаки стали биваком в большом городском саду, на Елисейских полях; и целыми днями ходили к ним жители Парижа и смотрели, и дивились на доблестных казаков. Два

года с лишним воевали они, два года с лишним они побеждали непобедимую до той поры французскую армию. Их атаман — граф Платов — возбуждал особое внимание. Англичане пригласили его посетить Лондон и там подарили ему драгоценную, украшенную бриллиантами саблю; они удивлялись его храбрости и восхищались его умом. На французских фабриках стали выделывать блюда и чашки с изображением донского атамана, на платках изображали его вместе с казаками.

Война, вернее сказать, целый ряд войн с Наполеоном был окончен. Сам Наполеон был свергнут с французского престола и должен был уехать из Франции, и наступил для России прочный и долгий мир.

Донские полки, один за одним, потянулись из Франции домой, на тихий Дон.

6. После Отечественной войны

Нончен бесконечный дальний путь. Роскошная столица Франции, Париж, осталась позади, далеко позади остались и нарядные горы, и дивные леса, и голубые зеркальные озера, и реки, на которых казаки дивились паром движущейся лодкой — первым пароходом. Вот и стены родные. Пахнуло полынью, горелой соломой, показались белые мазанки родных хуторов и станиц.

И слезали с усталых коней наши деды, и прежде, чем поздороваться с родными, со всеми станичниками, вышедшими навстречу, становились они на колени, целовали землю и говорили: "Да, послужили наши казаки Богу, Государю и всевеликому войску Донскому".

А когда прослышали на Дону, что сам граф Платов едет домой, все, кто служил с атаманом, — а служили с ним все и знали его все, — выходили по пути его навстречу. Ездили на дорогу даже из дальних станиц и хуторов. Ожидали проезда любимого героя-атамана по несколько суток. Каждая станица принимала его хлебом-солью и провожала его на конях, с песнями и ружейной пальбой. Толпа провожающих все увеличивалась, и к Новочеркасску Платов подъехал сопровождаемый почти всем войском Донским.

Наконец, показался и Новочеркасск. Маленькая кучка домиков, два-три золотых креста на церквах лепились на крутой горе. Платов остановил коляску, вылез из нее, стал на колени и положил три земных поклона.

— Слава в вышних Богу и на земле мир! — сказал он теснившимся вокруг него казакам. — Послужил я Царю и постранствовал по чужбине довольно; теперь возвратился на родину и молю Бога, да успокоит Он кости мои на земле моих предков.

Он взял горсть земли и крепко поцеловал ее.

— Здравствуй, наш атаман, на многие, многие лета! — кричали казаки, и слезы восторженного умиления капали из их глаз.

У самого Новочеркаска Платов встретил наказной атаман Иловайский, сменивший в 1813 году Денисова, генералы и офицеры. Донская артиллерия пала из пушек, звонили колокола. Платов верхом въезжал в свой город. Навстречу были вынесены все войсковые регалии. Платов в сопровождении своего Атаманского полка проехал в Вознесенский собор, где ожидало его духовенство. Здесь был отслужен благодарственный молебен, причем во время многолетия Государю Императору донская артиллерия произвела 101 выстрел. После молебна Платов вышел к собравшимся на площади казакам и приветствовал их речью.

Несколько дней еще продолжались в Новочеркасске празднества. Устроены были скачки.

Да и как было не праздновать! В каждом доме были люди, вернувшиеся с похода, были кавалеры с крестами, каждый полк получил отличие, и все войско — милостивую грамоту и георгиевское белое знамя.

Л.-гв. казачий полк получил георгиевский штандарт и серебряные трубы за Лейпциг, Атаманский полк получил георгиевское белое знамя и голубой бунчук с надписью: "Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя", полки Дячкина, Жирова, Власова 3-го, Иловайского 11-го, Грекова 18-го, Мельникова 4-го и Мельникова 5-го получили георгиевские знамена. Атаман Платов возведен в потомственное Российской Империи графское достоинство.

В Высочайшей грамоте войску Донскому за службу 1812 г. значилось:

"Божией поспешествующей милостью **МЫ, АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ**, Император и Самодержец Всероссийский и пр. и пр. и пр. На Дон в нижние и верхние юрты, нашим атаманам и казакам, войсковому атаману генералу от кавалерии графу Платову, правительству войска Донского и всему оному знаменитому войску, Нам верноподданному:

Донское наше воинство в минувшую с французами войну усердием, подвижностью и храбрыми действиями своими оказало важныя отечеству услуги. Поголовное ополчение и прибытие оногo в знатных силах к нашей армии было такое поспешное и скорое, которое тогда только бывает, когда совершенная к исполнению долга своего ревность всех и каждого одушевляет и движет. Мужественная и неутомимая бдительность войскового атамана графа Платова, также и сподвизавшихся с ним всех войск сего храбрых генералов, офицеров и всех вообще донских урядников и казаков, много способствовала к преодолению великих сил неприятельских и к одержанию над ним полных и знаменитых побед. Они непрестанными на него нападениями и частыми с ним битвами

езде взбранили ему способы к продовольствию и через то привели всю многочисленную конницу его в совершенное изнурение и ничтожество. Когда потом, после многих бедственных для него сражений, был он победоносным нашим воинством поражен, обращен в бегство и преследован, тогда на пути в новых с ним жарких сражениях отбито у него бывшими под предводительством Нашего храброго атамана графа Платова донскими казаками знатное число артиллерии со многими взятыми в плен генералами их, офицерами и солдатами. Сверх сего неприятель, беспрестанно ими обеспокаиваемый, принужден был многие орудия свои, со всеми к ним принадлежностями, затоплять в болотах и реках или, не успевая и того сделать, оставлять нам в добычу, так, что в продолжение бегства своего за пределы Российские, претерпел всеконечное и совершенное истребление.

Такие знаменитые заслуги и подвиги Донского войска нашего, кои ознаменовало оно себя под начальством Нам верностью преданного войскового атамана графа Платова, в кампанию 1812 года, и более в продолжении войны во многих битвах, с издания манифеста 13 апреля 1813 года до заключения мирного трактата в Париже, налагают на Нас долг пред целым светом засвидетельствовать и повторить изъявления в помянутом манифесте справедливую Нашу к нему признательность и благоволение. Да сохранится сие свидетельство в честь и славу его в памяти потомков.

В справедливом уважении к сим отличным подвигам знаменитого Донского войска и в знак Монаршего попечения Нашего о его славе, жалуем Мы ему, от лица благодарного отечества, знамя, отличные деяния войска в незабвенную для России войну изображающее.

Да некогда сыны сынов вернолюбезного Нам войска Донского, преднося пред рядами своими сию святую хоругвь славы и отечества, вспомнят деяния отцов своих и последуют их примеру.

В довершение всемилостивейшего благоволения Нашего к Донскому войску, Мы подтверждаем все права и преимущества, в Бозе почитающими высокими предками Нашими ему дарованные, утверждая Императорским словом Нашим ненарушимость настоящего образа его служения, толикою славою покрытого; неприкосновенность всей окружности его владений со всеми выгодами и угодиями, грамотами любезнейшей бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины Великой 27 мая 1793 и Нами в 1811 году августа в 6-й день утвержденную и толикими трудами, заслугами и кровью отцов его приобретенную.

Мы надеемся, что таковая признательность Наша, вернолюбезному войску Донскому ныне изъявляемая, обратится ему в священную обязанность стремиться с новой ревностью к новым подвигам по первому воззванию отечества. Пребывая ко всему Донскому войску и к каждому чину и чиновнику оного в особенности Императорской Нашею милостью благосклонны, благоволили Мы подписать сию грамоту собственной нашею рукой и Государственной печатью утвердить повелели..."

7. Атаман Платов

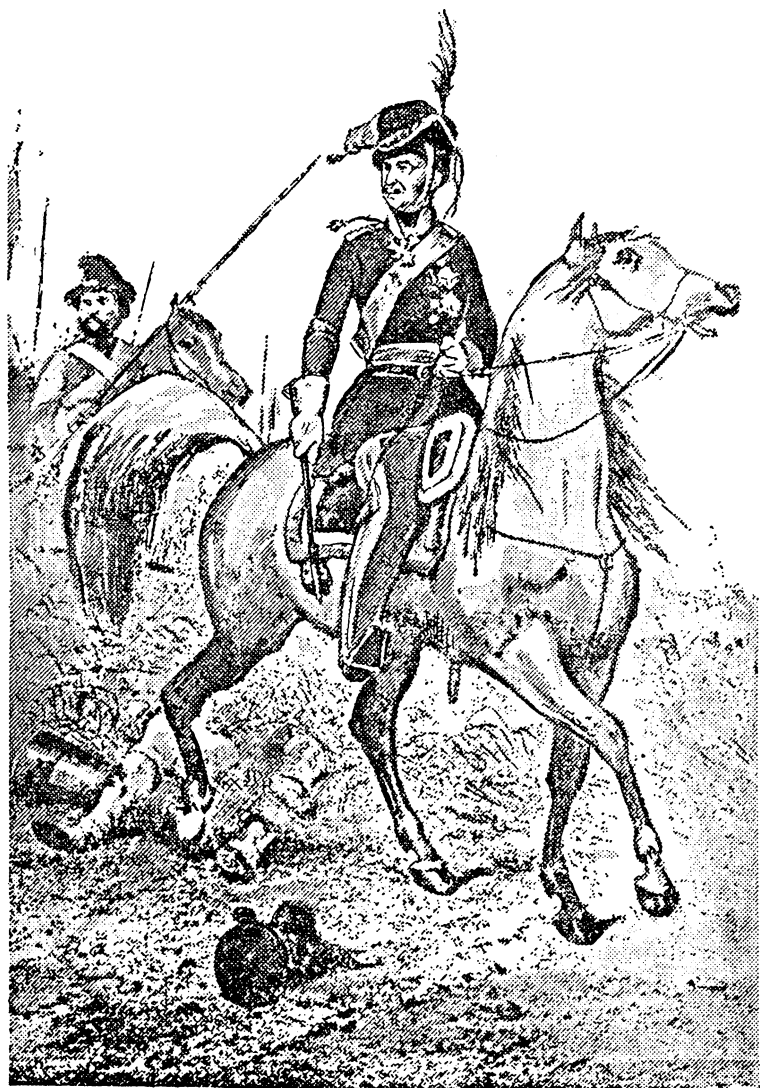
Род. 6 августа 1751 г., скончался 3 января 1818 г.

После Ермака Тимофеевича вряд ли кто из донских героев так хорошо всем памятен и известен, как атаман Платов. С его именем тесно связано заложение города Новочеркасска, под его начальством одержаны донскими казаками славные победы над французами, турками и татарами. Почти пятьдесят лет провел Платов в походах и войнах с казаками, тонко изучил он все казачьи сноровки, отлично знал лаву и тщательно готовил каждого казака для боя. Слава казачья была ему всего дороже.

Матвей Иванович Платов родился 6 августа 1751 года в Старо-Черкасской станице. Отец его был заслуженный войсковой старшина. Народное преданье сохранило следующий рассказ о рождении Платова. В этот день отец его, занимавшийся судоходством, пошел на протоку посмотреть свое судно. Вдруг птица, летевшая над ним, уронила ему на шапку кусок хлеба. Почтенный старик перекрестился, взял этот кусок и положил к себе в карман. Когда же он подошел к берегу, то к ногам его из воды выпрыгнул громадный сазан. Взволнованный этими происшествиями идет Платов домой и тут узнает, что у него родился сын. Он собрал своих друзей, помолился с ними перед образом, угостил их рюмкой водки, закусил хлебом, сброшенным птицей, и угостил гостей жареным сазаном, так чудесно ему доставшимся.

Родители Матвея Ивановича были люди небогатые. В те времена научить чему-либо сына, дать ему какое-либо образование стоило больших денег. Нужно было посылать в Москву, или Киев, или Воронеж; в Черкасске училищ еще не было. И потому Платова могли научить только читать и писать по-русски. Но недостаток образования своего сына отец и мать Матвея Ивановича старались пополнить воспитанием. И вот это-то воспитание и помогало Платову во все тяжелые времена боевой его жизни.

Они наставили его в твердой православной вере, научили его повиноваться и почитать начальников, вдохнули в него

Войсковой атаман войска Донского граф Матвей Иванович Платов
Родился 6 августа 1751 года, скончался 3 января 1818 года
(Со старинной английской картины)

горячую любовь и преданность государям, страстное обожание родины — России и тихого Дона, и, как могли, рассказали ему славное прошлое Донской земли.

Мальчик рос необыкновенным. Он быстро схватывал всякую науку, сразу запоминал то, что ему говорили, был ловок и проворен. С любовью занимался он верховой ездой, рыбной ловлей и охотой. Никто не умел так ловко и красиво ездить, никто не был так проворен и искусен в рубке или в стрельбе из лука, как сын войскового старшины Платова — Матвей Иванович.

Ему минуло всего тринадцать лет, когда отец зачислил его на действительную службу урядником.

— Смотри, Матвей, — сказал ему отец, — служи государю и тихому Дону примерно. Помни меня. Из простых казаков дошел я до чина войскового старшины — храбростью да примерной службой. Береги отцовские обычаи: будь казаком! Уповай на Господа Бога, и Он тебя не оставит. Слушай начальников. Будь внимателен к равным тебе, снисходителен к низшим и строг, более всего, к самому себе. Но помни всегда: никогда, Матвей, и думать не моги забыть наш тихий Дон, вскормивший и взлелеявший тбя. Аминь!..

Отец и сын поцеловались. Всплакнула мать, вышедшая провожать. Сел мальчик на коня, отец подал ему пику — и началась суровая полевая служба молодого казака. Рано тогда начинали служить и долго служили казаки.

Ловкий, сметливый мальчик-казак, отличный ездок, толково передававший все приказания, скоро обратил на себя внимание и был произведен в хорунжие. Его стали назначать на ординарцы к генералам и другим начальникам, и те так полюбили смелого и ловкого донца, что не раз удостоивали молодого офицера приглашения к своему столу. И вот, юноша столкнулся с блестящими, учеными офицерами, бывшими тогда в армии императрицы Екатерины. Многое, о чем кругом него говорилось, ему было непонятно. И сообразил Матвей Иванович, что ему недостает науки. Теперь все досуги он посвящал чтению книг, изучал прежде бывшие войны, учился науке военной.

Незадолго до первой турецкой войны отец его был отправлен в Петербург и все свои рыболовные заведения поручил сыну. Но едва началась война — Платов не выдержал, сдал все отцовское дело на попечение приказчиков, а сам помчался в Крым, к армии, где явился к главнокомандующему князю Долгорукому. Платову было 19 лет. Это был молодец-офицер, полный отваги и силы. Князь Долгорукий оставил его при себе и вскоре произвел в есаулы и назначил его

командиром состоявшей при нем сотни казаков, собранной из разных полков. Платов так хорошо командовал ею, что вскоре был пожалован чином войскового старшины и назначен командиром полка.

В те времена Кубань была школой для казаков и их молодых командиров. В 1774 году молодой 23-летний полковник Платов попал на Кубань и здесь в битве на реке Калалах 3-го апреля показал и мужество, и стойкость, и распорядительность.

С Кубани он был назначен в отряд Суворова, посланного для разыскания и рассеяния разбойничьих шакк Пугачева. Здесь впервые встретились известные всему миру генерал Суворов и Платов. Здесь начал Платов учиться науке побеждать, начал понимать, в чем состоит обязанность полководца.

Начало второй турецкой войны Платов провел с Потемкиным, а потом, в 1790 году, командовал казаками, шедшими на штурм Измаила.

С этого времени имя Платова уже становится известным всему Дону. Потемкин назначил его атаманом только что собранных скатеринославских и чугуевских казаков. Теперь казаков этих нет, а казачьи полки, когда-то составленные Платовым, образовали Екатеринославский кирасирский и Чугуевский уланские полки...

И вот, молва о молодом донском генерале дошла и до Петербурга. Императрица Екатерина Великая пожелала повидать Матвея Ивановича Платова. В 1791 году сорокалетний донской генерал слез со своего боевого коня, сел на почтовую тройку и поскакал в Петербург. Императрица ласково приняла Матвея Ивановича Платова, долго беседовала с ним о казаках, о войске Донском и отличила его перед другими генералами. Все в Петербурге знали, что молодой донской генерал — тот самый, который на совете, собранном Суворовым перед штурмом Измаила, первый произнес славное слово: "Штурмовать". Здесь, в Петербурге, императрица наградила донского героя орденом св. Равноапостольного Владимира 2-ой степени и саблей, украшенной алмазами, с надписью "За храбрость". Сабля эта хранится теперь в Донском музее, в городе Новочеркасске.

В 1796 году скончалась императрица Екатерина Великая и на престол всероссийский вступил император Павел Петрович. Он ласково принял Платова, и вот эта ласка императора послужила к тому, что Платову стали завидовать. Нашлись такие негодяи, которые оклеветали Платова в глазах императора. Всю свою жизнь Платов думал только о службе,

ради службы он жертвовал и самой дружбой. Он был справедлив и пылок в бою, и донские казаки и калмыки его очень любили.

Платов в 1799 году, находясь в Петербурге, просился в отпуск, на Дон; он хотел побывать в семье своей. Едва он уехал, как про него сказали государю, что он поехал поднимать донских казаков на бунт. На полпути нарочно посланный от государя офицер остановил донского генерала и отвез его в Кострому. Из Костромы Платова перевезли в Петербург и заключили в холодный и сырой каземат Петропавловской крепости.

Уверенный в своей правоте отправился Платов в тюрьму, зная, что все разъяснится. И, действительно, клевета скоро обнаружилась и Платов был освобожден и назначен на Дон командовать полками, шедшими завоевывать Индию.

По возвращении из оренбургского похода Платов был назначен атаманом войска Донского.

Так доблестной и честной службой дослужился сын войскового старшины и внук простого казака до высокого звания атамана войска Донского.

Но и атаманом Платов был особенным. Едва вступил он в управление войском, как задумал много различных перемен для усиления воинского духа донских казаков. Казака он считал природным воином и требовал, чтобы отцы учили детей казачьему военному делу и сами его не забывали. Атаман жил просто. Часто, глядя на роскошные палаты, которыми обзаводились казаки, Платов говаривал:

— Мы не рождены ходить по паркетам да сидеть на бархатных подушках; там вовсе можно забыть родное ремесло. Наше дело ходить по полю, по болотам, а сидеть в шалашах или, еще лучше, под открытым небом, чтобы и зной солнечный и всякая непогода не были нам в тягость. Так и будешь всегда донским казаком. Всякое дело тогда и хорошо, пока всегда с ним, а то ты от него на вершок, а оно от тебя на аршин, и так и пойдете вы врозь: хорош будет полк.

Желание поставить казаков в более военные условия жизни, приблизить их к степи и усилить в них любовь к верховой езде заставило Платова искать другого места для столицы войска Донского, заставило устраивать скачки. Эти скачки были всегда на большое расстояние: 5—7 верст, всегда по неровной местности и всегда с препятствиями. Платов понимал, что нужно для войны, и деятельно готовил казака к войне.

И труды его увенчались громким успехом. Наступило время непрерывных войн, борьбы с Наполеоном. И вот, Платов

явился на войну уже не полковым командиром, не начальником двух-трех полков, а начальником всего войска Донского. 10, 12, 20 полков бывали одновременно под его командою. Казаки, артиллерия, гусары, уланы, драгуны, пехота — егеря входили в отряд Платова. Тут уже мало было одной храбрости да сметки казачьей, нужен был светлый ум и широкое военное образование.

Умом Господь Бог не обидел донского казака; пригодились Платову и те книжки, которые он прочитал в свободные часы. Платов, щеголявший простотой речи, нарочно вместо "Варшава", говоривший "Аршава", называвший французского министра Талейрана — Тейлараном, оказался высокодаровитым начальником конницы. Теперь мы учимся на высоких примерах Платова лаве казачьей, от него мы узнали, что такое вентерь. Лава была и раньше у казаков, но Платов первый применил ее так широко. Он замотал и измучил ею лучшую конницу Наполеона, он так прославил себя, что о нем заговорили не только в России, но и за границей.

Браг России и враг его — Платова — Наполеон желал познакомиться с Платовым. Дело было в Тильзите, после войны 1807 года, в которой особенно отличились донские казаки, предводительствуемые Платовым. Целый ряд праздников был устроен тогда по случаю заключения мира и союза с Наполеоном. На одном из этих праздников Наполеон заговорил с Платовым и сказал ему, что он слышал, что донской атаман великолепно стреляет из лука, и просил его показать свое искусство. Платову принесли его богато украшенный лук, и он в присутствии императора Александра и Наполеона пустил несколько стрел в мишень. Наполеон очень был удивлен меткостью и силою выстрелов и подарил донскому атаману дорогую табакерку. Платов не пожелал оставаться в долгу и отдал Наполеону на память свой лук.

С этой войны Платов лишь на короткое время попал в Новочеркасск. Он был занят устройством гимназии, насаждал в самом городе Аптекарский сад, хлопотал и работал на пользу Дона, не покладая рук. Сам он и дома жил так же просто, как и на войне. В Новочеркасске у него не было собственного дома, и жил он в небольшом домике на хуторе Мишкине, недалеко от Новочеркаска*. Новая война потребовала его сначала в Турцию, на берега Дуная, а потом на берега реки Немана. Наступало время великой борьбы с Наполеоном.

1812, 1813 и 1814-й годы, можно сказать, Платов не слезал с лошади. Его небольшой серый конь хорошо был знаком его

* Теперешняя Архиерейская дача под Новочеркасском.

отряду. Ему было уже за шестьдесят лет, но вечные походы, тяжелая боевая жизнь закалили его, и он был крепок и телом и душой. На нем одним лежала громадная работа не только по командованию конным отрядом, но и по снабжению его всем необходимым. За завесой донской казачьей лавы спокойно спали русские полки и все донесения о движении неприятеля получали от Платова. Платова знал весь мир. Начавши службу простым урядником, он был теперь генералом от кавалерии, то есть получил высший генеральский чин, и за изгнание французов из России был пожалован в графское достоинство, стал его сиятельством. Это был второй граф после Орлова-Денисова в войске Донском. И после Платова никто из донских казаков еще не получал этого высокого отличия.

В Париже и в Лондоне, куда по приглашению ездил Платов, все с обожанием и восхищением смотрели на донского героя. Имя донского казака, прогремевшее тогда по всему миру, было неразрывно связано с именем донского атамана графа Платова. Его портреты рисовали на фарфоровых тарелках и чашках, ткали на платках, изображали на хрустальных чарках. Англичане поднесли ему дорогую, бриллиантами украшенную саблю. Действия Платова на войне изучались, и его имя стало наряду со славнейшими именами кавалерийских начальников. Лихая и бодрая песня сложилась тогда про славу Платова и его казаков:

Слава Платову-герою! Победитель был врагам!
Слава Платову-герою! Слава донским казакам!

Одаренный от Господа Бога светлым умом, Платов остался прост и своеобразен. Достаточно почитать письма Платова, чтобы понять, какой это был особенный человек.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна, супруга императора Павла, особенно любила донского атамана за его простые и смелые речи. Платов со всех войн, с полей сражений писал ей свои письма. В 1807 году так описывал он государыне действия донских казаков против французов:

"...По долгу моему, сколько сил моих и знаний доставало, трудился я, все милостивейшая Государыня. Не в похвалу себе, а по истине подданнической — донесу: в прошедшие месяцы до сего времени шпиговал их, по Вашему благословию, изрядно. Брал много в плен их дерзких штаб-и обер-офицеров, а сколько — я и счет им потерял; знает про то главнокомандующий армией, коему я их доставлял. Гордость, а более — дерзость французов выбита из головы их. Доведены они до изнурения; кавалерия их дерзкая донскими казаками вся истреблена, а пехоты потеряли они много и

много. Сидят они теперь, кроме Данцига, против нас, как мыши в норах..."

Горячо любили Платова казаки. Он умел вдохновить их на подвиги. Когда собралось великое ополчение войска Донского, чтобы идти под Тарутино выгонять французов, приехал к нему и Платов. В рядах полков стояли дряхлые деды и юноши. Все, кто только мог держать пику в руках, пошли по призыву атамана.

Платов приказал съехаться всем в круг, а сам стал посередине их. Был тихий и теплый осенний день, пахло полынью в степи, тихо плавала в прозрачном воздухе белая паутинка.

— Друзья, — проговорил Платов, — сам милосердный Бог ускорил ваш путь! Наступило время донцам доказать всю силу нашего усердия к Богу, государю и отечеству. Мы в душах запечатали милости царские; у нас в душах и отечество. Не щадя голов своих, докажем мы снова наше рвение, нашу любовь!..

Прервался голос старика-атамана. Слеза заиграла в глазу алмазом. Все вздохнули...

— Вы донцы! — продолжал с новою силою Платов. — Вы сыны земли Русской. Не утерпели ваши сердца. Вы прилстели, соучастники общей славы. Друзья! Злодей в стенах Москвы, он все в пепел обращает: он, может быть, алчет распространить зверство свое и в дальнюю внутренность России. Преградим путь врагу свирепому: умрем здесь, или выгоним его из земли Русской. Вы охотно пришли подкрепить нас. Правосудный Бог нам поможет. Враг идет на нас с адом — мы на него пойдем с крестом животворящим. Если бы Бог попустил, если бы враг прорвался до берегов тихого Дона, не пощадил бы он ни жен, ни детей наших!.. Кровь наша смешалась бы с волнами тихого Дона! Поруганы бы были храмы Господни. Встревожили бы прах отцов наших!..

В глубокой тишине слушали казаки своего атамана. Иногда поднимется костлявая рука и сотворит крестное знамение.

— Друзья и братья! — с одушевлением говорил Платов. — Воскликнем к Господу силе: — Не для нас, Господи, для имени Твоего вспомоществуй нам поразить, устыдить и изгнать врага!..

И вот, из рядов раздались громкие и смелые, бодрые голоса:

— Готовы умереть везде, где ты, наш отец, нам прикажешь. Отомстим, отомстим злодеям за кровь братьев наших! Умрем, а далес врага не пустим!

В этом умении воодушевить казаков, вдохнуть в них свою бодрую и смелую душу и скрывалась причина обаяния Платова на донцов.

Кончились войны. Наполеон томился в заточении на далеком и одиноком морском острове, казаки со своим атаманом шли из Парижа домой, на тихий Дон. Обгонявший их атаман часто останавливался в полках и подолгу сживал с офицерами и казаками. Здесь атаман Платов более походил на отца семейства, нежели на начальника.

Он разговаривал с каждым офицером, вспоминал его родственников, вспоминал его подвиги и постоянно говорил и казакам и офицерам:

— Помните славу и добродетели и держитесь обычаев отцов своих.

После Отечественной войны Платов прожил три года в Новочеркасске, заботясь о благоустройстве войска.

Платова знала вся Россия, более того, его знала вся Европа. А между тем, Платов был и остался простым человеком и не изменил простым казачьим обычаям. Обладая громадной памятью, он помнил и знал не только всех генералов и офицеров в войске, но помнил и всех казаков. Честь и славу войска Донского он ставил выше всего. Он был приветлив со всеми. Часто, на Кавказе, он входил в хижину простого горца и запросто с ним обедал. Он не брезговал и простым татарским обедом, и оттого его уважали и любили все татары и горцы, жившие тогда в войске Донском.

Платову, выросшему в станице и детство свое проведенному в походах и войнах, пришлось попасть во дворцы, разговаривать с императорами, бывать за царским столом. Здесь ум и находчивость Платова не раз выручали его. Перед отъездом Платова из Петербурга на Турецкую войну государыня императрица Мария Феодоровна пожелала повидать его у себя и просила его отобедать запросто во дворце. После обеда, когда в одной из парадных зал Платов откланивался императрице, он нечаянно задел своею саблею фарфоровую вазу и опрокинул ее на пол. Смущенный атаман отскочил в сторону, но зацепился шпорами и упал бы, если бы государыня не поддержала его.

Платов не смутился.

— Государыня, — сказал он, — и падение мое меня возвышает, потому что я имею счастье еще раз поцеловать ручку моей Монархини, премилосердной матери.

А потом, обратившись к придворным, сказал им:

— Вот пословица-то и на деле сбылась: говорят, что если казак чего не возьмет, так разобьет; первое не правда, а второе и со мною сбылось.

Неприятный случай во дворце был забыт и все были восхищены находчивостью атамана.

Большая часть жизни Платова прошла на войне, на передовых постах. И оттого он привык не спать по ночам, до света. И в мирное время он ложился не ранее 4—5 часов утра, просыпался же в 8, но, чтобы отдохнуть, обыкновенно не вставал ранее 10—11 часов утра. Вставши, он долго и усердно молился Богу, а потом занимался делами.

В Новочеркасск после войны Платов вернулся значительно постаревшим. Ему уже было 64 года. Он овдовел во время войны. Дети его уже выросли, внуку было 10 лет.

Опытный, храбрый и решительный вождь донских казаков на войне, граф Матвей Иванович Платов и по возвращении с войны был очень озабочен, чтобы казаки не потеряли своей воинской доблести. Во время войны казаки убедились в пользе конной артиллерии, учрежденной в войске еще в 1797 году. В 1813 году Высочайше повелено было иметь на Дону три роты конной артиллерии; в каждой роте было по 12 пушек, т. е., считая по-нынешнему, войско Донское выставляло шесть батарей, по 6 орудий каждая. Заведывал при атамане Платове артиллерийскими ротами генерал-лейтенант Карпов 2-ой, первый донской артиллерист, основатель донской конной артиллерии. Для обучения казаков артиллерийскому делу возле Новочеркаска было устроено артиллерийское стрельбище, на которое очень часто приезжал и граф Платов. При Платове же установлен был, в 1802 году, срок службы полков. Раньше полки уходили на линию и никто из казаков не знал, когда он вернется домой. Теперь было постановлено, что полки, находившиеся на границах и, вообще, в отдаленных местностях, должны были сменяться через 3 года, а внутри России, в Грузии и на Кавказе через 2 года. Но на Кавказе шла непрерывная война с врагом хитрым и смелым, казаки за два года только-только начинали усваивать боевые сноровки кавказских войск; двух лет оказалось мало, и в 1820 году для полков, находящихся на Кавказе, на границах турецкой, австрийской, прусской и шведской, т. е. по побережью Черного моря, в теперешнем царстве Польском и Финляндии — срок службы был установлен четырехлетний. Раньше донские полки уходили из войска только по случаю войны, иногда их задерживали некоторое время во вновь покоренном краю, теперь началась постоянная служба войска Донского в России, для охранения границ. Войско Донское обязывалось иметь наготове известное число, или комплект полков, которые и выставлялись по требованию военного министерства, заменившего в 1812 году военную коллегия. В 1802 году установлен был комплект в 80 пятисотенных полков.

До 1801 года казаки одевались, кто как хотел. Носили и свои домашние зипуны, носили и кавказские черкески, и польское и азиатское платье. В 1801 году всем донским казакам дана была однообразная форма одежды. Они носили куртки и чекмени; вместо барашковой шапки, на голову надевался кивер, на шароварах положено было иметь широкие алые лампасы. Старикам сначала эта форма не понравилась. Куртка, особенно. Она напоминала им солдат, и по станицам ворчали и говорили, что казаков теперь станут писать в регулярство и сделают их солдатами, устроив уланские полки. Но когда в этих чекменях и куртках казаки отбыли все войны с Наполеоном, когда кивер казачий был грозой для французов и повидал и Германию и Францию, побывал и в Париже, на Дону полюбили и кивера, и застегивающиеся посередине на крюках чекмени, и шаровары с алыми лампасами. Эта форма стала напоминать донцам время великой борьбы с Наполеоном, время наибольшей славы, славы всесветной...

Построивши город Новочеркасск, Платов неутомимо трудился над его украшением. Он заботился и о просвещении донцов. В устроенную им донскую гимназию он часто хаживал. При нем директор ее, Попов, начал впервые составлять историю войска Донского. В 1817 году Платов устроил в Новочеркасске первую на Дону типографию. Платов очень любил скачки и джигитовки. Донцы привели много лошадей из-за границы. Это были лошади наиболее резвой, английской породы. Смешавшись с донскими лошадьми, эта лошадь и дала сухую, рослую, горбоносую, сильную и резвую породу лошадей, которыми потом Дон славился долгое время. Воин всю жизнь Платов заботился о поддержании среди казаков любви к военному делу, к езде и стрельбе в цель. Неутомимо разъезжал он по войску.

Уже годы и здоровье, надломленное во многих походах, сказывались, граф часто хворал, но не переставал трудиться на пользу войску. Когда ему говорили, что он должен побережться, он отвечал:

— Чем вы хотите меня сделать? Ребенком, что ли? На что я буду похож, когда, после несчетных милостей ко мне государя, посмею испрашивать хотя бы минуту отдохновения от должности? Легче я умру, нежели решусь на это!

В сентября месяце 1817 года Дон посетил великий князь Михаил Павлович, брат государев. С трогательным радушием встретили его донцы. В Новочеркасске были выстроены красивые въездные ворота. Полки в конном строю встречали великого князя. В последний раз увидал здесь атаман граф

Платов брата государева. На следующий год атамана не стало. Он умер 3 января 1818 года. Несмотря на жестокий мороз, все войско Донское, генералы, офицеры и очень много казаков явилось проводить до могилы своего "вихря-атамана". Тело донского героя было погребено в новостроенном соборе, с левой стороны его. При опускании тела в могилу раздался залп из орудий и ружейная трескотня понеслась по полю. Дрогнул и заколыхался морозный воздух и полились горькие слезы по лицам генералов, офицеров и простых рядовых казаков. Не стало у них отца-атамана, грудью отстаивавшего их дела, любившего их, как своих "детушек"...

Умер великий герой войска Донского, умер спокойный. Господь и государь наградили его за подвиги его, за жизнь, принесенную родине, всем, чем можно было наградить. Платов имел высший генеральский чин — генерала от кавалерии, имел графское достоинство, кроме того, он носил ордена: св. апостола Андрея Первозванного, св. Александра Невского, алмазами украшенный, св. великомученика и победоносца Георгия 2-й степени большого креста, св. равноапостольного князя Владимира 1-й степени и св. Иоанна Иерусалимского, австрийский крест Марии-Терезии 3-й степени, немецкие кресты Черного и Красного Орла 1-х степеней, портрет английского принца-регента на ленте Голубой Подвязки, саблю с надписью "За храбрость", алмазами украшенную, жалованную императрицею Екатериною II, бриллиантовое перо на кивер с вензелем государя Александра I, пожалованное после Лейпцигского сражения, саблю от города Лондона (английского) и три медали: за взятие Измаила — именную, за 1812 год и дворянскую.

Но дороже и важнее всех этих титулов, званий, орденов и медалей была та величайшая слава полководца и кавалерийского начальника, которая тесно сплела имя Платова со славным именем донских казаков, которая сделала то, что имя его теперь носит 4-й донской казачий полк, а знает "Платова героя — победителя всех врагов" весь Тихий Дон, знает и чтит своего славного, боевого атамана!..

В 1853 году в г. Новочеркасске, против атаманского дворца, донцы, на деньги, собранные по добровольной подписке, поставили своему атаману, графу Платову, бронзовый памятник. Платов изображен пешим, в кивере, в донском чекмене, за которым висит раздуваемая ветром короткая бурка, в правой руке у него обнаженная сабля, в левой — атаманский пернач. На гранитной подставке золотыми буквами написано: "Атаману графу Платову за военные

подвиги 1770—1816. Признательные донцы". Вокруг памятника стоят отбитые у французов в 1812 году пушки.

В 1875 году, когда начались работы по устройству нового собора, прах Платова был с большим торжеством вынут и перенесен в семейное его кладбище, в бывшем его имении, теперь — Голицынская архиерейская дача.

8. "Положение о войске Донском"

1835 г.

На место графа Платова войсковым наказным атаманом был назначен генерал-лейтенант Адриан Карпович Денисов. Вся его долгая жизнь прошла в походах. Молодым человеком, но уже командиром полка, он штурмовал с Суворовым Измаил, сделал с Суворовым и итальянский поход и с казаками переходил через Альпы. Во время Отечественной войны он оставался на Дону и готовил поголовное ополчение войска Донского. Распустивши "ясных соколов, донских казаков", он объезжал станицы казачьи, посещал семьи простых казаков, и много повидал он казачьего горя. Сильно страдали казаки от того, что не было ясно определенного закона об их службе, о наделе их землями. Одни станицы страдали от малоземелья, в других земли было слишком много, не хватало работников. Всюду царил произвол. Среди казаков жили крестьяне, вывезенные из России помещиками-казаками. Помещики-казаки тоже — одни имели так много крестьян, что их некуда было селить, у других некому было обрабатывать землю. И сами крестьяне не знали — останутся они просто крестьянами, или их будут обращать в казаков. Нужно было составить обо всем этом точные законы, написать "Положение о службе войска Донского". Сделавшись атаманом, Адриан Карпович Денисов стал усиленно хлопотать об устройстве такого положения.

В 1818 году, первый раз после императора Петра Великого, Дон удостоился царского посещения. 23-го мая государь император Александр I Павлович прибыл в город Новочеркасск. Государь прямо проехал к собору, где отслужил молебен. Вечером государь изволил быть на балу, данном в доме генерала Курнакова донским дворянством. Ночевать государь император изволил в доме генерал-лейтенанта Николая Васильевича Иловайского, и на другой день, 24 мая, государь посетил госпиталь, аптеку, острог и новый собор. Вечером 24-го мая государь изволил отбыть из города Новочеркаска.

Второй раз донцы удостоились счастья увидеть своего государя в 1825 году, перед его кончиной. Государь проезжал через Новочеркасск и Старочеркасскую станицу в Таганрог. Император Александр I скончался в г. Таганроге. У гроба его держали караул лейб-казаки и атаманцы. Лейб-казаки сопровождали и тело своего государя, которого они защитили под Лейпцигом, до самого Петербурга. Донцы во время войн много раз видали государя. Весть о его смерти быстро пронеслась по тихому Дону, и сложилась у казаков об этом песня-сказание:

Ты наш батюшка, светел месяц!
Ты светишь не по-старому, а по-новому!
Покрывали тебя тучи грозные, непогожие!
Как у нас было на святой Руси,
В кременной Москве, в соборе Митревском,
Как ударили в большой колокол, —
Православный Царь Александр преставился!
Как и сделали ему кипарисный гроб.
Обили его золотою парчей,
На часах стоит млад донской казак.
Расступись, мать сырая земля!
Расколись ты, дубовая доска!
Ты встань, проснись, православный Царь,
Государь ты наш, Александр Павлович!
Погляди, посмотри свои войска Донские,
Они в строю стоят, обучаются,
Они делают не по-старому, а по-новому!

В бытность государя Александра Павловича на Дону в 1818 году, атаман Денисов переговорил с ним о необходимости издать Положение о войске Донском. В 1819 году для этого был назначен особый комитет. Делами этого комитета должен был заведовать присланный от государя генерал-адъютант Чернышев, от его имени и комитет этот получил название чернышевского.

Генерал Чернышев начал внимательно изучать жизнь донских казаков и вместе с донскими генералами Карповым, Черевковым, полковником Андрияновым, подполковником Шамшевым и статским советником Болгарским составлял "Положение о внутреннем и военном управлении войска Донского".

В 1821 году атаман Денисов попал в опалу, некоторое время лишен был права выезда из Новочеркаска и сдал должность войскового наказного атамана Алексею Васильевичу Иловайскому.

Алексей Васильевич Иловайский очень заботился о том, чтобы в Новочеркасске стало сносно жить. Он начал устраивать в Новочеркасске вечерние собрания с танцами и

сам часто бывал на вечерах у новочеркасских жителей. При нем в Новочеркасске начались театральные представления и начали мостить улицы. Ездил атаман тогда по городу весьма торжественно. Впереди скакал обыкновенно полицеймейстер, а сзади взвод Атаманского полка.

Войсковой атаман войска Донского
Алексей Васильевич Иловайский
с 1821 по 1826 год

С 1826 года по 1827 год атаманом был Иван Адрианович Андрианов, а с 1827 по 1836 год — Дмитрий Ефимович Кутейников. При атамане Кутейникове, 2 октября 1827 года, государь император, во все милостивейшем внимании к заслугам Донского войска, соизволил изъявить новое Высочайшее благоволение свое назначением Его Императорского Высочества Наследника, великого князя Александра Николаевича Атаманом всех казачьих войск, в том числе и главного — Донского. Тем же приказом августейший Атаман был назначен шефом Атаманского полка.

При Кутейникове стали поговаривать в Новочеркасске о том, что место, выбранное графом Платовым под главный город войска Донского, весьма неудачно. Сильные ветры, постоянно дующие по его улицам, делают жизнь в нем неприятной, недостаток воды заставляет страдать жителей. Летом страшная пыль, весной непролазная грязь, зимою гололедица одолевали жителей Новочеркасска, и атаман Кутейников составил проект перенесения города на место Аксайской станицы. При нем же предложено было открыть женскую гимназию и юнкерское училище, но устройство этих

учебных заведений не состоялось и для молодых донцов повелено было иметь несколько мест в Воронежском кадетском корпусе.

Наконец, 26 мая 1835 года чернышевский комитет закончил работы по составлению "Положения об управлении Донского войска", и 1-го января 1836 года состоялось объявление его по всему войску. К этому времени в Новочеркасск съехались донские дворяне, станичные атаманы и представители от каждой станицы. При звоне колоколов из дома войсковой канцелярии выступило торжественное шествие. Несли все войсковые знамена и клейноды, грамоты, жалованные войску Донскому, и среди них начальник войскового штаба нес на бархатной подушке вставленное в золотой переплет "Войсковое Положение".

Шествие это прошло в Вознесенский собор, где было отслужено торжественное молебствие, а после него, при громе пушек и звоне колоколов на кругу, собравшимся на площади, было объявлено казакам об издании новых законов для войска Донского.

По новому "Положению" управление войском Донским было разделено на военное и гражданское. Высшая власть как по тому, так и другому управлению принадлежала войсковому наказному атаману. При атамане состояли: войсковая канцелярия, адъютанты и войсковые есаулы. Вторым лицом после атамана являлся, по своему значению, начальник штаба войска Донского. Войско Донское разделено было на четыре округа. Каждым округом заведовал окружной генерал.

Для гражданского управления войском было учреждено Войсковое правление.

Кроме того, учреждены были: войсковые суды — уголовный и гражданский, коммерческий суд в Новочеркасске, войсковой приказ общественного призрения, войсковая врачебная управа, войсковая почтовая контора и войсковое депутатское дворянское собрание. Такие же учреждения были заведены и по всем округам.

Для управления станицами назначено было иметь станичного атамана и двух судей, избиравшихся на три года, и двух станичных писарей.

В Новочеркасске была учреждена Новочеркасская полицейская управа.

Для полков была издана полковая инструкция. Не были забыты и живущие на войсковой земле калмыки. Для них постановлено было иметь калмыцкое правление. Кочевье калмыков было разделено на три улуса, улусы делились на сотни, и сотни на хотуны. Все должности калмыцкого управления были выборными.

Новый закон об управлении войском Донским сразу поставил войско в положение не обособленной части Российской империи, но отдельной области с управлением, сходным с управлениями русских губерний. По войску Донскому пошла правильная почта, начались частые сношения с другими губерниями, и только особенность военной казачьей службы отличала казака от других подданных русского царя. Такое объединение с другими губерниями должно было непременно совершиться когда-нибудь. Это "Положение" создали не генерал Чернышев и не атаманы Денисов, Иловайский и Кутейников, а создала сама жизнь. Из вольного самостоятельного общества, ведшего войны с соседями по своей воле, Донское войско обратилось в часть Русской империи. Соседи казаков — крымские татары и ногаи — были покорены. Азовское море, бывшее когда-то турецким, стало всеми берегами своими принадлежать России. Весь Крым был русский. При участии донских казаков шло покорение Кавказа. Донские казаки, воюя с турками, поляками, шведами и французами бог о бок, стремя к стремени с русскими полками, незаметно, но прочно вошли в состав русской армии. Донская область была окружена русскими губерниями — Воронежской, Харьковской, Екатеринославской, Таврической, Тамбовской, Саратовской, — она должна была управляться одними и теми же законами, как и эти губернии, стать в смысле подчинения законам такую же, как и они. "Положение об управлении войском Донским" и привело его к тому же виду, какой имели губернии. Разница была лишь в названиях, да в некоторых особенностях управления и отбывания воинской повинности.

В 1828 году Высочайше повелено было казачьим чинам иметь следующие наименования: казак, урядник, хорунжий, сотник, есаул, войсковой старшина, подполковник и полковник.

Служба казаков тогда разделялась на полевую и внутреннюю. Полевой службой называлась служба в строевых частях. Внутренней — в качестве прислуги, посыльных, сторожей, писарей, вообще нестроевых, а также в полиции.

Полевая служба была внешняя, т. е. вне войска, в Петербурге, в Москве, в Варшаве, в Финляндии, и линейная — по Кавказской границе. Общий срок службы определялся в 30 лет, из них 25 лет полевой и 5 лет внутренней службы. 17-ти лет казак считался малолетком и до 19-ти лет отбывал "сиденочную" повинность, а на двадцатом году шел на службу в полк на три года, а на Кавказе на четыре года. После трех лет казак возвращался домой на два года, а потом снова шел на службу опять на три года, и так до четырех раз. Поэтому на

службе были казаки 20-ти лет, 25-ти, 30-ти и 40 лет — так по "Положению" была устроена казачья служба.

"Положение" рассмотрело и земли казачьи. Оно озаботилось правильным разделом станичных юртов, отвело земли, на которых был каменный уголь, в собственность войска и нарезало на каждую станицу такой участок, чтобы на казака пришлось по 30-ти десятин паевой земли. Каждая станица должна была разделить свои земли и отвести участок для пашни, для сенокосов, для пастьбы скота и рабочих лошадей и для конского табуна и гулевого скота. Пахотная и сенокосная земля разделялась на пай, и на нее имели право все служилые казаки. Вдовы и сироты-женщины получали полпая.

Южная часть задонской степи была отведена для зимовников и для содержания частных конских табунов. Офицерам за службу полагались в пожизненное владение участки земли.

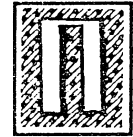
Таковы были перемены, внесенные в жизнь донских казаков временем и утвержденные "Положением".

Почти сейчас же вслед за объявлением "Положения" войсковой наказной атаман генерал от кавалерии Кутейников, в 1836 году, был отставлен от атаманства и на его место назначен генерал от кавалерии Максим Григорьевич Власов. Он был атаманом до 1848 года. Это был последний атаман-казак по происхождению. Вся служба его прошла в суровое время императора Николая I Павловича, когда на военное дело, на обучение полков и их дисциплину было обращено много внимания. И войска Донского коснулись некоторые перемены. Перемены эти были следствием участия казаков в войнах Персидской и Турецкой в 1828—1829 годах и усмирении польского мятежа 1831 года.

9. Домашняя жизнь казаков во время царствования императора Александра I

После войны с Наполеоном многое переменилось в домашней жизни донских казаков. Много повидали за это время донские казаки, во многих походах участвовали они, видели хорошо и заграничную жизнь. Стали среди казаков появляться люди, которые одевались уже не в старинную одежду, а по-модному, по-французски. Начали носить фраки, сюртуки, пиджаки. Атаман Платов преследовал это и строго взыскивал с модников. Раз как-то, проезжая по Новочеркасску, атаман встретил двух молодых людей, шедших по улице во фраках со светлыми пуговицами. Они остановились и поклонились графу. Граф принял было их за проезжих и спросил у сопровождавшего его полицеймейстера: — Куда проезжают эти "сипуташки"*, на кавказскую линию, что ли?

— Никак нет, ваше сиятельство, — отвечал полицеймейстер, — это наши донские студенты, которые учатся в Харьковском университете.

— Как донские? Как же смеют они носить здесь "сиповский" мундир, да еще с "гуциками"? Позови их сейчас ко мне!

Коляска остановилась. Подошли студенты.

— Кто вы такие? — спросил их атаман.

— Студенты Харьковского университета, — робко ответили молодые люди.

— В первый и последний раз прощаю, — строго сказал им граф, — да смотрите, коли покажетесь на улицах в этих "сиповках", то непременно в тюрьму засажу. Когда вы на Дону, носите казачьи чекмени...

Так знаменитый герой и победитель наполеоновых полчищ смотрел на необходимость поддерживать в казаках преданность старым обычаям.

* "Сипую" на Дону называли иногородних. Слово это презрительное.

Но если молодежь и была легкомысленна, то старики на Дону и тогда твердо держались веками установившихся обычаев. Казаки были гостеприимны, набожны, почитали родителей, повиновались начальникам и с благоговением чтили имя своего государя. На Дону в это время уже все занималось земледелием, и весь Дон сверху донизу был распахан. И распахала, и засеяла, и сжала, и в снопы повязала, и вымолотила — все за казака сделала его жена, чернобровая, осанистая донская казачка. И тогда казаки жили, как и в песне поется: "Не ткут, не прядут, не сеют, не жнут, а хорошо живут". То в походе, то на службе, казак больше половины жизни проводил вне дома. С Кавказской линии шел в Польшу, а из Польши попадал в шведскую сторону — в Финляндию. На ниве работала его жена, скапливая ему богатство, устраивая ему дом, да посылая ему на службу трудовые рубли. Если донские казаки во время долгих походов добыли великую славу войску Донскому, то трудолюбивые, домовитые казачки, наши бабки и прабабки, сохранили и земли и богатство нашим дедам.

Станицы и хутора свои казаки ставили, не заботясь о правильности улиц. Каждый ставил дом, где хотел. Станица представляла из себя кучу домов и домиков, рассеянных по балке, по берегу реки, в степи. Улицы, улочки, переулки и переулочки, тупики — все перемешалось в кучу. И непременно в станице есть площадь, где казаки собираются потолковать о делах да попеть свои песни. Хорошо тогда пели казаки свои старые песни. В Новочеркасске песенники Атаманского полка пели на обедах у атамана. Пение сопровождала очень часто скрипка, вывезенная казаками из Италии. В скрипачах-самоучках недостатка не было.

Богатые, зажиточные казаки носили свою военную одежду и дома. Так как в это время они часто бывали на Кавказе, то и одежда казаков стала походить на черкесский наряд. Казаки надевали кафтан, спускавшийся ниже колен и сделанный из парчи или другой дорогой материи, и застегивающийся на пуговицы. Кафтан подпоясывали дорогим поясом. Поверх кафтана надевали черкеску с патронными гозырями. На поясе носили, по черкесскому обычаю, кинжал. Шашку носили на поясной портупее. Шашка была в сафьяновых ножнах, богато украшенных золотом, серебром, а иногда и самоцветными камнями. Сапоги носили высокие, красного или желтого сафьяна, и шаровары убирали в сапоги. Шапку дома носили с собольим околышем, а верх ее вышивали золотом и обкладывали позументом. В зимнее время носили дорогие шубы, покрытые бархатом, на лисьем или собольем меху. Носили осенью и бурки, и башлыки, и азямы — широкие

халаты из верблюжьей ткани. Менее богатые казаки носили форменную одежду.

Женщины носили на голове повойник из парчи, на повойник повязывали платок, к которому прикалывали цветы или разноцветные страусовые перья. В праздники носили собольи шапки, вышитые жемчугом, алмазами и яхонтами. Из-под шапки, как и в старину, свешивались чикилики, вынизанные жемчугом; поверх рубашки и штанов, скроенных широко, по-турецки, носили кубелек, длинное платье, украшенное под мышками ластовками, по пояснице уперами, на груди — капкачем. Кубелек застегивали пуговицами жемчужными или золотыми, имеющими форму небольшой груши. При выходе из дома богатые казачки поверх кубелека надевали каврак. Казачки носили ожерелья, браслеты из золота и жемчугов. Вообще, жемчуг был любимым украшением донских женщин. На ноги надевали туфли.

Но в Новочеркасске уже только старые женщины сохраняли этот старинный казачий наряд. При атамане Иловайском новочеркасские женщины начали одеваться во французские платья и на Дону появились первые портнихи из Москвы и из Варшавы.

В станицах казаки носили или форменные чекмени, или кафтаны синего сукна, шаровары с лампасами, высокие сапоги и барашковые шапки. Одеваться в форменную одежду, носить щегольские сабли, украшенные золотом и серебром, надевать ордена и медали, старые кивера считалось щегольством. В станичную церковь казак ходил не иначе, как в том самом мундире, в котором он был на войне. Сабля хранилась из рода в род, переходила от отца к сыну, потом к внуку. Ее украшали, вешали под образа, давали ей почетное место. Таким же почетом пользовалась и пика, которую называли дончихою. Много поработала в это время дончиха и много славы доставила казакам. Сохранялось и дедовское ружье.

Простые казачки носили повойник и кубелек. И то и другое делалось из простого черного сукна.

Казак рождался воином. В семье его не называли мальчиком, а казаком, казачьим сыном. Новорожденному все друзья и знакомые отца приносили что-либо на зубок. Этот подарок непременно был военный: патрон пороха, стрела, лук, пуля, дед дарил и шашку или ружье. Дареные вещи развешивались по стене в той горнице, где лежала мать. Когда по истечении сорока дней мать с сыном возвращалась из церкви, ее встречал отец. Он брал сына на руки, надевал на него какую-нибудь саблю, сажал на лошадь, подстригал ножницами волосы в кружок и возвращал матери, поздравляя ее с казаком.

Когда у младенца прорезывались зубы, отец брал его на лошадь и ехал с ним в церковь, где служили молебен Иоанну-воину о том, чтобы сын их был храбрым казаком. Трехлетние казачата уже сами ездили верхом по двору, а пяти лет уже скакали, отводя лошадь в табун.

С этого времени мать уже не видала сына. Ей доставались одни страхи за его жизнь, одна боязнь, что он расшибется. "Болезненный ты мой", — жалостливо причитает казачка-мать над сыном, а он стоит и глаза его дышат отвагою, и жажда подвигов в его душе, и сердце колотится удалью.

17-ти лет он — малолетка. Со многих станиц в одно место собираются казаки-малолетки на смотр. Что смотреть? — когда их никто ничему не учил. И вот, начинались скачки, стрельба в цель, стрельба на всем скаку, рубка и фланкировка. Разгоревшись отвагою, целые станицы малолеток с полного разгона кидались в реку и плыли на ту сторону с лошадьми, амуницией и пиками. Они рассыпались лавою, скакали друг против друга, схватывались в объятья и боролись на коне. Зимой строили из снега город, водружали на вершине его знамя и атаквали на конях и пешком.

— Чего не могу? Все могу! — говорили казаки и самоуверенно смотрели на всякую опасность, на всякую удалую потеху. Это были живые игры, где нужна была отвага, смелое сердце, крепкие руки и сильные ноги. Они готовили казака к его будущей тяжелой военной службе.

Влюбиться в женщину, грезить девушкой казаку было постыдно. И девушки-казачки, любуясь играми казаков, слушая их песни, даря им цветы и ленты, угощая их стаканом вина, любили их всех, любили казачество и молодцов-малолеток своей станицы. Влюбиться девушке в казака было большим срамом.

Приходило время жениться — об этом думали родители. В отцовском и материнском сердце давно облюбована была невеста сыну и жених дочери. Невеста и жених, достойные и по положению, и по достатку. И между собою родители стоворились давно. Однако, нужно было учинить сватовство.

За несколько дней до этого времени отец или мать говорили сыну:

— Сынок, тебе время жениться. Мы с матерью выбрали тебе невесту. Она хозяйка домовитая и работающая.

— Воля ваша, — отвечал сын и кланялся отцу в ноги.

После этого устраивались смотрины невесты. Родители жениха отправлялись в дом родителей невесты на вечеринку. Собирались гости. Гости заводили разговор о хозяйской дочери, хвалили ее красоту, ум, называли ее доброю хозяйкой и просили, чтобы она поднесла им. Мать звала дочь. Та

выходила, одетая по-домашнему, но принаряженная, приносила поднос с кубками и чарками, налитыми вином, и обносила гостей. А сама потом скромно становилась в углу. Гости медленно пили, похваливали вино, а жених смотрел на невесту.

— Бог даст, — говорили гости, — она и нас полюбит!

Все знали, в чем тут дело, но никто и вида не показывал, что знает. После этого засылали сватов. Сваты начинали дело просто.

— Урядник Мосей Карпович и Маланья Петровна желают вступить с вами в родство, — говорили они.

Если им отвечали: "Благодарим покорно за доброе мнение о дочери, но только мы не можем собрать свадьбу", это значило — отказ. Если же отец соглашался, то он говорил: "Дайте мне посоветоваться, да и ее самое поспросать, заходите на послезавтра".

Невесту хотя иногда и спрашивали, но она не смела ответить иначе как: "Воля ваша".

В назначенный день сваты приходили уже с хлебом-солью.

— Отец и мать Гаврилы Миронова, — говорили они, — кланяются и просят принять хлеб-соль.

Хозяева, вместо ответа, целовали гостинец.

— Дай Бог, — говорили сваты на прощанье, — в добрый час!

— В добрый час! — отвечали родители и подавали друг другу руки не иначе, как обернув их суконной полкой.

В этот же день вечером в доме невесты справлялось рукобитье. Жених приходил с родителями. Его поздравляли с невестой и он кланялся в ноги будущему тестю и теще. Собирались гости, устраивалась вечеринка и девушки пели песни:

По рукам ударили,
Заряд* положили,
Груношку пропили,
Пропили и хвалятся:
Что же мы за пьяницы,
Что же мы за пропойцы...

Помолчат немного и начинают ответ:

Родимый мой батенька,
Нельзя ли передумати?
Нельзя ли отказати?
— Нельзя, мое дитятко,
Нельзя передумати,
Нельзя отказати:
По рукам ударили,
Заряд положили.

* Заряд — заклад.

О приданом тогда никогда не говорили. Это было бы унижением чистоты брака. Сват выводил на середину комнаты жениха, по левую сторону ставили невесту, и жених целовал ее. Родители соединяли их руки и отец жениха говорил торжественно:

— Сын, вот тебе невеста. Да благословит Господь Бог союз ваш.

Иногда при этом жених и невеста дарили друг друга чем-нибудь. Девушки снова пели:

По рукам ударили,
Заряд положили...

На рукобיתье долго не сидели, назначали день сговора и расходились по домам. Женщины, проходя по станице, пели: "Ой заюшка, горностай молодой" и "Перепелушка, рябые перышки". И вся станица знала, что рукобיתье состоялось.

За рукобיתьем следовал новый праздник — сговор. На сговор сзывалась чуть не вся станица. Ярко горели свечи в медных шандалах; все были принаряжены. На столах, накрытых скатертями, разложены были гостинцы и семечки. Женщины и девушки садились в отдельной комнате. В доме жениха готовили 10—20 блюд с кренделями, пряниками, орехами, винными ягодами, финиками и всякими сладостями, готовили мед и вино, и длинной вереницей несли все это в дом невесты. Там, в присутствии всех, повторялось то же, что было на рукобיתье. Потом жених с невестой обносили гостей вином. От последнего гостя невеста убегала к девушкам, и если жених не успевал ее обогнать, то он должен был ее выкупать.

Начинался торг. Девушки ни за что не уступали невесту.

— Она у нас золотая, недешево вам достанется,— приговаривали они.

Все собирались смотреть этот торг; наконец, жених выкупал ее и ее ставили в угол комнаты. Наступала тишина, а потом через полчаса все оживлялось и начинались танцы. Танцевали больше два танца — "Журавель" и "Казачка".

Во время ужина пели песни. Сначала пели песни о геройских подвигах донцов, протяжные, потом плясовые.

За два дня до свадьбы праздновали "подушки", а накануне свадьбы — девишник.

В день "подушек" приходили знакомые и родня жениха и смотрели приданое. В комнатах были положены подушки. Жених с невестой садились первыми на них. Швей, шившие приданое, подносили им мед; жених выпивал мед маленькими глотками, после каждого глотка целовал невесту, приговаривая: "Мед горек, надобно подсластить". Осушив бокал, жених клал на поднос швеям деньги. После жениха и невесты на подушки садились и другие казаки и казачки, пили

мед и целовались, а в них в это время бросали подушками. Бывала в день подушек и музыка, и тоже танцевали.

Девишник — это был последний праздник молодой казачки. Вечером перед заходом солнца одна, или с какой-нибудь старой женщиной или с няней ходила она на кладбище, молилась на могилах родных и просила благословения на новую жизнь.

В ее доме, тем временем, собирались гости "наволакивать подушки". В дом жениха съезжались "каравай сажать". Каравай пекли торжественно. Все гости держались за лопату дружно, и свахи освещали печь свечами ярого воска, обвитыми цветными лентами. Эти свечи давались жениху и невесте при венчании. Во время закладки каравая все гости пели:

Каравай мой раю!
Сажая — играю,
Сыром посыпаю,
Маслом поливаю.

Каравайное тесто
Побегло к месту.
По мед, по горелку,
По красную девку.

Вечером гости жениха, набрав караваев, отправлялись в дом невесты. Невеста сидела среди подруг. На ее голове надета была высокая шапка, украшенная цветами и перьями, а в косе был заплетен золотой косник. Подруги пели ей грустные песни:

Кукуй, кукушка, не умолкай.
Недолго тебе куковать:
От велика дня до Петра.
Плачь, Грунюшка, не умолкай,
Недолго тебе девовать:
А и с вечера до утра,
А и с утра до обеда,
А и с обеда часину —
Там тебе косушку расплетут,
Шелковый колпачок наденут.

С приходом жениха песни смолкали. Садились опять на подушки, пили мед, а потом женщины разбирали легкие вещи из приданого и шли в дом жениха с песней:

Оглянися, мати,
Каково у тебя в хате?
Пустым-пустехонько,
Дурным-дурнехонько!
Сестрицы подружки,
Да несите подушки,
Сестрицы Катерины,
Да несите перины.

А сестрицы Алены,
Да несите павильоны!
Метеная дорожка метена —
Туда наша Грунечка везена!
По дорожке василечки поросли,
Туда нашу Грунечку повезли,
Повезли ее, помчали,
В один часочек свенчали!

Свадьба справлялась особенно торжественно. Это был самый торжественный день, быть может, единственный праздник в жизни женщины-казачки. Все, что было богатого в доме ее родителей, доставалось для этого дня. Жемчуга и золото блистали на ней. Как только раздавался благовест к обедне, отец и мать благословляли невесту, она целовала икону и прощалась с родителями и родными. Слезы лились без конца.

Между тем, жених в богатом платье шел к невесте. Платье жениха сохранялось из рода в род. Часто сын венчался в кафтане, в котором венчался и его дед, жалованном царем кафтане. Иногда венчалное платье было одно на всю станицу. Оно хранилось в станичной избе и надевали его все женихи, а по окончании свадьбы возвращали обратно в станицу. Жениха вел "ведун", он должен был предупреждать его о всех порогах. Впереди его шел священник с крестом, а за ним мальчишки несли благословенные образа с пеленами; кругом шли товарищи жениха, или поезжане. По окончании венчания в церкви, еще в притворе, молодой расплетали косу и укладывали волосы по-женски — надвое, оббивали ими голову и надевали шапку или повойник. При расплетании косы девушки пели:

Не золотая трубушка вострубила,
Рано на заре восплакала Грунюшка
По своей русой косе.
Свет моя косушка русая,
Что родная маменька плела,
Она мелко-намелко переплетывала,
Мелким жемчугом усаживала.

Поезд с молодыми, окруженный верховыми поезжанами, ехал в дом жениха. На крыльце молодых встречали родители с хлебом-солью, под хлебом-солью должен был пройти весь поезд. Когда проходили молодые, на них сыпали пшеницу и другие хлебные зерна, перемешанные с хмелем, орехами, пряниками, мелкими монетами, — это означало пожелание молодым жить богато...

Все садились за стол. Начинались тосты — первый тост был всегда за Царя, потом за войскового атамана, за все великое войско Донское, за молодого князя и княгиню. Тут

обыкновенно родные и тесть одаривали их. Дарили дорогие вещи, оружие, иногда тесть отдавал молодому своего залетного скакуна с седлом, и родители жениха одаривали невесту платьями и материями. Пир шел иногда до утра. Пели свадебные песни. Смолкали они, поднимался старый казак и, держа в руке серебряный кубок, может быть, отбитый у турок еще в азовские походы, говорил:

— Желаю здравствовать князю молодому с княгиней! Княжому отцу, матери, дружке со свахами и всем любящим гостям на беседе, не всем поименно, но всем поровенно. Что задумали-загадали, определи Господи талант и счастье. Слышанное видеть, желасмое получить, в чести и в радости нерушимо...

И собрание в голос отвечало: "Определи Господи!" — а потом снова пели свадебные песни.

Через несколько дней после свадьбы родители молодой давали всем гостям отводы — прощальный обед.

Очень часто и месяца не проходило после свадьбы, как молодой муж получал наряд и шел на службу. Жена терпеливо ждала три года смены. Тяжело жилось ей в чужом доме. И вот:

Всем-то полкам
С Дона смена идет,
А моему-то дружку
Перемены нет...

Как часто бывало и так, что ждет жена мужа, идут полки домой:

Как и все полки с моря домой идут,
А моего-то друга милого — коня ведут!
А на коне-то лежит седельце черкесское,
На седеличке лежит подушка козловая,
Во подушечке лежит рубашечка белая...
Не чистым-то чисто она вымыта
Да в крови-то вся она измазана...
Умирал молодец, друзьям приказывал:
"Как лучит Господь вас на тихий Дон,
Отнесите вы моей жене поклон!
Скажите, чтобы не мыла рубашечку в речной воде,
А чтобы выбанила ее горючей слезой,
Да чтоб не сушила ее на солнышке,
А чтоб высушила ее — на своей груди!"

Каждый поход приносил славу Дону. В Новочеркасске прибавлялось жалованных знамен, говоривших казакам об их недавней славе. Приносили станичники из похода дорогие хоругви, иконы и паникадила и ставили их в родную церковь, но прибавлялось в этой церкви на иконе Божьей Матери, всех скорбящих Заступнице, жемчугов на окладе. Этот жемчуг, как слезы клали казачки за своих убитых мужей...

В походах и боях проходила жизнь донского казака. Вернулся с третьей перемены, а в четвертую уже и сына повел. Все жили вне Дона, в чужой земле.

И только старики собирались на рундуках или на кладбище, на голубцах, пели боевые песни и пили мед. Пропоют они песню, помолчат и кто-либо скажет:

— Да, послужили наши казаки Богу, государю и великому войску Донскому!

Такова была жизнь и обычай донских казаков в пору величайшей их славы, в пору войны с французами. Этими обычаями крепко держалась старина, славное прошлое. Дети, почитая родителей, росли добрыми казаками и, возвращаясь со службы, по чести могли сказать:

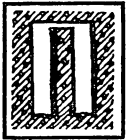
— Да, послужили наши казаки Богу, Государю и великому войску Донскому!

10. Войны с Турцией

1828—1829 гг.

После смерти государя императора Александра I Павловича на престол Российских государей вступил родной брат его, император Николай I Павлович. Император Николай I с детства любил военную службу. Будучи наследником, он отбывал обязанности унтер-офицера, а потом и младшего офицера, отлично знал службу и уставы. Он сам лично проверял знание службы полков, стремился высоко поставить военное дело. Наблюдал за обучением кадетов, требовал от офицеров точного исполнения долга. Русские солдаты в его время были стойки и непобедимы и, кроме того, честны и исправны. Много лет прошло с тех пор, много воды утекло, а и до сих пор, когда мы хотим сказать про кого-либо, что он образцово служит, мы говорим: "Это Николаевский служака". Всю жизнь служил николаевский солдат на военной службе. Молодым безусым рекрутом приходил он в полк из деревни и седым стариком возвращался домой. Служба казаков в те времена была легче солдатской: казак служил с переменой, со льготой. Но и от казака требовалась такая же точность и исполнительность. Государь император не раз лично видел боевую работу донцов и всегда восхищался ею. В те времена казаку было нелегко. Требовалась исправность в одежде, гораздо более, чем теперь. Казаки и в походе были затянуты в мундиры и не снимали киверов.

А походов было много. С 1801 года, еще со времен императора Александра I велась непрестанная война на Кавказе, там работали казаки. В 1826 году началась война с Персией, а в 1828 году и с Турцией. Донские полки участвовали во всех трех войнах.

8 октября 1828 года соединенные турецкие и египетские корабли были разбиты и уничтожены соединенными кораблями России, Англии и Франции под Наварином. Соединенные великие европейские державы наказали турецкого султана за те обиды, которые испытывали

богомольцы, ходившие ко гробу Господню. Султан, взбешенный этим, приказал всем своим подданным готовиться к войне с Россией. Тогда государь император Николай I, 14 апреля 1828 года, объявил войну Турции. Пятью армейскими корпусами двинулась наша армия в Турцию. Три корпуса шли на Дунай, один шел морем на кораблях через Черное море и один на Кавказ. Во всех корпусах находились донские казачьи полки.

Как и всегда, казаки действовали впереди всех. В конце мая месяца 3-й корпус подошел к Дунаю возле Браилова. К корпусу прибыл государь император и приказал приступить к переправе. В этом месте река Дунай имеет 300 саженей ширины. Только что получено было приказание государя о переправе и пехота и артиллерия стали готовить плоты и понтоны, как казаки полков Ступачева и Секретарева разделались, сдали одежду на понтоны и, захвативши патроны и пики, бросились в волны Дуная. Этим донские казаки ускорили переправу третьего корпуса и помогли нашей пехоте укрепиться на турецком берегу.

Наша армия быстро подавалась к главной турецкой крепости Силистрии. Для разведки крепости, в июле месяце был послан регулярный полк под командою полковника Хомутова и донской казачий N 2 Тацына полк. День был жаркий. Дорога шла по прекрасной местности. В полдень оба полка стали на привале в лесу на тенистой поляне. Прилегли отдохнуть. В назначенный для выступления час полк Хомутова поднялся и ушел, казаки же, утомленные походом, бессонными ночами на сторожевой службе, разморились на жаре и теперь на холодке так разоспались, что и не видали, как ушла кавалерия. Вдруг часовой сделал выстрел, другой и третий. В казачьем стане поднялась тревога. Спросонок казаки не знали, куда сунуться. Кинулись к лошадям, да было уже поздно. На казачий привал налетели турки. В полку было много молодых казаков. Они растерялись. Кто схватил пику и не знает, что делать с нею без коня, другой нес вьюк, да так с вьюком и замер с разинутым ртом. Старые казаки схватились за ружья — да старое ружье не то, что теперешняя винтовка, — один выстрел сделал, а потом надо заряжать, возиться долго... Одним из первых погиб полковник Тацын. Его так изрубили турки, что тело его потом узнали только по рукам да по золотому кольцу на пальце. Пять сотен казаков погибло под ударами кривых турецких ятаганов, лишь шестая успела сесть на лошадей и под командою есаула Вильфинга прорубилась сквозь турок.

За Дунаем война шла, большей частью, под крепостями. Осаждали Варну, Силистрию и Шулму и брали эти крепости

штурмами. Казакам приходилось нести только сторожевую и охранную службу, содержать летучую почту, стоять на заставах.

И на Кавказе наши войска должны были одолеть много крепостей. В августе 1828 года наши войска осадили сильную крепость Ахалцых. К туркам подошла помощь, но наши солдаты отбили подкрепление. У нас не хватало снарядов, не было продовольствия, а между тем, к турецкой крепости шла подмога. 15 августа наши войска бросились на штурм. Вместе с егерями в город вскочили донские казаки 4-го взвода донской артиллерии.

Перед ними была тесная улица, стрелять некуда. Казаки живо раздобыли доски и балки, устроили на скорую руку помост и втянули на руках пушки на крышу одного из домов. Тут перед ними открылись целые площади, покрытые турецкими солдатами. Донские артиллеристы начали обстреливать их ядрами. И сейчас же изо всех окрестных домов со свистом полетели в них пули. Они решетили лафеты и колеса орудий и убивали и ранили ничем не прикрытых казаков. Вдруг крыша дома не выдержала тяжести орудий, провалилась. Пушки опустились до самого клина, которым запиралась тогда казна. Турки сейчас же бросились на казаков.

— Ребята! — крикнул их офицер, — неужели нам придется расстаться с нашими друзьями — пушками!?

— Нет, ваше благородие, не бывать тому! — крикнул казак Кундрюков, высокий, дюжий, широкоплечий донец.

— Не бывать тому! — подхватил и малолеток Григорий Силкин, только что пришедший с Дона.— Умрем, а не отдадим! Позвольте хоть перед смертью покончить саблями, по-казачьи, этих гололобых!

И восемь донских артиллеристов-канониров, оставшихся в живых из целого взвода, соскочили с крыши назад, на улицу, где стояли их лошади, и с обнаженными саблями вынеслись на турок...

Туркам и в голову не пришло, что казаков только восемь. Они думали, что целая колонна помчится за донцами, и побежали назад. Казаки вернулись к пушкам, с помощью егерей вытащили их и продолжали стрельбу...

Вскоре город был взят.

В следующем году там же, на Кавказе, отличался наш донской казачий N 12 полк, носивший тогда название полка полковника Шамшева, и бывший в Закавказье под крепостью Баязетом. На крепость Баязет шла 19-тысячная турецкая армия. Полк Шамшева первый встретил турецкую кавалерию и атаковал ее, поколов и порубив до 200 человек.

Турецкая армия осадила Баязет. Донцы оказались в маленькой крепости. Им было поручено вместе с пехотой и городскими жителями оборонять часть стены. В продолжении 38 часов донцы 12-го полка отражали все атаки турок; они сваливали их лестницы, обстреливали из пушек и из ружей и при всяком отступлении турок Шамшев бросался за ними. Пехота колола их штыками, казаки — пиками. Сам Шамшев получил тяжелую рану в грудь. 13 дней Баязет был окружен турецкими войсками. Без воды и при уменьшенном довольствии, а последние дни и совсем без еды оборонялись наши войска и с ними казаки 12-го донского полка. Оборонялись до тех пор, пока не подошла к ним выручка. За эту оборону полк Шамшева получил Георгиевское знамя с надписью: "За оборону крепости Баязета 20 и 21 июня 1829 года".

Адрианопольским миром закончилась эта победоносная война. Наши войска прошли на Кавказе далеко за теперешнюю границу, а на Балканском полуострове стояли под самым Константинополем. Турции грозил полный разгром. Но император Николай великодушно возвратил почти все завоевания в Турции и только на Кавказе к нам отошел богатый Закавказский край с городами Поти, Анапою, Ахалцыхом и Ахалкалаки. Турецкий султан потерял свое могущество, и с этой нашей войны Турция начала слабость и падать.

Но и нам война далась недешево. В войсках, вследствие тяжелого климата, было много больных. За два года войны в нашей армии умерло до 80000 человек. Не мало погибло от болезней и донских казаков.

Донскому войску "от лица благодарного отечества" было пожаловано белое Георгиевское знамя с надписью: "Верноподданному войску Донскому за оказанные заслуги в продолжении кампании против персиян в 1826, 1827 и 1828 и против турок в 1828 и 1829 годах".

Полки Сергеева, Карпова, Леонова и Басова получили знамена за Персидскую и Турецкую войны и полки Бегидова, Рыковского, Ильина, Платова 2-го, Бакланова, Золотарева 4-го, Борисова и Чернушкина 2-го — за Турецкую войну.

11. Польское восстание

1831 г.

В день 25 ноября 1830 года в Петербурге было получено известие, как громом поразившее всю русскую столицу: 17 ноября в Варшаве, главном городе царства Польского, вспыхнуло восстание. Поляки убивали генералов, офицеров и солдат, покушались и на жизнь родного брата государева, цесаревича Константина Павловича, бывшего наместником государя в Царстве Польском.

У поляков было свос, отлично вооруженное и обученное войско. Оно стало на сторону мятежников, и скоро у предводителя восстания, генерала Хлопицкого, собралось до 130000 человек солдат. Император Николай Павлович двинул против них армию, возвращавшуюся из Турции, под начальством генерала Дибича. Эта армия была подкреплена полками из Петербурга, и всего собралось до 190000 человек.

На усмирение поляков пошли полки: из Петербурга л.-гв. Казачий и с Дона — Атаманский, Грекова 5-го, Ильина, Андреевского, Катасонова, Секретева, Кутейникова, Борисова, Карпова 4-го, Егорова, Карпова, Платова 2-го, Пименова и Киреева.

Многие из этих полков шли прямо из Турции на Польшу. Походным атаманом всех донских полков был назначен генерал Максим Григорьевич Власов.

Отряды русских войск, входившие в Польшу, должны были разделяться на небольшие части. К каждой такой части придавали несколько казаков: сотню, две; очень редко полк действовал вместе.

Казакам приходилось работать маленькими партиями, почти в одиночку.

Максим Григорьевич Власов, сын бедного казачьего офицера, казак Раздорской-на-Дону станицы, назначенный руководить всеми казачьими полками в Польше, родился в 1767 году. Его отец оставил его проездом на службу в Польшу девятилетним мальчиком у монахов Киево-Печерской лавры,

и у них он научился грамоте. Когда отец его возвращался из Польши, он взял мальчика от монахов и определил его писарем в "гражданское правление". Но мальчика работа в канцелярии не увлекла; он родился и хотел быть казаком. И вот, он поступил в полк Грекова. Он сражался с Суворовым в Польше, с Платовым ходил на защиту Пруссии. В Турецкую войну 1808—1812 гг. Власов был в Атаманском полку. Все войны с Наполеоном он проделал с полком своего имени. Он был в очень тяжелых боях, сражался на Кавказе и ни разу не был ранен. Теперь он приехал руководить делами донцов против поляков. Но в его распоряжении не было ни одного целого полка. Он мог только наблюдать по донесениям, что делают донцы. Власову было 64 года, это был старый казак, старый воин. Не мог он оставаться в тылу. Его богатырское казачье сердце рвалось к родным станичникам в самую сумятицу вечного боя на передовых постах.

7 февраля 1831 года он повел сам казаков в атаку на польских улан. У польских улан тоже были пики, как у казаков, но только с маленькими флажками у копья. Седой генерал врубился в ряды поляков. Но рука старика уже не была так сильна, как прежде. Уланы его окружили. Он получил восемь сабельных ран, ему разбили челюсть. Он упал с лошади. Уланы начали колоть его пиками, но в это время налетели на них казаки и перекололи их всех. Замертво вынесли казаки своего походного атамана из боя. Три месяца он пролежал в госпитале, лечась от ран, но едва встал, снова сел на коня и стал по-суворовски водить казачьи полки в бой. 14 июля Власов рассеял поляков при Неборове, а 2 августа при деревне Мацевичи неожиданно напал на поляков, поколол пиками 2 батальона пехоты, разбил и рассеял восемь эскадронов конницы и взял два легких орудия. Отомстил полякам за свои раны старый донской генерал.

Имя этого славного генерала, бывшего потом войсковым атаманом, носит теперь 5-й донской казачий полк.

Много подвигов совершили донские казаки в эту войну. В мае месяце один из начальников отрядов, генерал Остен-Сакен, приказал состоявшему в отряде лейб-казачьему полку достать "кракуса". Кракусами, в эту войну, в нашем войске называли плохо вооруженных поляков.

Полковник Краснов вызвал унтер-офицера Воронкова и сказал ему, чтобы он постарался взять в плен поляка.

— Поезжай сейчас и смотри же, хотя и в тороках, а непременно привези живого.

— Сколько прикажете привезти их, ваше высокоблагородие?

— Сколько можешь, молодец! — сказал Краснов.

Воронков взял с собою несколько казаков и в ночь на 21-е мая отправился глухою дорогою к Рожанам. Не доезжая до местечка, он засел в кустах. Начало светать. От Рожан выехало пол-эскадрона, пятеро поляков выскочили вперед в дозор. Только что поравнялись они с засадой Воронкова, лейб-казаки выскочили на них, троих покололи, а остальных схватили за поводья и во весь опор примчались к своему отряду...

В бою на Понарских высотах, 7 июня, казак Подкатилов во время атаки на улан сбил улана с лошади, но переломил свою пику. На помощь упавшему улану подскочили его товарищи и заставили казака отступить без пики. Лейб-казаки отошли назад и выстроили фронт. Стал и Подкатилов на свое место. Поляки, рассыпавшись цепью, наездничали перед казаками, и один из улан играл и похвалялся поднятой сломанной лейб-казачьей пикой.

Зло взяло Подкатилова.

— Ишь, братцы, гляньте, как улан моею пикою чванится, как будто он ее из рук вырвал! А жаль! Славная была пика! В Турции я ею с полдюжины некрещеных приколол. Ладно, брат, вот тебе и званый гость за пикою! — и Подкатилов, выхватив саблю, быстро подскочил к поляку, могучим ударом разрубил ему голову, и, выручив пику, поскакал к своему эскадрону, где явился к командиру, ротмистру графу Орлову-Денисову, и доложил:

— Виноват, ваше сиятельство, что осмелился без вашего приказанья выехать из фронта, но вы сами изволили видеть, можно ли было утерпеть? Да притом пика еще и срока не выслужила: жаль ее было потерять!

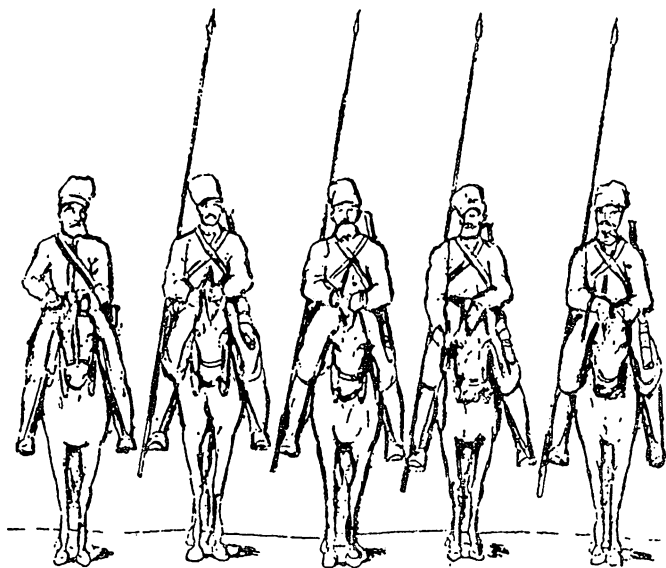
Наши войска стягивались и медленно подвигались к Варшаве, где в городских укреплениях заперлись мятежники. 25 и 26 августа мы начали бомбардировку и штурм Варшавы. Мятежники, чувствуя, что им уже никак не удержаться, на рассвете очистили Варшаву, и Польша снова покорилась нам.

За взятие Варшавы Атаманскому Наследника Цесаревича полку были пожалованы на кивера отличия с надписью: "За Варшаву 25 и 26 августа 1831 года".

Остатки польских мятежнических банд уходили в Пруссию. И казаки до самой границы их преследовали. Во главе их стоял походный атаман генерал Власов. Донцы отбивали целые шайки поляков и отправляли их к нашей армии. Однажды донского казачьего Секретева полка старшина Попов с небольшим отрядом сопровождал польских пленников в город Ломжу. Около деревни Хормеля на него напали мятежники, у которых было 2 эскадрона, 2 пушки и 1 рота пехоты. Попов не растерялся. Он отправил пленных с небольшим прикрытием,

а сам с 29 казаками встретил атакой атаку польской конницы, мужественно врубился в их середину, убил командовавшего отрядом полковника, двух офицеров, многих рядовых поляков, далеко преследовал их и остановился только тогда, когда наткнулся на пехоту. С пленными майором, 3 офицерами и 3 рядовыми Попов догнал свою партию пленных и, как ни в чем не бывало, продолжал свое движение на Ломжу...

Усмирение поляков окончилось со взятием Варшавы, но еще долго стояли казачьи полки по границе и по всем почтовым трактам. Они несли ту службу, которую теперь несет пограничная стража. Взводами, полусотнями, редко где сотнями были раскинuty они по Польше и служили без отдыха, без перемены. Про эту польскую службу на границе, где в приграничных корчмах* встречались и немцы, и поляки, и казаки, поется в полках много песен.

Казачий строй
Из устава строевой казачьей службы 1837 года

* Корчмою на западе России называется трактир, кабак.

Вот самая распространенная:

Говорили про Польшу, что богатая.
А мы разузнали — голь проклятая!
У этой у Польши — корчемка стоит,
Корчма польская, королевская.
У этой корчемки три молодца пьют,
Пруссак да поляк, да млад донской казак
Пруссак водку пьет — монеты кладет,
Поляк водку пьет — червонцы кладет,
Казак водку пьет, да ничто не кладет
Он по корчме ходит, шпорами гремит,
Шпорами гремит — шинкарку манит
— Шинкарочка-душечка, поедем со мной,
Поедем со мной, к нам на тихий Дон,
У нас на Дону, да не по-вашему,
Не ткут, не прядут, не сеют, не жнут,
Не сеют, не жнут, да чисто ходют!

12. Император Николай I Павлович на Дону

1837 г.

1836 году генерал-лейтенант Максим Григорьевич Власов был назначен войсковым наказным атаманом войска Донского. Император Николай I, отправляя его из Петербурга в Новочеркасск, сказал ему:

— Послужи мне еще, Максим Григорьевич. Знаю, что ты страдаешь от ран, но эти раны так почетны, так славны, что жаль бы было запрятать их в какую-нибудь глушь. Пусть они будут на виду всего Дона и служат его молодежи примером, как служили отечеству старые его слуги. Пусть в тебе будет живой пример, что и такие раны не прекращают деятельности в подобных тебе богатырях, а таких богатырей было много в царствование покойного брата Нашего! Я помощник твой во всех случаях. Если встретишь какое затруднение или какой недостаток средств для пользы Дона, пиши прямо ко мне, да помни все, что я говорил тебе. Я люблю казаков, но не желал бы видеть их не-казаками: надобно, чтобы на Дон не доходили никакие перемены ни в нравах, ни в обычаях. Пускай казаки остаются славными казаками двенадцатого года!

Быстрый взгляд Императора Николая I подмечал все. Когда атаман Власов откланивался у Государя, Государь расспрашивал у него о вооружении казаков.

— Ты хорошо знаешь эту часть, — сказал Император, — кажется, у них все оружие не однообразное. Я заметил это в Калише. Разнокалиберность бросается в глаза.

Когда разговор зашел о лошадях, Государь сказал:

— Хорошо ли соблюдается порода донских лошадей?

Атаман ответил, что, к сожалению, эта часть запущена.

Государь пожалел о такой небрежности казаков.

— Конь — душа казака, — сказал Государь, — конь казака должен быть вполне пригодным для казачьей службы! Я боюсь, что, пренебрегая этим важным предметом, у меня, чего смотри, и казаков не будет. Позаботься всячески сохранить породу донских лошадей, надобно заимствовать эти породы от

горских, от киргизских: с одной стороны горы, с другой степи — хорошее ручательство в требуемой для казаков породе лошадей...

В 1837 году Государь Николай Павлович, возвращаясь с Кавказа из Грузии, вместе с Государем Наследником Александром Николаевичем проехал через Аксайскую станицу в Новочеркасск.

19 октября Государь был в Новочеркасске. При проезде через Аксайскую станицу, атаман Власов докладывал о переводе столицы войска Донского на Аксай. Но Государь заметил, что и на Аксае только часть жителей будет близко от воды, остальные же точно так же будут страдать от недостатка воды и ветров, и потому решено было оставить Новочеркасск на старом его месте.

В Новочеркасск и Государь и Наследник въезжали верхом. У западных триумфальных ворот были выстроены эскадроны л.-гв. Казачьего и Атаманского полков. Государь поехал по Платовскому проспекту к собору, где был собран войсковой круг. При звоне колоколов и пушечной пальбе проехал царь в круг, выслушал приветственное слово донского архиепископа Афанасия и, приложившись к кресту, сказал казакам:

— Любезные донцы! Ваши предки и отцы сослужили много служб государям и отечеству, и признательность монархов показывают эти грамоты, эти знамена и прочие царские клейноды. Я хотел явить новый знак своего расположения к вам и назначить атаманом своего первого сына, наследника престола нашего. Надеюсь, что вы и потомки ваши не перестанете идти по пути славных предков ваших и заслуживать признательность отечества!..

Громовое "Ура!" потрясло воздух, загрохотали пушки, загудели колокола. Государь взял поднесенный Власовым на бархатной подушке пернач и, обняв Наследника Цесаревича, вручил ему этот знак атаманского достоинства. И сейчас же донские генералы окружили Наследника и под сенью знамен подняли его на руках над головами народной толпы. Трудно описать, какой восторг охватил казаков. По старым, загорелым, морщинистым лицам текли слезы умиления. Крестьясь, поднимались и опускались руки.

— Батюшка ты наш, атаман войсковой! — умиленно говорили донцы.

— Надежда наша, красное солнышко наше! Пойдем в огонь и в воду за тебя, наш красавец ненаглядный!

— Да хранит же тебя Царь Небесный для счастья нашего.

Так совершилось торжественное перед всем войском Донским назначение атаманом Наследника...

На другой день, 20-го октября, Государь Император посетил строящийся собор, войсковое правление, госпиталь и гимназию. В гимназии Государь сказал столпившимся вокруг него детям:

— Учитесь, дети, усердно. Я хочу, чтобы со временем и из донцов были сенаторы, министры, главнокомандующие.

21-го октября Государь Император Николай I делал смотр собравшимся в Новочеркасске донским полкам. На смотре собралось 2 дивизиона л.-гв. Казачьего полка, 2 дивизиона Атаманского полка, 2 дивизиона л.-гв. Донской конно-артиллерийской батареи, 22 полевых полка, временно сформированных из наличных в войске офицеров и казаков, и 3 донских полевых конно-артиллерийских батареи.

Смотр был неудачный. Дул холодный ветер, поднимая и крутя столбы пыли. Люди полевых полков не равнялись, офицеры и урядники не знали своих мест, но главное — лошади были очень плохи, казаки скверно сидели и были грязно и неряшливо одеты.

Государь в справедливом гневе своем сказал Власову:

— Я ожидал видеть двадцать два полка казаков, а вижу каких-то мужиков! Никто не имеет понятия о фронте. А лошади! Это не казачьи лошади, а мужичьи!..

Тяжелый это был день для Донского войска.

22 октября Государь изволил отбыть из Новочеркаска. Закипела в войске работа. Донцы убедились, что нужно учиться и учить лошадей, что нужно действовать по каким-либо однообразным правилам. Атаман Власов был боевой генерал, он много воевал вместе с казаками и умел их учить. По его наставлениям, уже в 1838 году были изданы "Правила для состава и построения казачьих полков". Это был первый строевой казачий устав в войске Донском. По этим правилам, в казачьем полку положено было иметь — 1 полкового командира, 1 войскового старшину, 5 ссаулов, 6 сотников, 7 хорунжих, 19 старших урядников и 19 младших, и из них 1 старший урядник — знаменщик и 1 младший урядник — его ассистент, 60 приказных, 1 полковой писарь, 1 лекарский ученик и 750 казаков. Полк делился на 6 сотен. В сотне полагалось 4 взвода. Сотня строилась в две шеренги, или лавы. В правилах были указаны повороты сотни по три и повзводно, построения колонн, лавы, правила пешего строя, церемониального марша, отхода и приноса знамени.

Но Власов знал, что главная причина неудачи смотра и плохой подготовки офицеров происходила не оттого, что не было писанного устава, а оттого, что офицер казачий так мало получал жалованья, что не мог посвятить свое время военному делу, не мог иметь порядочной лошади, не мог чисто и по

форме одеваться. Офицер получал всего 71 рубль в год. На эти деньги он должен был содержать себя, свою семью, иметь лошадь и чисто одеваться. Власов несколько раз просил о прибавке содержания офицерам, но прибавка не выходила. В день свадьбы Государя Наследника, августейшего атамана, 16 апреля 1841 года, Государь после свадебного обеда обходил гостей. В числе их был и донской атаман Власов. Государь подошел к атаману, положил ему на плечо руку и сказал:

— Ну, слава Богу, обвенчали мы атамана вашего. Любите и атаманшу, как его любите.

— У донцов, Ваше Величество, — отвечал Власов, — любовь к Монарху и августейшей фамилии его составляют другую религию их. Семейную радость вашу они примут, как радость собственную свою. Позволь, Государь, в этот радостный для всей России день, попросить у тебя особую милость твоим верным донцам.

И, не обращая внимания на то, что зала была полна русскими и иностранными генералами, посланниками и дамами, атаман войска Донского, прося за своих подчиненных, стал на колени и подал Государю бумагу, в которой была написана просьба о прибавке жалованья донским офицерам.

Государь, видимо, был недоволен. Он схватил атамана за руку и сказал:

— Нашел, когда просить! И как просить! Ты меня стыдишь перед чужими послами!

Но Власов думал иначе. "Да черт бы побрал всех иностранных послов ваших, — говорил он потом военному министру, генералу Чернышеву, — что мне они! Да перед кем стал я на колени, ведь перед своим царем! Да и зачем я стал перед ним на колени! Себе, что ли, милость выпрашивал какую, — нет, я просил за его же царских верных слуг, которым есть нечего! А что он сердится на меня! — Сердце царство в руке Божьей!.."

Но Государь не сердился на атамана. На другой день на балу он был очень милостив к нему.

Для улучшения лошадей, в 1844 году издано было положение о конских табунах войска Донского и устроен был Провальский войсковой конский завод. На заводе определено было иметь 34 жеребца и 250 кобыл лучших русских, донских и кавказских пород. В 1851 году были открыты первые скаковые общества на Дону: Новочеркасское и Урюпинское.

1847 год надолго останется в памяти донских казаков. На Дону появилась холера. Она пришла на Дон из Грузии, появилась в Егорлыцкой станице, перекинулась в Ольгинскую, а потом в Аксайскую станицы и, наконец, пришла и в

Новочеркасск. По 200, по 250 человек заболело в Новочеркаске в сутки, умирало до 200. Не было улицы, по которой не несли бы гробов, не было дома, где не стоял бы покойник. В церквах отпевали по несколько умерших сразу. Страх охватил население Новочеркасска. Не боялись казаки неприятеля с пулями и ядрами, но этого таинственного врага испугались. От него одна защита была — вера в милосердие Божье и усердная молитва. 29 августа из Аксайской станицы привезли чудотворную икону Божьей Матери. Горячо молились перед нею новочеркасцы, молились о чуде... И чудо совершилось. На другой день холера стала ослабевать. Народ повеселел. Скоро холера и совсем прекратилась. За шесть недель холеры в Новочеркаске умерло до 5000 человек.

С 1858 года войско Донское входит в подчинение особому, вновь учрежденному, управлению иррегулярных войск.

Во время холеры многие жители лечились особой баклановской настойкой и верили, что она помогает. Верили потому, что любили вновь народившегося на Дону героя-казака, казака-богатыря, о котором приходившие из Грузии полки рассказывали чудеса, верили в то, что Яков Петрович Бакланов всех побеждал своим оружием, победил и холеру своєю жестокой настойкой!..

Черноморский казак в 1830 году
С редкой картины Орловского

13. Яков Петрович Бакланов

Родился 15 марта 1809 г., умер 18 февраля 1873 г.

1801 году, в царствование Государя Императора Александра I, к России добровольно присоединилось большое и богатое Грузинское царство, лежащее за Кавказскими горами. Сообщение между Терекком, лежащим по нашу сторону Кавказского хребта, и Грузией, лежащей по ту сторону гор, могло быть только через горы, по так называемой Военно-Грузинской дороге. Эта дорога шла через владения кавказских горцев, черкесов, чеченцев и татар, постоянно нападавших на русских людей; нужно было смирить их, сделать Кавказ безопасным для его жителей. Для этого России пришлось приступить к постепенному завосванию Кавказа, к постройке целого ряда небольших укреплений. Шаг за шагом подавались русские войска в горы, занимая и умиротворяя Кавказ. Эта Кавказская война тянулась 63 года, с 1801 года по 1864 год, когда покорение Кавказа было, наконец, окончено.

Кавказская война не походила ни на одну из войн. Враг был повсюду. Сегодня "мирной" татарин — завтра брался за винтовку и из-за скалы стрелял по нашим казакам и солдатам. Все население Кавказа, — юноши, старики, женщины — были прекрасными воинами и отличными наездниками. Жители исповедовали магометанскую веру. Их священники призывали их к войне с христианами, обещая им очищение от грехов и вечную жизнь за убийство русских. Ко всему этому, местность была такова, что действовать большими отрядами было невозможно. Отряды двигались... да что двигались, отряды дрались на тропинках, по которым ходили только козы. Один неверный шаг, и падаешь с громадной кручи в каменный мешок. В долинах росли дремучие леса. Дубы, орешины, вязы, дикая яблоня буйной толпою спускались с гор в долины. Плющ обвивал их стволы; кусты ягод и терна, перемешавшись с высокой травой, образовали такую чащу, через которую мог пробраться только дикий барс или чеченец, выросший в этих лесах. Тропинки были редки — каждая вела

в засаду, на верную смерть. Тут мира не было никогда. Иногда по несколько месяцев все тихо: притаились чеченцы в горах... Вдруг грянет вестовая пушка и подымет тревогу в нашем укреплении. Беда, если прозевают казаки! — пожар поднимется заревом к небу, и обезглавлены острыми шашками защитники городка... Тут, на Кавказе, была жизнь такая же, какую некогда вели в донских степях казаки, борясь с татарами.

Сюда, на эту вечную войну, шли донские казаки. Они шли сюда, не обученные владеть пикою, шашкою и ружьём, а между тем, тут побеждал тот, кто ловчее рубил, сильнее колол, метче стрелял. Казаки шли сюда на плохих лошадях, а тут были лихие аргамаки, ловкие и быстрые кабардинцы, золотистые карабахи. Тут побеждал тот, у кого лошадь была вернее. Тут нужно было вечно учиться, тут надо было иметь полки вместе, всегда на примете... А донских казаков разбирали повсюду. Они сопровождали почту, чиновников, у каждого человека, служащего на Кавказе, был непременно донской казак. Ослабленные сотни не учились, и, когда наступал бой, они были хуже черноморских или линейных казаков, нынешних терцев и кубанцев. Горцы не боялись донцов, смеялись над грозными казачьими пиками и называли донских казаков "камышом". И бедные донцы только гибли безропотно под ударами острых шашек. Под меткими выстрелами чеченцев.

Но все это быстро переменялось, когда, в 1846 году, на Кавказ с 20-м полком прибыл войсковой старшина Яков Петрович Бакланов.

Яков Петрович родился 15 марта 1809 года в Гугнинской станице. Отец его был простой, неграмотный казак, заслуживший расторопностью и хорошей службой чин хорунжего. Тогда первый офицерский чин давал права потомственного дворянства, и Яков Петрович считался дворянином. Отцу заниматься сыном было некогда. Наступал знаменательный 1812-й год, и отец Якова Петровича ушел с полком в армию выгонять французов. Мальчик рос сам по себе, на улице, с детьми других казаков Гугнинской станицы. Когда мальчику минуло пять лет, бабка его отдала старухе Кудимовне в науку. У Кудимовны Яков Петрович изучал азы, его передали приходскому пономарю, а потом и станичному дьячку, и мальчик изучил псалтырь и часослов. Дальше учиться Бакланову уже не пришлось. Отец его, вернувшийся в 1815 году домой, пробыл в семье недолго. Из Бессарабии на Россию шла чума, донские полки были расставлены по кордонам. Пошел на границу и отец Якова Петровича и взял мальчика с собой — пусть-де учится у полковых писарей. Не

столько учился грамоте молодой Бакланов, сколько сидел в хате со старыми казаками и слушал их рассказы про войны, про Наполеона, про то, как одерживали донцы победы. И загоралось сердце мальчика, и хотелось и ему таких же великих подвигов, такой же славы. Яков Петрович был отличный стрелок из ружья, — здесь, в полку, он стал и лихим наездником, научился колоть пикою и стрелять. И рос мальчик богатырем. Рослый, могучего сложения, крепкий и сильный, бесстрашный — Бакланов был настоящим казаком.

Шестнадцатилетним мальчиком Бакланов был зачислен на службу урядником в казачий Попова полк и вместе с отцом, командовавшим в этом же полку сотней, пошел в Крым. В самый день отхода Якова Петровича на службу отец его отслужил молебен и сказал ему:

— Служи, Яков, верою и правдой Богу, Государю и нашему великому Донскому войску. Помни всегда, что твой отец без малейшего покровительства, одною честной службой дошел до штаб-офицерского чина. Храни ненарушимо простоту отцовских обычаев, будь строг к себе, а больше всего — не забывай свою благодатную родину, наш Тихий Дон, который вскормил, взлелеял и воспитал тебя!..

Тот самый завет, что был дан Платову, и почти теми же словами, был дан и молодому Бакланову.

Всю жизнь помнил и свято хранил отцовский завет Бакланов.

Так началась служба Якова Петровича и начались его странствования с полком то в Турцию, то на Кавказ. В Турции, в деле под Бургасом, он участвовал с сотней своего отца в атаке на турецкую конницу. В этой атаке под ним была убита лошадь.

В 1834 году с донским казачьим Жирова полком Бакланов первый раз попал за Кубань, в кавказские войска, бывшие под начальством генерала Засса.

Этот генерал от обороны перешел к наступлению, двинул наши полки за Кубань и начал целый ряд набегов на татар, живших между реками Кубанью и Лабою.

Здесь Бакланов впервые узнал, что такое Кавказская война. Недешево далась она ему. "Но спасибо Зассу и горцам, — говорил Яков Петрович, — они меня научили многому..."

Однажды, в набеге на Чамлыкское укрепление, Бакланов своею храбростью обративший на себя внимание генерала Засса, командовал всеми казаками отряда. А их было около 2 с половиной тысяч. Бакланов был в это время в чине сотника. Ему было приказано остаться на левом берегу реки Лабы и прикрывать отход отряда генерала Засса.

Бакланов выбрал позицию около одной весьма крутой и лесистой горы и раскинул здесь лаву. Однако, держаться против стремительных атак горцев, налетавших то на один, то на другой фланг, было трудно. Напрасно Бакланов скакал с одного фланга на другой, ободряя казаков. Только удержит на одном фланге, глядишь, сорвался другой и подается назад. Вдруг он увидел, что громадная толпа горцев кинулась на самую середину лавы, стремительным натиском опрокинула и прорвала ряды казачьи, и разрежала их надвое. Все перемешалось. Казаки бросились назад. Бакланов поскакал устраивать порядок, но, проскакивая через лес, попал на засаду. Четверо спешенных горцев караулили его. Едва он поравнялся с ними, раздался залп и лошадь Бакланова упала, пораженная двумя пулями в голову. Бакланов очутился один в лесу против четырех горцев. Тут сообразил он, что у него есть двустволка, которая была за плечами, и пара пистолетов, которые он носил за поясом, подражая черкесам. Бакланов сознавался потом, что первое чувство было чувство необычайного страха, он мог только схватить свою двустволку. Это движение спасло его. Черкесы, видя перед собою богатыря с ружьем, поняли, что он дешево не отдаст свою жизнь, и медлили с нападением. Тихо было в лесу. И конница черкесская, и казаки умчались далеко. Здесь было только четверо врагов против одного казака. И, вот, в эту минуту Бакланов вспомнил, как хорошо он стрелял с самого детства. Он живо приложился и одним выстрелом убил двух врагов... Остальные готовились кинуться на него, но тут послышался топот конских копыт, треск ломаемых сучьев, и горцы, оставшиеся против него, оба с ружьями, засуетились и не стреляли.

И вдруг мимо Бакланова понеслись горцы. Казаки гнали их. Притиснутые ими пешие черкесы стояли рядом с Баклановым и ни одному из них не пришло в голову пырнуть кинжалом казака. На Якова Петровича налетали и конные горцы. Одного из них, чуть было не опрокинувшего его своею лошадию, Яков Петрович свалил пистолетным выстрелом. От него шарахнулись в сторону. Тут чьи-то сильные руки подхватили его. Это были его ординарцы. Ему подвели заводную лошадь. Могучим прыжком вскочил на нее Бакланов и помчался вперед останавливать увлекшихся преследованием казаков. В это время за Лабою раздался пушечный выстрел. Это был условный знак, что казаки могут возвращаться домой.

Бакланов спасся.

В 1837 году Бакланов был отправлен на Дон, а в 1839 году назначен в только что собранный в Новочеркасске учебный полк, где казаки должны были изучать новый устав. Служба

Бакланова в этом полку принесла ему впоследствии много пользы.

В 1845 году Бакланов, в чине войскового старшины, был назначен в № 20 казачий полк, а в 1846 году принял этот полк на законном основании.

Прежняя служба его на Кавказе, приключение, когда он на Лабе был окружен четырьмя горцами и когда спасло его умение стрелять да ловкость на коне, живо вспомнились ему в этот год. В учебном полку Бакланов многому научился, много читал он книг, особенно по военной истории, и стал за эти годы образованным человеком. Он понял, что оставлять донские казачьи полки в том положении, как они были на Кавказе, разобранными на ординарцы и денщики нельзя. Понял он, что не умеющий владеть оружием, на плохой, заморенной лошади, донец станет легкой добычей ловкого черкеса-джигита. И вот, Бакланов стал делать то, чего до него еще никто не делал. Прежде всего он собрал свой полк. Он вытребовал со всех станиц, от всех чиновников, из всех штабов казаков своего полка. Нужно было исписать пуды бумаги, испытать много неприятностей, чтобы получить от Бакланова хоть одного казака вестовым или ординарцем. Потом он одел полк. Форменные мундиры и шаровары были запрятаны в сундуки для смотров и парадов. Каждый казак сам должен был достать себе одежду. С убитых татар снимали черкески и в них одевались донцы Баклановского № 20 полка. Появились у казаков и отличные черкесские шашки, и кинжалы, и меткие нарезные чеченские ружья. Кони казачьи не стояли худые и заморенные, с пропитым овсом и не знающие чистки. Бакланов потребовал от казаков холи лошади и корма. За одну украденную овсинку он мог запороть казака, и казаки это знали. И вскоре лошади в его полку стали неузнаваемы. Они стали сильными и ловкими, и не страшны были казакам черкесские кони.

Но нужно было обучить полк. И вот, Бакланов устроил вечерние беседы с офицерами.

— О храбрости казака, — часто говаривал Яков Петрович на этих беседах, — заботиться не надо, потому что донскому казаку нельзя не быть храбрым, но надо, чтобы этот казак смыслил что-нибудь и побольше одной только храбрости.

И он неумоимо обучал казаков разведывательной службе, саперному и артиллерийскому делу. Чтобы легче сделать это, он собрал особую седьмую учебную сотню. В ней готовились учителя на весь полк под его наблюдением. В каждой сотне один взвод был снабжен шанцевым инструментом, и люди его особо обучались саперному делу. При полку были собраны еще пластунская команда из лучших стрелков и наездников,

употреблявшаяся на самые опасные разведки, и ракетная, которая работала, как конногорная батарея, посылая в неприятеля особые, начиненные порохом и пулями, ракеты.

Бакланов беззавестно любил родной ему тихий Дон, он и мысли не допускал, чтобы донской казак мог в чем-нибудь уступить линейному, а, между тем, не мог Яков Петрович не сознаться, что приходившие с Дона казаки не обладали ни той опытностью, ни теми боевыми сноровками, которые имели линейцы. И вот, Яков Петрович лично водил разъезды и приучал казаков разведывать в новой и непривычной для донских казаков горной стране.

— Все заметь, — говорил он казакам, — ничего не могли проглядеть, а тебя чтобы никто не видел.

Никто в Баклановском полку не смел во время боя покинуть рядов; легко раненные должны были оставаться во фронте, те, кто лишился лошади, должны были биться до той поры, пока не добывали себе новой.

Генерал-лейтенант Яков Петрович Бакланов

— Покажи врагам, — говорил Бакланов, — что думка твоя не о жизни, а о славе и чести донского казачества.

Сам Бакланов был необыкновенно приметлив и внимателен к местности. Казаки знали, что с ним не пропадут. Так, обучив свой полк, Бакланов начал делать со своими донцами набеги на чеченские аулы, отбивать у них скот, врывать в

самое гнездо их, делать то, на что раньше немногие и из линсейцев отваживались. Имя лазутчиков из местных жителей, из которых наиболее известны Али-Бей и Ибрагим, Бакланов всегда врасплох налетал на неприятеля, появлялся, как снег на голову. Чеченцы трепетали перед ним, и скоро имя грозного Боклю, как называли горцы Бакланова, стало страшным для всей Чечни. Донские дротики уже не называли более презрительно камышом. "Даджал", что значит, дьявол, — вот было обычное наименование чеченцами Бакланова.

А он и лицом, и сложением был грозен. Лицо его было изрыто оспой, громадный нос, густые, нависшие на глаза брови, глаза, мечущие молнии, толстые губы и бакенбарды, выщипанные по ветру.

Рассказывают, что раз пришли к казакам черкесы и просили казаков показать им Бакланова. Они хотели убедиться, правда ли, что грозный Боклю, действительно, "даджал", то есть черт.

Очередной казак доложил об этом Бакланову.

— Проси! — сказал Бакланов. Живо засунул он руку в печь и сажей вымазал себе лицо.

Черкесы вошли, встали в избе и в страхе жались друг к другу. Яков Петрович сидел и дико водил глазами, выворачивая их. Потом он поднялся и медленно стал приближаться к гостям, щелкая зубами. Испуганные черкесы начали пятиться к дверям и, наконец, шархнулись из комнаты.

— Даджал! Даджал! — кричали они.

То, что Бакланов кидался в самую сечу боя и выходил целым и невредимым, то, что, будучи даже тяжело ранен, он оставался в строю, внушило и казакам и солдатам мысль, что он заколдованный, заговоренный, что его можно убить только серебряной пулей. И верили в него, и боялись, и обожали его казаки!

Скоро с молодцами-донцами, готовыми жизнь свою отдать за него, за славу Дона, Бакланов стал страшен всему Кавказу. Имя донского казака снова было так же грозно, как и в двенадцатом году, как во время азовских походов. С уважением говорили о донских казаках в армии, со страхом думали о них черкесы и татары.

Во всей кавказской армии, казачьих и солдатских полках знали тогда песню про Бакланова.

Честь прадедов-атаманов,
Богатырь, боец лихой,
Здравствуй, храбрый наш Бакланов,
Разудалый наш герой!

Славой, честно завидной
Ты сумел себя покрыть:
Про тебя, ей-ей, не стыдно
Песню громкую сложить!

Ты геройскими делами
Славу дедов и отцов
Воскресил опять меж нами.
Ты — казак из казаков!

Шашка, пика, верный конь,
Рой наездников любимый —
С ними ты, неотразимый,
Мчишься в воду и в огонь.

Древней славы Ермаковой
Над тобою блещет луч;
Ты, как сокол из-за туч,
Бьешь сноровкою Платовой.

Честь геройскую любя,
Мчишься в бой напропалую:
За Царя и Русь святую
Не жалелась сам себя.

Бают: вольный по горам,
По кустам, тернам колючим
Лезешь змеем здесь и там,
Серым волком в поле рыщешь,

Бродишь лешим по горам,
И себе ты славы ищешь,
И несешь ты смерть врагам;
Ходишь в шапке-невидимке.

В скороходах-сапогах,
И летишь на бурке-сивке,
Как колдун на облаках.
Свистнешь — лист с дерев валится.

Гаркнешь — вмиг перед тобой
Рать удалая родится —
Точно в сказочке какой!

Сыт железной просфорою,
Спишь на конском арчаке, —
И за то прослыл грозою
В Малой и Большой Чечне.

И за то тебе мы, воин,
Песню громкую споем:
Ты герой наш, ты достоин
Называться казаком!

5 декабря 1848 года в Куринском укреплении, где стояли Тенгинский пехотный и 20-й донской казачий полки, произошла тревога. Горцы напали на батальон Тенгинского

полка, занимавшийся в лесу рубкой дров. Дело вышло пустое, так как по первому выстрелу уже летели баклановские сотни, и перед ними живо умчались чеченцы. Началась погоня. Один казак, занесенный лошадей, был схвачен чеченцами, да двое свалились, простреленные пулями. Сам Бакланов был ранен. Он вдруг пошатнулся и выпустил поводья. Казаки хотели уже было подхватить его, но он схватил поводья в правую руку, крикнул: "Вперед" и помчался отдавать распоряжения. Пуля перебила ему ключицу левой руки. Кровь проступила через рукав желтой черкески и окрасила ее. Но Бакланов, преодолевая страшную боль, продолжал распоряжаться в бою. Только тогда, когда все было кончено и казаки сняли с убитых оружие, Бакланов прилег на бурку и казак платком перевязал ему руку. Верхом вернулся он в Куринское, и туда казаки привезли искусного горского врача.

Вечером казаки разговаривали между собою.

— Как же это могло случиться, — спрашивал молодой казак, — что сам заколдованный Бакланов получил такую сильную рану?

— Э, друг... Он не поладил с самим, — сказал старый казак, — вот он его и подвел.

— Ну, да это ему нисколько и не больно, — заметил сидевший тут же урядник, — потому что сила дана ему от Бога страшная!..

Замолчали казаки. Храбрость и выносливость Бакланова были так велики, что казакам не верилось, чтобы обыкновенный человек мог все это переносить.

Несмотря на жестокую боль, через четыре дня Бакланов уже стоял в строю и руководил войсками. Он в это время был назначен начальником подвижного резерва в Куринском укреплении.

В марте месяце 1849 года Бакланов стал часто пропадать из своей квартиры. Возьмет с собою двух-трех пластунов, сядет на коня еще до света и уедет с ними. Пропадает весь день, а вернется к ночи. Спрашивать, куда ездил Бакланов у пластунов, это был бы напрасный труд. Они были немые, как рыбы.

Как-то, незадолго до Пасхи, приходят вахмистры к Бакланову и докладывают ему, что людям нечем будет разговеться: все бараны поедены.

— Экие прорвы станичники! — сказал Бакланов. — Да ведь баранов-то этих было до тысячи. Неужли поели?

— Поели, ваше высокоблагородие.

— Ну, надо купить новых. Деньги есть.

— Купить, ваше высокоблагородие, так что невозможно. На линии не продают. Самим надо разговеться, а соседи

мичиковцы, зная наши волчьи повадки, так их запрятали, что и нашими цепкими руками их не добыть.

— Ну, надо добыть. Ступайте с Богом.

Вахмистры ушли, а Бакланов лег на лежанку. У него был такой обычай: как задумает набег, так и ляжет на печь, лежит и в это время каждую мелочь обдумает. Казаки это живо подметили.

Заходят на другой день, спрашивают у ординарца:

— Что полковник?

— Лежит.

— Ну, быть делу, — и по всем сотням стали готовиться к набегу.

И, действительно, после полудня Бакланов потребовал к себе сотенных командиров и отдал им приказание:

— Накормить лошадей, дать людям поужинать и затем к 8-ми часам вечера трем сотням быть в совершенной готовности на Герзель-аульской дороге.

Ровно в 8 часов Бакланов выехал к построенным на дороге сотням, снял папаху, перекрестился, и сотни тронулись в путь.

— Час добрый, — говорили им пехотинцы, вышедшие их провожать.

— Спасибо, — отвечали казаки, и сотня за сотней скрывались за воротами Куринского укрепления.

Спустились вниз, перешли через речку Яман-Су и вступили в горное ущелье. Ночь была темна, как могила; поднялся ветер и закрутил снежной метелью. Ничего не стало видно. Забросив пики за плечо, быстро подавались казаки в неизвестную даль. Бакланов ехал впереди отряда. Вдруг он остановился и заявил, что отряд идет не по той дороге. Проводник, человек испытанной честности, родившийся в этом краю, стал клясться и божиться, что он не ошибается.

— Не по той дороге ведешь, негодяй! — кричал на татарина Бакланов.

— По той дороге, полковник! Ты не знаешь, ты не можешь знать дороги, потому что ты не был здесь, а я был, — кричал и обиженный татарин.

— А где же сухое дерево, которое должно быть вправо от дороги? — вдруг спросил его Бакланов. — Я его вот уже час, как ищу; ты видел сам, сколько раз слезал я с лошади и ложился на землю.

Проводник так и присел в ужасе.

— Сухое дерево?.. Точно, должно было быть здесь сухое дерево.

Остановились, разослали пластунов искать сухое дерево и точно, нашли его вправо от покинутой дороги. А, между тем, Бакланов здесь никогда не был. И пошли между казаками

таинственные рассказы о том, что "значит, уж так ему от Бога дано знать дороги, где никогда не бывал..."

А, между тем, в свои тайные поездки Великим постом Бакланов разведал, рассмотрел и запомнил все тропинки и дорожки вокруг Куринского укрепления, и знал пути не хуже местных жителей.

Отыскавши сухое дерево, Бакланов повел казаков к хорошо знакомому ему хутору, куда на ночь загоняли чеченцы громадные отары овец и баранов.

Осторожно по ветру прокрались баклановские пластуны к овечьим загонам. И не успели их почуять злобные собаки, как грянул одиночный выстрел, упал часовой пастух, быстро прикончили и его товарищей, согнали овец и прямо через горы, по еле видимым тропинкам, вглядываясь в Большую Медведицу да Волосожарь, пошли за Баклановым домой.

— С ним не пропадешь, — говорили казаки, указывая на Бакланова, ехавшего впереди отряда.

В половине января 1850 года военные действия главного чеченского отряда были перенесены в Аргунь. Нужно было проложить широкую просеку через Большую Чечню. Бакланов в это время произвел набег к Мичику и на аул Ауху и на его хутора Сатый-Юрт, Марцык-Юрт и Мустажа-Отар.

В полночь 23 февраля Бакланов со своим полком пришел из Куринского укрепления в аул Хасав-Юрт, куда собралось пять батальонов пехоты и восемь орудий. Поджидали гребенских казаков, но они опоздали. Начальник отряда, полковник Майдель, боялся потерять время и решил идти на чеченцев без гребенцов. В авангард был послан Бакланов с донскими казаками. Ночь была темная. Отряд шел ощупью, между двумя реками, волны которых плескались о камни и заглушали шум шагов пехоты и топот конницы. Вскоре дорога спустилась в глубокий овраг, за которым было первое препятствие — длинный ров, нарочно выкопанный горцами. Здесь не было караула. Пехота живо повязала фашины и фашинами, хворостом и землєю забросала канаву. Но дальше было препятствие посерьезнее. Ауховские горцы считали его защитой всего своего аула. Это были, так называемые, Гойтемировские ворота. Дорога подходила к высокой горе, такой крутой, что подняться на нее можно было только по узенькой дорожке. Эта дорожка у самой вершины упиралась в ворота, сделанные из громадных бревен, скованных между собою толстыми железными цепями. По сторонам ворот тянулись канавы, обнесенные плетнями из колючего кустарника. Канавы эти уходили в дремучий, непроходимый лес. Гойтемировские ворота были заняты очень сильным караулом.

Светало. Казаки марш-маршем неслись на плетни. Испуганные часовые, сделав несколько выстрелов в воздух, бежали. Казаки перепрыгнули на лихих конях плетни и канавы и широкою лавой прикрыли рабочих, разбиравших в сумерках начинавшегося дня ворота.

Медлить было нельзя. Ближайшие аулы лежали всего в двух, трех верстах от Гойтемировских ворот. Казаки поскакали к ним. Часть пехотинцев, не желая отставать от казаков, бежала рядом с лошадьми, хватаясь за гривы, за хвост, за стремяна. Наконец, показались и аулы. Горцы встретили наш отряд частой стрельбой из-за плетней, а потом бежали. Аулы были пусты. Казаки нашли там только стариков. При первых выстрелах у Гойтемировских ворот чеченцы угнали свои стада и увели семейства далеко в горы, а сами, схватив оружие, ускакали, чтобы отрезать путь нашим войскам. Майдель с Баклановым зажгли аулы и начали отступать.

До Гойтемировских ворот отступление шло без потерь, но у Гойтемировских ворот собрались толпы конных черкесов, пешие засели по обеим сторонам узкой тропинки и приготовились принять наш отряд под перекрестный огонь. Яков Петрович хотел было насесть на кавалерию, но едва он скомандовал: "Стой", как чеченская конница повернула назад и исчезла в лесу. Тогда Бакланов, перевернув фронт налево в карьере, схватил в свои руки значок и кинулся с кручи прямо в лесистый овраг, внизу которого протекала речка Яман-Су. Не только горцы, но и наша пехота были ошеломлены видом казаков, скакавших полным ходом по таким местам, где только с трудом могли пробираться пешие. Ружейный огонь горцев сразу умолк. Они собирались в кучи, чтобы принять Бакланова в кинжалы и шашки. Но казаки, по знаку Бакланова, на полном скаку спешили и с пиками в руках, пешком, бросились на черкесов. Два батальона Кабардинского полка, бежавшие за казаками, оцепили оставленных казаками лошадей. Началась рукопашная свалка. А в это время человек 80 горцев залезли на высокий курган, стоявший сбоку, и начали обстреливать казаков. Никто не решился пойти и выбить их. Доложили об этом Бакланову. Он весь переменялся в лице. И обида за казаков, и гнев на них охватили его. Прискакав к кургану и жестоко отпорив казаков плетью, Бакланов крикнул: "Вперед!" и, выхватив шашку, повел на приступ. Через минуту курган был взят; мы потеряли шесть казаков убитыми, ранеными хорунжего Стоцкого и 25 казаков.

Горцы бежали, оставив 17 тел на месте. Это было славное дело, и Бакланов получил за него чин полковника.

В апреле 1850 года предстояла смена донским полкам, находившимся на Кавказе. Донской казачий 20-й полк должен был идти домой, а с ним вместе и его командир, грозный для горцев Боклю. Но Бакланов был так нужен на Кавказе, без него так осиротели бы полки кавказские, что князь Воронцов очень просил атамана и военного министра об оставлении Бакланова на линии и о назначении его командовать вновь прибывающим полком. Просьба эта была исполнена, и Бакланов получил в команду донской казачий 17-й полк. С ним осталось, по доброй воле, пять сотенных командиров: Березовский, Банников, Поляков, Захаров и Балабин и адъютант его Одноглазков. Осталось и несколько казаков.

Трогательно было прощание Бакланова с 20-м полком. Когда он выехал к полку — все эти железные богатыри, увешанные крестами, плакали от правого до левого фланга, как малые дети. Сжалось сердце у грозного "Даджала", он отвернулся в сторону, махнул рукой и, молча, выехал из ворот укрепления. За ним потянулись и его сотни. Он проводил их до Карасинского поста и там распростился со своими боевыми товарищами.

Пришедшие с Дона казаки спрашивали у старых, что за командир Бакланов.

— Командир такой, — говорили казаки, — что при нем и отца родного не надо. Если есть нужда — иди прямо к нему: позовет и добрым словом, и советом, и деньгами. Простота такая, что ничего не пожалеет, последнюю рубашку снимет и отдаст, а тебя в нужде твоей выручит. Но на службе, братцы мои, держите ухо востро: вы не бойтесь чеченцев, а бойтесь своего асмодея: шаг назад — в куски изрубит.

Бакланов сейчас же принялся и из нового полка готовить железных богатырей, героев-баклановцев.

В этом году мы проводили новую линию и прорубали в лесах широкие просеки для того, чтобы обезопасить себя от нечаянных нападений неприятеля. 8 августа, когда назначенные на рубку леса на реке Мичике части стали подходить к лесу, они были встречены ружейным огнем. Лес оказался занятым горцами. Послали за орудиями. Но орудия еще не прибыли, как 5-я рота Кабардинского полка, составлявшая правую цепь, спустилась в овраг и с криком "Ура" кинулась в лес. Загремели из леса меткие чеченские выстрелы и начали валиться люди. На поддержку пятой роте побежали две роты резерва. Начался жестокий рукопашный бой в лесной чаще. Уже девяносто солдат выбыло из строя убитыми и ранеными, чеченцы начали одолевать наших.

Бакланов в это время находился на левом фланге, где расставлял цепь. Вдруг на взмыленной, запыхавшейся лошади

подскакивает к нему офицер Кабардинского пехотного полка и докладывает:

— Полковник, спасайте кабардинцев! Нас рубят! Весь правый фланг в чрезвычайной опасности!

Расспрашивать было некогда. Дело требовало немедленной помощи. Бакланов схватил ракетную команду и карьером помчался на место боя. Быстро скатились в глубокий овраг казаки и начали устанавливать ракетные станки. Толпа чеченцев с поднятыми шашками подлетела на казаков. Молодые казаки смешались... Пошатлись они, и вся ракетная команда досталась бы чеченцам. Но выручил Бакланов.

Он спрыгнул с коня, выхватил их рук оторопевшего урядника ракету и сам положил ее на станок. Его пример ободрил людей. Казаки оправились. Раздалась команда: "Батарея, пли!" и восемнадцать огненных змей с шумом и треском влетели в ряды неприятеля. В эту же минуту прискакало 2 сотни 17-го полка, они побросали коней и пешком, с пиками наперевес, кинулись на чеченцев. Лес остался за нами и началась рубка его для прокладки новой линии.

В начале 1851 года в Куринское с прибывшим туда почтовым обозом Бакланову доставлена была неизвестно от кого и откуда посылка. Развернули ее, и в ней оказался черный значок, на котором вышита была адамова голова с двумя перекрещенными костями под нею и с вышитой кругом надписью: "Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь". Когда значок этот впервые появился перед полком, казаки были смущены его печальным видом, навесавшим мрачные думы о смерти. Но, когда казаки увидели, что этот черный значок наводит ужас на чеченцев — они полюбили его. Бакланов же с ним не расставался до конца жизни.

Одолеваемые со всех сторон нашими войсками, чеченцы решились на отчаянное предприятие. Они задумали напасть на Куринское укрепление. В день Успения Богородицы было особенно жарко и душно. Бакланов, пообедавши, лег отдохнуть в своем домике на горском ковре. Жара сморила его. Он совершенно разделся, снял даже рубашку и остался в одних чуваках. Вдруг раздался пушечный выстрел совсем близко, зазвенели окна в той комнатке, где спал Бакланов, и к нему влетел растерявшийся ординарец.

— Чеченцы в предместье, — крикнул он.

Выстрелы участились; шум, крики, скачка и суматоха на улице показывали, что дело не шуточное. Бакланов спросонья, как был без одежды, бросился к двери, вырвал из рук ординарца шашку, надел ее прямо на голое тело, накинул какую-то бурку и явился в таком виде перед казаками. Две

сотни, собравшись по тревоге, кинулись за ним. Едва казаки вышли из укрепления — они увидели человек до восьмисот конных чеченцев, спускавшихся с гор. Казаки замялись. Но Бакланов выхватил из рук своего ординарца пикку, крикнул: "Вперед!" и помчался в рукопашную свалку. Казаки не отстали от своего любимого начальника и горсть их врезалась в толпу неприятельской конницы. Работая пикой, Бакланов, как сказочный богатырь, валил вокруг себя толпы неприятеля. Горцы, дрогнувшие на первых порах, не могли поправиться и скоро бежали.

Казаки забрали пленных, и пленные были уверены, что страшный Бакланов, если и не настоящий даял, то уже, наверное, приходится сродни ему.

Вскоре горцам пришлось окончательно убедиться, что грозный "Боклю", действительно, настоящий дьявол. Как-то вечером, у Бакланова собралось большое общество. Много было офицеров русских полков, пили чай, играли в карты, разговаривали. Было уже за десять, когда к Бакланову прошел ординарец и доложил, что его желает видеть лазутчик.

— Который? — спросил Бакланов.

— Али-бей, — ответил ординарец.

— Проси сюда.

Тихо, неслышными шагами прошел преданный Бакланову горец и таинственным шепотом стал докладывать.

— Шамиль, грозный предводитель чеченцев, узнал, что просека на реке Мичике окончена русскими. Ему доложили, что чеченцы не могут тебя остановить, и вот он... я боюсь и говорить, господин полковник.

— Ну! — ободрил его Бакланов.

— Шамиль тогда позвал из гор стрелка, и стрелок на Коране * поклялся тебя убить. Стрелок приехал в наш аул. Много хвастал. Он говорит, что на пятьдесят шагов разбивает куриное яйцо, подброшенное кверху. Ну, только наши старики ему говорят, что они видали, как ты на полтораста шагов убиваешь муху. "Смотри, Джанем, — говорят ему наши старики, — если ты промахнешься — Боклю положит тебя на месте."

— Ну что же горец? — спросили Али-бея офицеры.

— Ничего, — отвечал чеченец, — побледнел немного, однако, скоро оправился. Я, говорит, только раз в жизни промах давал, да и то мне тогда всего семь лет было. Я, говорит, на Коране клялся. Он завтра на батарееке за рской Мичиком засядет и будет тебя ждать, — сказал Али-бей Бакланову. — Ты завтра не езд на курган, — добавил он.

* Коран — священная книга магометан.

— Ладно, — сказал Бакланов, щедро наградил чеченца и отпустил его.

На другой день, в обычное время, войска вышли из Куринского укрепления. Бакланов, переправившись через реку Мичик, остановил колонну несколько раньше, чем обыкновенно, и в сопровождении одного ординарца поехал к батарее, где его ожидал знаменитый стрелок Джанем. Поднимаясь на пригорок, Бакланов взял ружье из рук ординарца и, оставив казака, один выехал на батарею, остановил лошадь и стал вглядываться в кусты. И, вот, он увидел среди листвы черную шапку чеченца, и в ту же минуту сверкнул ствол ружья и грянул выстрел. Бог спас Бакланова. Джанем промахнулся второй раз в жизни; пуля только чуть задела край полушубка Бакланова. Чеченец поднялся до пояса и с ужасом увидел, что Бакланов, целый и невредимый, сидит на коне. Чеченец пригнулся за валом и стал вторично заряжать винтовку. Но руки у него тряслись и сам он суетился, и Бакланов понял, что второй выстрел не может быть верным. Тогда Бакланов вынул ногу из стремени, положил ее на шею лошади, оперся на нее рукой и приготовил свое ружье. Раздался выстрел. Чеченец опять промахнулся, и как только он немного высунулся, Бакланов спустил курок, и чеченец упал навзничь: пуля ему попала между бровей и прошла через голову.

И наши, и чеченцы внимательно следили за этим состязанием и, когда Бакланов медленно поехал к своим, наши войска приветствовали его громким "Ура!" а чеченцы, махая папахами, вскочили на завалы и кричали: "Якши Боклю! Браво Боклю! Молодец Боклю!"

И долго после этого в Чечне говорили: "Не хочешь ли убить Бакланова?" — и останавливали этим вопросом расхваставшихся стрелков.

30 декабря 1852 года Бакланов получил давно заслуженный им орден св. Георгия 4-й степени.

В 1855 году, уже в чине генерал-майора, Бакланов участвовал с казаками в разведке подступов к Карсу и в штурме Карса. 16 ноября этого года Карс был взят, и вскоре после этого Бакланов был назначен в Кутаиси. Тогдашний наместник Кавказа генерал Муравьев, призвавши Бакланова к себе, сказал ему:

— Я назначаю вас в Кутаиси... Когда вы можете отправиться?

— На Дону есть поговорка, — отвечал Бакланов, — голому собраться — только подпоясаться. Через два часа я могу быть в дороге.

— Этого не нужно. Но я прошу вас отправиться не позже завтрашнего утра.

Но Бакланову не пришлось быть в Кутаиси, он должен был уехать на Дон, а оттуда вскоре получил назначение в Польшу командовать собранными там для усмирения взбунтовавшихся поляков казачьими полками. Там генерал Бакланов управлял некоторое время Августовскою губернией. Но железное здоровье Бакланова пошатнулось. Хотя ему всего было 55 лет, но годы его жизни прожиты были во время постоянных походов и боевых тревог. Бакланов отпросился в отпуск на Дон. Но на Дону он заболел воспалением легких. Перемогаясь, он вернулся в Вильно и продолжал командовать до 1867 года донскими полками, расположенными в Польше. Зачисленный в этом году по войску Донскому, Бакланов остальное время жизни провел в Петербурге. 18 января 1873 года не стало казака-богатыря. Его похоронили в Петербурге в Новодевичьем монастыре и там его друзья поставили над могилой его памятник. На гранитной скале брошена кавказская бурка и на нее донская папаха. Под папахой лежит знаменитый баклановский черный значок — гроза Большой и Малой Чечни. Под значком венки с надписью: "Войска Донского Яков Петрович Бакланов. Родился 1809 г., умер 1873 г."; на подстановке памятника изображены названия всех тех местностей, где сражался Яков Петрович. Имя Бакланова носит теперь 17-й донской казачий полк.

Атака

Жизнь Якова Петровича Бакланова весьма поучительна для донских казаков. Сын простого казака, он любовью к военному делу, непрерывными упражнениями в езде, рубке и стрельбе, отвагою и усердной работой достиг высокого звания генерал-лейтенанта, прославил свое имя, но, что дороже всего, прославил имя донского казака, неуязвимой славою покрыл и наш тихий Дон.

В 1909 году, 15 марта, в день столетия со дня рождения Якова Петровича, и в Новочеркасске возле войскового собора, и в Петербурге на могиле Бакланова торжественно служили панихиды. Добрым словом, вечной памятью помянули донцы своего героя и постановили собирать деньги на постройку памятника Бакланову в Новочеркасске.

14. Донцы на Кавказе

1801—1864 гг.

о время тяжелой борьбы с кавказскими горцами много было совершено подвигов донскими казаками. Очень часто им приходилось в одиночку обороняться от многочисленного и злобного неприятеля. Подвиги, совершенные донскими казаками во время этой шестидесятилетней войны, так многочисленны, что нет возможности перечислить их все. Много казаков полегло в горах и долинах Кавказа и над их никому не известными могилами нет ни креста, ни памятника. Погибшие в одиночку, без свидетелей, донцы умирали в горах, окруженные воронами да хищными орлами. Там зародилась и эта печальная песня казачья:

Черный ворон, что ты вьешься
Над моею головой.
Ты добычи не дождешься:
Черный ворон! — я не твой!
Ты лети-ка, черный ворон,
К нам на славный Тихий Дон,
Отнеси-ка, черный ворон,
Отцу, матери поклон,
Отцу, матери поклон
И женеке молодой,
Ты скажи ей, черный ворон,
Что женился на другой,
На пулечке свинцовой.
Наша свашка — была шашка,
Штык булатный — был дружком,
А венчался я на поле
Под ракитовым кустом.

Кавказская война требовала особенного внимания солдат и казаков. Войска, служившие на Кавказе, отлично умели ходить по горам, находили места в долинах и всюду поспевали. Не так было с полками, приходившими из России. Не привыкшие к горам солдаты скоро уставали, они теряли направление пути в узких теснинах и не поспевали, куда нужно.

В июне месяце 1828 года, недалеко от местечка Горячие Воды, борясь против закубанских горцев, усиливших по случаю войны свои набеги, погиб геройской смертью донской полковник Михаил Степанович Родионов.

Закубанцы, чувствуя, что нашим не до них, что мы заняты войною с турками в Закавказье, сделались дерзки до сумасбродства. Они переправились через реку Кубань, овладели несколькими нашими постами, сожгли станицу Неудобную, забрали много пленных и добычи. Когда они пошли назад, наперерез им двинулся отряд в 1000 человек с 4-мя орудиями. Но пехота, не привыкшая к быстрым действиям, отпрянула. Горцы заметили это и бросились в шашки, отбили у нас одно орудие и перерубили пехотное прикрытие. Пехота и выстрелить не успела. Это увидел полковник Родионов. Храбрейший человек, исполинского роста — он был настоящий богатырь. Живо выставил он против горцев остальные пушки, а сам с горстью донских казаков кинулся в кровавую сечу. Бывшие тут линейцы и пехота не поддержали благородного подвига Родионова и он был окружен врагами. Отчаянно боролись казаки. Родионову шашкою отхватили ногу, потом пулей прострелили шею. Истекая кровью, он упал с лошади. Закубанцы налетели на него и шашками изрубили его.

Верные донцы отбили тело своего полковника. Подвиг Родионова и маленького его отряда заставил закубанцев отступить, и станица Горячие Воды была им спасена.

Казаки привезли его тело на Воды и там похоронили. Про геройскую смерть Родионова они сложили следующую песню:

Как на заре-то было на зорюшке,
На заре-то было на утренней,
На восходе было солнца красного,
На рассвете-то денечка прекрасного.
Не сизые ли орлы в поле солетались,
Мурзы горские в поле съезжались;
Как слезали мурзы с добрых коней,
Выходили мурзы на высок курган,
Расстилали они черны бурочки,
Поснимали они куньи шапочки,
Как садились мурзы во единый круг
Да и думали они думушку единую,
Если б взять-то нам, взять село новос, нерушимое;
Да во том-то селе уьем мы полковничка.
Как поранили они полковничка,
Как полковничка Михайлу Степановича,
Как приказывал он, Михайла Степанович:
"Ой, вы други мои, други-станичники!
Когда Бог вас лучит быть на Тихом Дону,
Вы скажите там моему сыну родному,
Да чтоб он служил царю верой-правдою."

Так в неравном бою гибли офицеры. Но часто, несмотря на большой перевес в силах закубанцев, победа оставалась за казаками.

А какие подвиги мужества, какую геройскую силу духа выказывали донцы в эту войну! Да вот...

19 июля 1847 года командир донского казачьего 35-го полка, подполковник Немченков, вызвал к себе казака своего полка Букановской станицы Степана Полунина и приказал ему отвезти бумаги с пограничного поста Калали на пост Тавшан Кишляхский. Отвез Полунина пакеты, сдал на пост. Надо дальше пакеты везти, а, на беду, на Кишляхском посту все люди были в лихорадке.

— Я отвезу, — заявил Полунина.

Забрал он сумку с бумагами, насыпал на полку кремневого ружья свежего пороха, подсыпал пороха и под кремь своего пистолета и стал седлать лошадь.

— Ты оставил бы это до завтра, — говорят ему казаки. — Дело не так спешно. А то, смотри, уже вечереет.

— Вот еще, — отвечал Полунина беззаботно, — дорога знакома, как собственный карман. Вы, смотрите же, на мой пост старшему дайте знать, что я поехал.

Сел на коня и тронул с постового двора. Проехавши недолго до патрульной тропы, увидел Полунина на той стороне реки Арначая человека на белой лошади.

"Что он тут делает?" — подумал Полунина, свернул свою лошадь вниз и спустился к балке, выходящей к реке. Недолго пришлось ему ждать. Скоро увидел он человек 20 чеченцев, перебиравшихся через реку. С ними ехал и человек на белой лошади. Полунина пропустил их мимо себя, а потом догнал партию и выстрелил с коня по человеку на белой лошади. Тот был ранен этим выстрелом. Он вскрикнул и поскакал к своим. Те остановились и дали три выстрела по Полунину, но промахнулись. Увидавши, что Полунина один, они бросились на него с обнаженными шашками. Полунина выстрелил из пистолета, но никого не ранил. Заряжать уже было поздно и Полунина, окруженный чеченцами, оборонялся пикою. Чеченцы разрубили на нем в трех местах фуражку, перерубили оба погона на шинели и в 17 местах надрубили древко пики. Полунина во время этой отчаянной схватки успел ударить одного из чеченцев в левый бок так сильно, что тот упал мертвым. Пять человек подхватили его и ускакали с ним за границу. Остальные пятнадцать еще яростнее набросились на Полунина. Но тут раздался топот конских ног; то казаки, услышавшие выстрел Полунина, скакали ему на поддержку. Чеченцы повернули назад и поскакали к реке. Полунина один за ними. На середине реки он свалил пикою еще одного и, не

желая гнать дальше, остановил лошадь, погрозил чеченцам плетью и поехал назад. Тут его встретили казаки Степан Калычев, Петр Краснов, Наталюткин и Ефим Калычев. За подвиг этот Полуниин был награжден Георгиевским крестом, произведен в урядники и получил 50 рублей награды. Изрубленная чеченцами пика его, по приказанию начальства, была отправлена в Букановскую станицу на хранение.

И не только старые, бывалые и опытные казаки, как Полуниин, умели смело и стойко справляться с чеченцами, но и молодежь не отставала от них, когда нужно было поддержать честь казачьего имени.

Донской 39-й казачий полк только что прибыл на Кавказ, как получил распоряжение проводить от крепости Грозной на линию курьера. В конвой был назначен хорунжий Погожев с 40 казаками. Отведя курьера на станцию Нефтянку и сдавши его другому конвою, Погожев пошел в обратный путь. Но, едва он отъехал две версты от Нефтянки, как 400 чеченцев, под командою своих старшин — наибов Талгика, Сабдуллы и Дубы, отрезали казакам путь отступления к Грозной и, выхватив шашки, понеслись на них. Погожев спешил казаков и поставил их в круг и встретил чеченцев залповым огнем. Чеченцы не выдержали этого натиска и отхлынули назад. Наиб Талгик окружил казаков и тоже открыл по ним огонь. Казаки отвечали им. Тогда чеченцы собрались и снова ударили на казаков, но, встреченные спокойными, выдержанными залпами, они отступили. Между тем, из Грозной спешили войска на поддержку. Чеченцы с новой силой атаковали Погожева, торопясь покончить с ним до подхода подкреплений. Но Погожев и урядник Назаров криками: "Не робей, братцы, наши близко!" одушевили казаков и они отбили и эту атаку... После этой атаки чеченцы бежали. Казаки во время получасовой обороны потеряли из 40 человек — 14 ранеными, 3 контужеными, 7 лошадей убитыми и 15 ранеными.

Покорение Кавказа приходило к концу. Повсюду были построены наши крепости и городки, на всех опасных местах стояли войска. От крепости к крепости ходили почтовые тройки, сопровождаемые казачьим конвоем. Так было и 5 января 1859 года, когда между станциями Ксинскою и Чальскою двигалась, под конвоем казаков 15-го донского казачьего полка, почта на двух тройках. Поднялась метель, да такая, что ничего не стало видно. Вдруг одна из повозок сломалась. Ее оставили в горах под присмотром казака Полякова. Уезжая, ямщики советовали Полякову уйти с поста.

— Вишь ты какая метель к нам завернула, — говорили они.

Но, верный долгу службы, казак отвечал:

— Начальство, посылая меня, приказало мне конвоировать почту и доставить ее до следующей станции. Я не нарушу присяги и ни за что не оставлю почту так, в степи. Если Бог судил мне здесь смерть, то я умру на этом месте, охраняя до последней минуты порученные мне казенные чемоданы.

И Поляков остался в степи один среди ночи и разыгравшейся вокруг выюги. Понутру его нашли замерзшим на его посту; замерзла и его строевая лошадь. Когда о таком бесстрашном и честнейшем исполнении долга Поляковым было доложено Государю, Государь Император Александр II приказал деду и матери казака Полякова выдать 100 рублей награды.

12 мая 1862 года с поста Хамкетинского, занятого 20-ю казаками 30-го донского казачьего полка, при одном уряднике, в обычный разъезд для осмотра местности было послано 10 казаков.

Пошли казаки: Петр Павлов, Дмитрий Фирсов и Иван Арефьев — Митякинской станицы; приказный Карней Стехин — Луганской станицы; казаки Степан Лаптев — Каменской, Никифор Черемисов — Бесергеновской, Николай Прохоров и Лев Изосимов — Багаевской, Алексей Иванов — Старочеркасской, Семен Изосимов — Луганской. На вышке около поста залегли часовые, пешие. Разъезд объехал глубокую и лесистую балку с обрывистыми берегами и только что начал спускаться в нее, как на него выскочили 150 человек чеченцев, отрезали дорогу к посту и совершенно окружили казаков. Казаки спешились, быстро привязали лошадей к дереву, залегли в кустах и открыли огонь по чеченцам. Чеченцы оставили 50 человек вести перестрелку, а сами бросились в числе ста человек на пост, где остался урядник Кондратьев с 10-ю казаками. Но казаки на посту метким огнем отбили нападение. Тогда чеченцы всеми силами бросились на лежавших казаков; казаки сопротивлялись отчаянно. Лаптев, Черемисов и Прохоров были убиты; Иванов, Изосимов и Коротышкин получили столь тяжелые раны, что вскоре умерли. Из десяти казаков остались только четыре, и те были ранены. Чеченцы предлагали им сдаться, но казаки выстрелами отвечали на их предложение. Более получаса длился этот бой, где 10 человек сражались против полтора ста, и чеченцы не могли одолеть их... Между тем, из станицы Губской неслась сотня на выстрелы, и израненные герои были спасены.

Такими подвигами мужества и храбрости донских казаков полна Кавказская война. Правду говорил Яков Петрович Бакланов, что учить казака храбрости не надо, и без ученья

каждый казак должен быть храбрым. Казаки были отчаянно храбры...

С окончанием Кавказской войны, в 1864 году, кончилась и служба донцов в Грузии. Прощаясь с донскими казачьими полками, тогдашний наместник на Кавказе, великий князь Михаил Николаевич, в приказе, отданном по кавказским войскам, так изволил выразиться о казаках: "Храбрые донцы в течение шестидесятилетней Кавказской войны постоянно делили с русскими войсками и труды, и славу военных подвигов, и многие из этих подвигов займут почетное место в истории".

Достаточно сказать, что только вторую половину Кавказской войны, с 1836 года по 1864 год, перебивало в Грузии 118 казачьих полков или около 100000 человек, из них убито и ранено 1763 человека и умерло от болезней более 16000 человек. За это же время для образования Сунженской и Лабинской линий было переселено с Дона около 10000 казачьих семейств; они вошли впоследствии в состав Терского казачьего войска и своими подвигами покрыли славою знамена терских полков. Об их герое, генерале Слепцове, и на Дону поется песня:

По дороге пыль клубится,
Слышны выстрелы порой,
То с набега удалого
Едут сунженцы домой.
Много славы и добычи,
Много пленных из оков!
Их вождем герой был смелый,
Генерал-майор Слепцов.

В память боевых заслуг донских казаков на Кавказе, войску Донскому пожаловано Георгиевское знамя с надписью: "За Кавказскую войну".

15. Казаки в Венгрии. Атаман Хомутов

1849 г.

Кавказская война была особенно трудна еще и потому, что во время нее России приходилось вести войны с турками в 1828—1829 гг. и в 1853—1856 гг., с персами в 1827—1829 гг.,— эти три войны большей частью прошли на Кавказе; два раза усмирять поляков: в 1831 и в 1863 гг. и вести войну с венграми в 1849 году. Во всех этих войнах участвовали донские полки. В Венгерский поход пошли казачьи полки NN 1, 2, 32, 41, 43, 45, 46 и 48-й и донская конно-артиллерийская 6-я батарея. В походе же к границам Венгрии ходили, кроме того, л.-гв. казачий Его Величества и лейб-Атаманский полки и две донские батареи. Поход этот продолжался не долго. Венгры, взбунтовавшиеся против своего австрийского императора, скоро положили оружие перед полками нашего Государя и война окончилась. Войску Донскому пожаловано было белое георгиевское знамя с надписью: "За подвиги войска Донского в походе на усмирении Венгрии и Трансильвании* в 1849 году". Казаки в эту войну показали себя молодцами. Они переплывали реки, бросались небольшими партиями на неприятельские батареи и отбирали у венгров орудия и всюду и везде были впереди. Особенно отличились: полк 1-й — Михайлова, который в деле под Сегезваром отбил у венгров 2 знамени и 8 пушек,— за дело это полку пожаловано синее георгиевское знамя,— и донская конно-артиллерийская 6-я батарея, получившая за многие передовые бои серебряные трубы.

Государь Наследник Цесаревич, посылая грамоту войску Донскому, написал письмо войсковому наказному атаману Михаилу Григорьевичу Хомутову. В этом письме Государь Наследник писал: "Эти знамя и грамота будут навсегда говорить потомству о чудной храбрости и молодечестве сынов

* Трансильванией называется часть Венгрии.

Дона в долинах закарпатских*, которым дивилась Европа и восхищалась земля Русская".

Полки вернулись из венгерской кампании и застали на Дону значительные перемены. Войсковой наказный атаман Максим Григорьевич Власов скончался в 1848 году от холеры в Усть-Медведицкой станице. Продолжать и развивать начатое им дело просвещения широко разросшегося Дона был призван генерал-лейтенант Михаил Григорьевич Хомутов, первый атаман не войскового сословия.

Атаман Хомутов хорошо знал быт и нужды донских казаков; с 1839 года, почти 10 лет, он состоял вторым лицом в войске после атамана: был начальником штаба войска Донского. Широко образованный и умный человек, он сильно двинул вперед все в войске. Много потрудился Хомутов для украшения и благоустройства Новочеркасска. Донцы обожали его. После атамана Платова вряд ли другой атаман пользовался такою любовью казаков, как Хомутов.

Рано утром его уже можно было видеть гуляющим по новочеркасским базарам. Там он выберит торговца за грязь перед лавкой, там разговорится со старухой-казачкой, расспросит старика с крестами за Отечественную войну. При нем начали насаждать Александровский сад, устроили в Новочеркасске первые оранжереи для разведения редких цветов, провели водопровод; при нем же был устроен Дворянский клуб и мостовые покрыли улицы Новочеркасска. Он наблюдал за выработкой каменного угля в Грушевском посаде, и при его содействии была построена на Дону первая железная дорога — Грушевско-Аксацкий путь.

Строившийся собор два раза рушился, в 1846 и 1863 годах. Первый раз перепилили железные подпоры главного купола, второй раз рано начали снимать леса из-под сводов, и они развалились.

В 1850 году, 31 октября, в город Новочеркасск изволил прибыть Государь Наследник Цесаревич Александр Николаевич. На другой день после приезда Государя Наследника был войсковой круг. На круг этот изволил пожаловать Наследник и с атаманской насекой и перначем в руках обратился к казакам со следующими милостивыми словами:

— Тринадцать лет, как Государь Император ввел Меня в ваш войсковой круг и вручил этот знак атаманского достоинства. С тех пор Я видел, что войско Донское, издревле славное храбростью и верностью, продолжало заслуживать

* Венгрия лежит за Карпатскими горами. Казаки в своем походе переходили эти горы.

благоволение Государя. В последнюю, венгерскую войну, донские казаки служили молодцами и приобрели новые знаки Монаршей милости. Среди этих доспехов, облитых вашей кровью, по воле Государя Императора объявляю вам искреннее благоволение Его Величества за вашу верность и храбрость. С моей же стороны скажу вам, что Я горжусь вами, горжусь быть вашим Атаманом!..

Громко и радостно ответили дружным "Ура" казаки на эти высокомилолюбивые слова своего атамана. Окружившие Государя Наследника генералы, офицеры и старые казаки, станичные выборные целовали руки и одежду молодого атамана, а потом подняли его на руках. По окончании круга Государю Наследнику были представлены раненные в последнюю войну казаки и Наследник долго беседовал с ними. Затем Наследник прошел на обед, устроенный Торговым обществом Новочеркасска станичным выборным и всем георгиевским кавалерам. Вечером генералы и штаб-офицеры обедали у Наследника, а потом Государь Наследник посетил бал, устроенный донским дворянством. 2-го ноября была совершена закладка нового собора.

Хомутов, много видевший нужды в войске, исхлопотал о созыве Комитета для пересмотра Положения о войске Донском, изданного атаманом Власовым и нуждавшегося в больших исправлениях. В войске атамана Хомутова любили, одна из станиц носит его имя — Хомутовская станица — и в Новочеркасске есть улица, называемая Хомутовским проспектом.

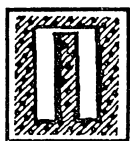
Атаману Хомутову пришлось выполнить очень тяжелую работу: собрать почти поголовно все войско Донское на войну, которую Россия вела с Турцией и бывшими с нею в союзе Англией, Францией и Сардинией. Война началась в 1853 году. Во время нее мужественной обороной прославился Севастополь, отчего и война эта известна больше под именем Севастопольской кампании.

16. Война с турками на Кавказе. Баяндур, Баш-Кадык-Лар, р. Чолок, Чингильский перевал, Кюрюк-Дара

1853—1855 гг.

Палестина, где провел земную жизнь Спаситель, где Он учил и где Он для спасения мира принял крестную смерть, находится на земле, принадлежащей туркам. В Иерусалиме есть храмы, построенные христианскими государствами на месте Рождества Христова, на месте Голгофы, есть дома для странников, совершающих паломничества, чтобы поклониться гробу Господню. Тысячи верующих православных людей ежегодно путешествуют туда, чтобы помолиться на христианских святынях. И вот, по приказу турецкого султана, обиженного на императора Николая I за тот разгром, который сделали наши войска в Турции в 1828 году, турки начали притеснять и обижать православных христиан. Православные обратились к императору Николаю Павловичу, прося защиты. Между тем, Англия опасалась наших успехов на Кавказе и в Сибири, где русское государство подходило к Восточному океану, Франция, в которой только что вступил новый император Наполеон III, была обижена на нашего государя, — и вот, англичане и французы начали советовать турецкому султану объявить России войну и обещали ему помощь.

В 1853 году началась война между русскими и турками сразу и на Дунае и в Закавказье.

Снова потянулись полки казахи: одни на восток к Кубани, другие на запад, за Днепр, на Дунай, третьи шли на юг к Азовскому морю.

Еще не был объявлен манифест о войне, как уже донцы прославили себя ратными делами. Это были донские артиллеристы донской конной батареи, бывшие под начальством лихого офицера, есаула Кульгачева, отличившиеся в целом ряде дел.

Только слухи носились еще о том, что будет война, когда в 14-ти верстах от нашей кавказской границы, на высотах

между Суботанью и Огузлами, забелели палатки 40-тысячного турецкого отряда Абди-паши. Турецкая конница подошла к нашей крепости Александрополю и, рассеявшись по долине реки Арпачая, начала грабить подвластные нам армянские селения.

Чтобы положить конец неистовствам башибузуков, начальник Александропольского отряда решил занять селение Баяндур, около которого постоянно рыскали турки.

2 ноября из крепости Александрополь выступил отряд под начальством князя Орбелиани. В отряде этом было 7 батальонов пехоты, два дивизиона Нижегородского драгунского полка, две пешие и одна донская конная батареи. Война еще не была объявлена и отряд шел почти без всякой разведки.

А между тем, в это самое время, уже весь 40-тысячный турецкий корпус перешел нашу границу и стоял в тех самых Баяндурах, куда мы направлялись. И вот, как только наши войска стали подходить к селению, по ним грянул залп сорокаорудийной турецкой батареи и со свистом и скрежетом начали проноситься над нашими войсками турецкие снаряды. Наши войска остановились в полном недоумении. Под целой тучей артиллерийских снарядов, крестивших воздух по всем направлениям, рядами падали солдаты. Что было делать? Атаковать с нашими малыми силами сорокатысячную турецкую армию было невозможно. Отступить в первом бою для кавказских войск было бы постыдно. И вот, решили ждать турецкой атаки и остановились. 16 наших орудий стали на позицию и начали отвечать туркам.

— Умирать, братцы, все равно, что от ядра, что от пули, — говорили солдаты. Они ободрились, а в батальоне Куринского полка даже вызвали песенников.

А снаряды падают все гуще и гуще. Турки участили убийственный огонь до последней крайности. Гибнут наши, но гибнут молча, не сдавая ни шага назад.

Наступили сумерки. Турки не посмели спуститься с гор на наши войска, и только пестрые толпы их конницы, обскакав наш правый фланг, вдруг понеслись к обозу. Там было татарское ополчение князя Мамуки и сотня донцов. Татары с дикими воплями обратились в бегство, и напор нескольких тысяч башибузуков приняла одна донская сотня. Начался страшный рукопашный бой. Донцы гибли под ударами турецких пик и ятаганов. Но в самое тяжелое время в обоз влетели донские пушки. Храбрый есаул Кульгачев вскочил со своими орудиями в самую сечу — и завизжала картечь. За пушками Кульгачева на выручку донским казакам приска-

кали пикинерные эскадроны Нижегородского драгунского полка и прогнали турок.

Наступила ночь. И вдруг, в темноте, сзади русских раздался бой барабанов. Это князь Бебутов вел свои последние силы — три батальона, шесть эскадронов и девять сотен казаков с батареей.

Турки испугались этого ничтожного подкрепления и, ночью, в полном порядке отошли за реку Арпачай. Селение Баяндур было занято нами.

Недешево далась нам победа. Около восьмисот человек потерял наш отряд, но показали наши туркам, что они не знают, что такое отступление.

Так началась, без объявления, Восточная война. 2 ноября было дело под Баяндуром, а 6 ноября был объявлен манифест о начале военных действий.

14 ноября 8 с половиной тысяч наших войск под командой князя Бебутова перешли через пограничную реку Арпачай и стали на ночлег у деревни Перевали.

Была неприятная осенняя погода. Дул резкий ветер и хлопьями падал мокрый снег; холодно, сыро и неприятно было войскам. По слухам, турки уже уходили к крепости Карс на зимние квартиры. 17 ноября во время фуражировки нижегородские драгуны открыли, что вся турецкая сорокатысячная армия стоит лагерем на высотах Баш-Кадык-Лара. Князь Бебутов решил напасть на нее.

19 ноября начался жестокий, неравный бой. С отчаянным мужеством, с необыкновенным упорством наступала наша пехота на турок. Наши солдаты под жестоким огнем захватывают турецкие позиции, сламывают турок, берут их батареи... Но турок тьма. И вот, на два наших батальона Эриванского полка обрушиваются восемнадцать турецких батальонов. В тяжелой, вдруг наступившей тишине, казалось, должны были до последнего погибнуть эриванцы. И вдруг, в это время в тылу у турок забухали пушки и загрело русское "Ура!.."

Все переменилось... Победа осталась за нами.

В тылу у турок гремели донские пушки Кульгачева. Он вместе с 3-м и 4-м дивизионами Нижегородского полка проскочил на левый фланг и здесь заметил, что деревня Гамза-Киряк не занята турками. Лихой донской офицер быстро сообразил, что отсюда он может громить турок во фланг, и, вылетев со своей батареей сюда, открыл огонь по туркам, отделенным от него глубоким и крутым каменистым оврагом. Первым же выстрелом донцы взорвали неприятель-

ский зарядный ящик. Турки сейчас же перенесли огонь своих батарей в эту сторону и от турецких ядер начали гибнуть нижегородцы.

Тогда нижегородцы решились на отчаянный подвиг. Под страшным огнем они спустились в овраг и пошли по дну его во взводной колонне. Оврагом они зашли в тыл неприятеля. С ними вместе, без дорог, через крутой, усеянный громадными камнями овраг переправилась батарея Кульгачева и, вылетев на двадцать пять шагов к турецкой пехоте, готовившейся атаковать эриванцев, дала по ней залп картечью.

Вслед за этим в ряды турецкой пехоты врубилась нижегородские драгуны и с налета захватили турецкую батарею...

В это самое время в донской батарее под орудием была убита лошадь. Упряжь перепуталась и орудие стало. Турки кинулись толпою на него, перебили прислугу и схватились за пушку. Но это увидел командир Нижегородского полка князь Чавчавадзе.

— Драгуны,— крикнул он своим ординарцам,— неужели мы отдадим пушку!..

И четыре ординарца-драгуна кинулись с такой решимостью на турок, что турки бросили нашу пушку.

Бой подходил к концу. Турецкая армия бежала, оставив в наших руках 30 орудий, 18 знамен, 2 лагеря и 12 тысяч пленных. Шесть тысяч турок было убито. наших было всего 9 тысяч, и мы потеряли 57 офицеров и 1200 нижних чинов.

Так, славными делами у Баяндур и Баш-Кадык-Лара началась Турецкая война. Оба боя были победные. В обоих мы дрались против врага, превосходившего нас в четыре раза, и в обоих геройски вели себя лихие наши донцы — батарейцы Кульгачева.

Наступила зима и на время прекратились военные действия.

Лишь весной 1854 года на Кавказе снова начались дела. К этому времени войска кавказской армии были расположены: у Александрополя — 17000, у Ахалцыха — около 10000 и в окрестностях Эривани до 6000. Турки стояли под стенами Карса и небольшие отряды их были в Батуми, Озургетах и Баязете.

4 июня князь Андронников быстрым движением на р. Чолок напал на турок и разбил их совершенно. В этом деле особенно отличились 4 сотни 11-го Харитонова донского казачьего полка. В этот знаменательный для 11-го донского казачьего полка день, полк двигался в резерве отряда, направляясь за Чолок. Начавшаяся впереди у пехоты перестрелка

становилась все оживленнее и бойчее, и вдруг загремели против нас по всей линии турецкого расположения громовые раскаты турецких орудий. Командир полка полковник Харитонов послал своего адъютанта, хорунжего Бабкина, за приказаниями, но не успел Бабкин доскакать до начальника отряда, как встреченный им ординарец генерал-лейтенанта князя Андронникова передал ему приказание: "11-му полку скакать во весь карьер к неприятельскому лагерю".

Сейчас же 2-я сотня полка под начальством войскового старшины Казимилова помчалась к правой колонне нашего отряда, 1, 5 и 6-я сотни вместе с полковником Харитоновым понесли к левой колонне, на неприятельские батареи. Живо развернули лаву донские сотни, склонили пики и с громовым "Ура!" понесли на батареи. Турецкие артиллеристы не вынесли атаки казаков, и, побросав орудия, убежали за вал. Сейчас же за казаками вбежали на батарею батальоны Куринского и Литовского полков. Едва сдавши им орудия, полковник Харитонов увидел громадные толпы отчаянных турецких наездников — башибузуков, с поднятыми шашками в конном строю несшихся на нашу пехоту. Сотни 11-го полка сейчас же бросились им навстречу. Но тут командир полка полковник Харитонов был убит картечью с верхних батарей. Несколько турецких джигитов бросились, желая схватить его, но хорунжий Бабкин с двумя вестовыми командира полка и своим раненым вестовым под картечным и ружейным огнем вынесли тело своего командира. Принявший командование полком подполковник Евсигнеев повел сотни вперед. Казаки пиками поразили неприятеля и погнали его далеко за батареи. Каждый раз, как турки пытались остановиться, казаки так принимали их пиками, что они сейчас же поворачивались кругом и обращались в полное бегство. Преследуя конницу, донцы налетели на пехоту, взяли и ее в пики и отняли турецкое батальонное знамя. Под ударами донцов, грузинской конной дружины охотников и 5 сотен имеретинской конницы неприятель бежал. Вся дорога от Чолока до Легвы была покрыта телами убитых неприятелей. В этом славном деле мы взяли 13 орудий, весь чолокский лагерь, 36 знамен и значков и множество оружия. За содействие столь блестящей победе донской казачий 11-й полк награжден георгиевским знаменем синего цвета с надписью: "За отличие в сражении против турок 4 июня 1854 года, за рекой Чолоком..."

Если смотреть от Эривани на юг, к турецкой стороне, то мы увидим широкую и ровную долину, по которой красивой змеей

вьется река Аракс. Совершенно, как наша задонская степь у Черкаска, ровна и красива эта долина. Но наша степь уходит далеко-далеко и мягко и осторожно сливается с туманным небом, а там на горизонте высятся суровые горы и над ними двумя крутыми вершинами, точно две громадные кучи мела, торчат покрытые вечным снегом горы — Большой и Малый Арарат. По библейскому преданию, на горе Большой Арарат остановился Ноев ковчег. Чуть правее, если смотреть от Эривани, в самой долине, окруженный высокими и стройными тополями, среди яблочных, персиковых и виноградных садов лежит небольшой городок Игдыр, а от него вьется за горы дорога на Чингильский перевал, находящийся у самого начала вечных снегов Большого Арарата.

К этому Чингильскому перевалу 17 июля 1854 года быстро шел Эриванский отряд генерал-лейтенанта барона Врангеля. В составе этого отряда было семь сотен 4-го и 23-го донских казачьих полков. Турки сильно укрепились на Чингильском хребте. Их там было до 15000, в нашем же отряде было немного более 5 тысяч человек. От самого Игдыря широкою лавою раскинулись 2 сотни 23-го полка под командой есаула Степюкина, сотня куртинцев и восемь сотен 23-го полка и милиционеров под командой полковника Хрещатицкого, командира 23-го полка. Они и начали бой и открыли первыми неприятеля, засевавшего за черными камнями и острыми хребтами скал. Как только получилось донесение от казаков, пехота начала разворачивать боевые цепи, а казаки под огнем неприятеля проскакали за пехоту, стали сначала во второй линии, а потом, когда наша пехота готовилась идти в атаку, казаки налетели на турок с левого фланга, перекололи пиками прислугу у орудий и вместе с пехотой взяли их. Испуганные этим турки начали отступать, спускаясь по пологому спуску к стороне Баязета. Тут налетел на них полковник Хрещатицкий и гнал и колол их 6 верст, гнал бы и более, да лошади стали от жары, после длинного перехода. Когда Хрещатицкий вернулся к отряду, войска, разбившие втрое сильнейшего неприятеля, стали биваком, на самом перевале, на месте турецкой позиции. 4 орудия, 18 знамен, 3 значка и весь лагерь с запасами и орудиями достался нам. Донскому казачьему 23-ему Хрещатицкого полку за это дело пожаловано знамя сине-голубого цвета с надписью: "За отличие в сражении против турок 17 июля 1854 года на Чингильских высотах". Усердием 2-го пластунского батальона Кубанского казачьего войска, расположенного в г. Игдыре, в 1902 году на Чингильском перевале поставлен скромный памятник в

ознаменование громкого подвига отряда генерала Врангеля, в котором отличились и наши донские казаки.

24 июня отряд генерала князя Бебутова, стоявший под Александрополем, перешел через реку Карс-чай и, минуя Баш-Кадык-Ларское поле сражения, где с такою честью дрались войска отряда в прошлом году, обогнул Караял и расположился лагерем между деревнями Кюрюк-Дара и Полдырван. В отряде кн. Бебутова было около 18000 человек, в том числе донские казачьи 4-й и 20-й полки и донские 6-я и 7-я батареи.

В 12-ти верстах от нашего лагеря стояла 60-тысячная турецкая армия. И так, друг против друга, простояли и мы, и турки, ничего не делая, целый месяц.

22 июля гром пушек, доносившийся со стороны Арарата, а затем и гонцы принесли известие в наш лагерь о победе отряда генерала Врангеля на Чингильском перевале. 23 июля, вечером, армяне, жившие недалеко от турецкого лагеря, прибежали к нам и говорили:

— Турецкие обозы идут из лагеря к Карсу. В палатках у турок все уложено, конница поседлала лошадей, у пушек лошади в хомутах, пехотным солдатам раздали ром.

Князь Бебутов, выслушав армян, решил, что турки отступают, и приказал их преследовать.

Всю ночь укладывались в нашем лагере и незадолго до рассвета выступили и пошли к Карсу. Не прошли и трех верст, как на востоке заиграла заря и в бледном свете утра вдаль показались движущиеся черные точки. Быстро вошло солнце, и мы увидели перед собою всю шестидесятитысячную турецкую армию, в полном порядке наступавшую на нас. Ни мы, ни турки не ожидали этой встречи.

Пришлось принимать страшный бой не на нашей отличной позиции у Караяла, а на том месте, где столкнулись с неприятелем. Пришлось повернуть перед неприятелем и пытаться снова стать на Караяле и устраивать позицию для боя спиною к врагу. Чудные кавказские солдаты не растерялись. Казалось, каждый понимал, как важно теперь спокойствие. Три сотни линейных казаков понеслись во весь опор к Караялу, чтобы занять его до турок. За ними пошла пехота. Прикрывать ее должны были Нижегородский и Тверской драгунские полки, донская 7-я казачья батарея полковника Долотина, в которой находился и храбрый офицер Кульгачев, и три сотни донцов с ракетной командой.

Но было уже поздно. Караял был занят турками. Почти окруженные турками должны были драться наши полки, и вот

начался у деревни Кюрюк-Дара бой, подобный тем боям, которые вел Суворов.

Первыми кинулись во всеокрушающую атаку тверские драгуны и захватили турецкую батарею.

Но в это время турецкая пехота, вооруженная отличными нарезными ружьями, кинулась на Белевский и Тульский пехотные полки, только что прибывшие из России, и опрокинула их.

На выручку пехоте понеслись эскадроны Нижегородского драгунского полка. Но пехота турецкая встретила их страшным огнем. Падали офицеры и солдаты, драгуны не могли одолеть пехоты. И вот, в эту кашу людей и лошадей, где падали и умирали одни и на место их вставали и рубились другие, помчался есаул Кульгачев с четырьмя донскими орудиями. Не успел он сняться с передков, как на него наскочил дивизион нижегородцев под начальством князя Чавчавадзе и перепутался с орудиями. В эту тяжелую минуту страшного боя лошади падали, запутавшись в построениях, и люди не могли высвободить их и продвинуть вперед пушки.

Турки усилили огонь по донским батареям. Под Кульгачевым была убита лошадь, другой офицер, есаул Ренсков, ранен пулей в голову. Попадали от этого страшного огня и казаки-артиллеристы. Со страшными усилиями донцы оттащили два орудия, но два других остались, и на них набросились турки.

Громко заговорила в сердце нижегородцев старинная слава полка, честь которого была связана с охраной орудий, которые он прикрывал. Драгуны кинулись на пушки, покрытые телами убитых донцов, опрокинули турок, но и сами должны были отойти, и пушки остались между нами и турками, не увезенные.

Турецкая пехота со всех сторон окружала драгун и поражала их пулями.

И в то время, как падали герои-драгуны и валялись их лошади, какой-то турецкий офицер подбежал к пушкам и схватился за них.

— Господа! — закричал князь Чавчавадзе драгунам. — Выручайте пушки!..

И драгуны нестройной толпой кинулись снова на пушки. Много полегло тут храбрых нижегородцев, но они отбили донские пушки.

В 8 часов утра на всем правом фланге турки уже отступали. Честь победы над турками принадлежала драгунам и донским артиллеристам есаула Кульгачева, второй раз показавшего,

как умеет, жертвуя собой, действовать донская конная артиллерия.

Но в середине турки еще стояли такой стеной, что, казалось, нет силы и средств пробить ее. И вдруг вся их масса с диким ревом и криками бросилась на наши полки. Завязался новый, уже пехотный бой.

Полковник Долотин с № 7 донской батареей осыпал ядрами турецкие колонны. Сотни № 20 донского казачьего полка вместе с сотнями иррегулярной конницы*, бывшей под начальством полковника Скобелева, атаковали турецкую конную артиллерию и отняли три орудия. Турецкие уланы бросились на выручку, но были истреблены донцами, драгунами и линейцами. Турки отступали, и лишь один турецкий пехотный полк не желал сдаваться и не отступал. На него налетела 6-я донская батарея и казаки № 4 полка, Рязжский пехотный полк и пикинеры. После упорного сопротивления погиб и он до последнего человека. Поднявшееся высоко полуденное солнце пекло невыносимо. Пехота остановилась на месте сражения. После бессонной ночи, тяжелого боя с рассвета до полудня солдат разморило и они засыпали подле убитых своих товарищей.

Казаки, драгуны и дружинники преследовали рассеявшихся в горах турок и уничтожали их. Но они скоро остановились. Утомление брало свое. Люди еле держались на лошадях. Отдых был необходим. В разных местах трубили сбор, и на усталых, шатающихся от утомления лошадях съезжались к полковым знаменам казаки.

Кюрюк-Даринская победа еще раз показала всему миру, что сильные духом, храбрые и строго дисциплинированные кавказские войска могут творить чудеса и делать невозможное... Турки не отваживались более нападать на нас.

В следующем году, в ноябре месяце, наши войска обложили Карс. Под Карсом работали баклановские полки. Казаки-пластуны Бакланова разведывали силы укреплений Карса, казаки же оберегали нашу армию от всякой нечаянности. Штурм Карса нам не удался. Мы потеряли около 8000 человек, но крепости не взяли. Однако, штурм так встревожил турок, что спустя три недели после него, 18 ноября 1855 года, Карс сдался.

Решительный успех, полная победа одержаны были нашими войсками на Кавказе. Но мир, заключенный нами в

* *Иррегулярная конница состояла из преданных нам кавказских горцев, осетин, грузин и гурийцев.*

начале 1856 года, был невыгоден для нас. И виною тому были наши неудачи в Крыму, где нашим войскам, вооруженным старыми кремневыми недальнобойными ружьями, пришлось бороться против англичан и французов, вооруженных пистонными, более скорострельными, нарезными, дальнобойными ружьями, где наши парусные корабли должны были воевать с паровыми судами союзников турок. Тяжело пришлось там нашему войску, особенно в Севастополе, и часть, и не малую, этой тяготы приняли на себя донские казаки.

17. Оборона казаками Азовского моря

1855 г.

Наши корабли на Черном море в Синопской бухте захватили турецкие корабли и все их, 18 ноября 1853 года, уничтожили. Тогда за Турцию вступились ее союзники англичане и французы, а впоследствии и сардинцы (итальянцы), и отправили свои пароходы и свои войска во все моря, принадлежащие России. Русскому Государю нужно было наблюдать и оберегать и Балтийское море с Финским заливом, и Черное с Азовским моря, и берега далекого Восточного океана, и Белое море. Всюду появлялся неприятель. Для охраны берегов понадобилось множество конных полков, и вот, по призыву императора Николая Павловича —

Всколыхнулся, взволновался
Православный тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв Монарха он.
Он детей своих сзывает
На кровавый бранный пир,
К туркам в гости снаряжает,
Чтоб добыть России мир.
С Богом, дети, ведь широкий
Переплыть вам лишь Дунай,
А за ним уж недалеко
Цареград и наших знай.
Сорок лет тому в Париже
Нас прославили отцы,
Цареград — еще к нам ближе...
В путь же, с Богом, молодцы!
Стойте крепко за святую
Церковь — общую нам мать —
Бог вам даст луну чужую
С храмов Божиих сорвать,
На местах, где чтут пророка,
Скласть Христовы алтари,
И тогда к звезде востока
Придут с запада цари!
Над землею всей прольется

Мира кроткого заря,
И до неба вознесется
Слава Русского Царя!

Всколыхнулось, взволновалось Донское войско; опять, как в 1812 году, поголовно, без очереди шли все. И кончающие свой срок службы казаки с седыми усами становились рядом с безусыми мальчишками. 87 полков и 14 конно-артиллерийских батарей, а всего 82000 человек выставили донцы в это тяжелое для России время. На далеком севере Финляндии — заставами и постами по берегам Ботнического и Финского заливов, стали донцы. Между скал и сосновых лесов, у холодных берегов раскинули свою наблюдательную сеть постов лейб-казаки атаманы и с ними л.-гв. 6-я Донская батарея. По берегу Черного моря, вокруг Азовского моря стали полевые полки. Началась тяжелая, изо дня в день, из ночи в ночь, без сна и отдыха, бессменная казачья служба.

Пошли полки и на Дунай, пошли и на подкрепление частей, действовавших в Грузии, наполнили Польшу, потому что и там было беспокойно. Оставивши свои дома, покинувши родные степи, бросивши все свое, ушли казаки на кровавый бранный пир!

Неприятель заглядывал в самые глухие части нашего побережья, и его можно было ожидать везде. От устья Дона и до Азова растянулись постами полки 62-й подполковника Зарубина 2-го и 66-й подполковника Кострюкова, в Таганроге стал 68-й полк подполковника Краснянского, и вся эта линия была под начальством донского генерала Краснова. Недолго простоял здесь 62-й полк — его отозвали на Дунай, и для защиты Азовского моря осталось всего два полка. В Таганроге поставили 2 сотни полка Краснянского, а по всей линии до самого Ростова устроили сторожевые посты и поставили сигнальные вышки. В Ростове был 59-й полк и небольшой отряд под командой генерал-майора Карпова. Так, одним казакам было передано дело защиты родного им Азовского моря. Но все было тихо. В Таганроге жители жили как и раньше, и полевые работы нигде не прекращались.

14 мая 1855 года пришло известие, что неприятельские пароходы ворвались в город Керчь, разрушили его и вошли в Азовское море. Таганрог решил обороняться и не пускать к себе непрошенных гостей. В нем было 300 человек гарнизонного полубатальона, 20 жандармов, 2 сотни полка Краснянского, да еще 2 сотни можно было снять с постов — вот и все, что мог иметь Таганрог против неизвестных сил неприятеля. Из Таганрога отправили институт, вывезли присутственные места, а из жителей составили небольшую команду охотников... Наконец, 19 мая, в Таганрог пришел из Новочеркасска

учебный полк. С приходом этих превосходно обученных молодцов жители весьма ободрились. Казаки же с нетерпением ждали неприятеля, и не только ждали, но желали его; им хотелось оборонить священный для них город, в котором скончался их обожаемый государь император Александр I Павлович, и доказать свое усердие к царской службе.

22 мая неприятель, наконец, начал подходить к Таганрогу. Впереди шло восемнадцать пароходов, за ними в морской дали можно было рассмотреть еще 50 судов и плавучих батарей. Суда обложили Таганрог дугою и от них отделилась шлюпка с белым флагом. Неприятель послал переговорщиков. Переговорщики объявили, что адмирал, командующий кораблями, требует, чтобы наши войска удалились из города, так как он войдет в Таганрог и истребит все казенные здания и склады. Жителям не будет сделано ни малейшего вреда. Ответа он ожидает полтора часа.

В это время благовестили к обедне, и генерал Краснов и губернатор Толстой находились в Таганрогском соборе. Отслужили молебен, Краснов приказал передать врагу, что военная честь запрещает войскам оставить город, вверенный их охранению, что войска наши готовы умереть за своего Государя и предлагают выйти на берег и оружием решить, кому сегодня владеть Таганрогом.

Как только лодка с переговорщиками дошла до судов, все суда окутались дымом, и в город полетели ядра и гранаты. Началась непрерывная бомбардировка города. Под прикрытием ее неприятель на пятидесяти лодках отправил свои войска для высадки. Лодки шли, направляясь к бирже. Не дойдя до берега на несколько сажений, лодки выстроились и открыли огонь по войскам, бывшим у биржи, из маленьких пушек и ружей, но войска были заведены в улицы и поставлены за зданиями в полной готовности стать на место, как только неприятель подойдет на такое расстояние, чтобы наше ружье могло достать до него. С кораблей продолжали посылать в город бомбы и ядра, и скоро по всему городу начались пожары. Городская пожарная команда успешно боролась с ними и тушила, где могла. Шесть часов продолжалась бомбардировка. Наконец, неприятель высадил около 300 человек и повел атаку на крутую гору, у церкви св. Константина. Наши посты заметили их. Ближайшая рота гарнизонного полубатальона побежала туда, туда же послали учебный полк. Гарнизонные солдаты, под командою отставного подполковника Македонского, рассыпали цепь и открыли огонь, а потом с криками "Ура" бросились на англичан и столкнули их штыками с крутой горы к лодкам. В

это время прискакал и учебный полк. Первый приступ был отбит. Неприятель продолжал до сумерек бомбардировать город, но потом на судах засветились огни и они отошли дальше в море. От этой бомбардировки Таганрог сильно пострадал. Многие мирные жители были убиты и ранены, сгорело 19 домов и 77 магазинов. Обжегшись на Таганроге, англичане послали свои суда к Мариуполю. Там к командиру 66-го казачьего полка Кострюкову тоже явились переговорщики с требованием сдать город, но Кострюков, имевший всего 4 сотни, предложил им выйти и взять город. После долгой бомбардировки англичане отправили лодки с пушками и стрелками в устье речки Калмиуса. Кострюков сейчас же поскакал туда с двумя сотнями, спешил их и обстрелял лодки, входившие в Калмиус, — и тут англичане не отважились высадиться против казаков и отошли. Так же, как и под Таганрогом, к ночи неприятельские пароходы задымили и ушли в море.

После бомбардировки Таганрога туда пришло 800 человек матросов, а учебный полк был отозван в Новочеркасск и вместо него пришли полки 74-й, под командой подполковника Леонова, 76-й полковника Кушнарера и 70-й Демьянова. Эти полки стали по берегу моря для наблюдения за неприятельскими кораблями. Полки эти состояли почти сплошь из малолеток, но урядники в них были опытные, бывалые старики-казаки, помнившие, как отцы их дрались в 1812 году.

— Встал на Русское царство, — рассказывали они молодым, — племянник того самого Бонапарта, про которого вы слышали от дедов такие диковинки. Старый Бонапарт был первый в свете воитель, завоевал все царства в Европе, да и пришел было в нашу Москву; но деды наши, все до единого на Дону, и старый и малый, встали, как один человек, прибежали к Москве, выгнали вместе с нашими храбрыми солдатами вражью силу, а после проводили с честью по всей России и уложили навски почивать в снегах наших. Теперь же племянник его только что нарекся царствовать, а что задумал? Собирается нападать на нашу святую землю, на которой никогда, на памяти самих прадедов наших, нечистая вражья нога не бывала. Враги похваляются отнять у нас тихий Дон. Да разве мы допустим так посмеяться над нами? С какими глазами явимся тогда на тот свет, к старикам нашим, как покажемся перед батюшкой Матвеем Ивановичем, перед старинным воителем Ермаком Тимофеевичем? Нет, братцы, лучше умрем все до единого, а не дадим на посрамление родной земли нашей.

И после таких речей уважаемых стариков все казаки с нетерпением ожидали врага и готовы были жизнью доказать любовь свою к тихому Дону.

Зорко глядит станичник в зеленовато-синюю, мутную даль Азовского моря. Но пустынно море, ни паруса, ни темной точки на нем... И вдруг покажется дым.

— Дым! Дым! — понесется с поста на пост, но напрасно. Английский пароход пройдет далеко по морю... Все реже и реже заявлялись неприятельские суда, и казаки видели над собою только раскаленное синее небо, а впереди — ровную скатерть далекого моря...

Но вот, 27 июня загрели где-то далеко выстрелы, неприятель обстрелял Мариуполь, потом Петровскую станицу, Бердянск, Кривую Косу и 6 июля опять подошел к Таганрогу. Всюду после бомбардировки англичане спускали лодки и пробовали высадиться на берег, но казаки их везде прогоняли.

С 6 июля, в продолжение 2 с половиной недель англичане ежедневно обстреливали Таганрог; каждый день к городу подходило два, три парохода и бросали от 20 до 100 бомб в город. 9 июля, во время всеобщей, одно из ядер, весом более двух пудов, ударило в алтарь церкви Успения Богоматери, обрушило штукатурку, которой засыпало и ушибло протоиерея Иоанна Себова. Священник Василий Шарков, совершавший богослужение, велел дьякону Моисею Егорову произнести коленопреклоненную молитву об избавлении от нашествия врагов. Никто из стоявших в церкви не вышел. И слышались только вздохи и тихий плач таганрогских женщин.

12 июля на Азовском море поднялась буря. Сильное волнение заставило неприятельские корабли отойти от города и уйти в море на более глубокое место. В это время донской 70-й полк со своих постов увидел, что близ Кривой Косы один неприятельский пароход сел на мель. Сейчас же туда были посланы подполковник Божковский и два орудия 2-й донской батареи под командой сотника Краснова. Казаки решили овладеть пароходом...

Еще до прибытия подкрепления донцы 70-го полка пошли в море, пока глубина позволяла идти, и открыли ружейный огонь по пароходу. Английские матросы отвечали из пушек и ружей. Завязалось небывалое сражение по грудь в воде. Пешие дрались на море казаки. На помощь англичанам спешил большой 18-пушечный корабль, но и к казакам со всех постов скакала подмога. По берегу, скрываясь за буграми, собирались казаки и огнем подготавливали атаку парохода. И так шло от зари и до шести часов вечера. В это время выстрелы на пароходе стихли. Англичане, вероятно, покинули его. На

пароходе начался пожар. Тогда казаки бросились вплавь и, добравшись до него, залили пожар и нашли на нем все в порядке — и флаги, и книги, и незаклепанные пушки*. Пароход назывался "Джаспер" и имел в длину 45 сажень. Две пушки с него были сняты и отправлены в Таганрог, приступили уже и к починке самого парохода, но пришли неприятельские суда и заставили прекратить работы. Так, без флота, и даже без лодок, казаки взяли неприятельское судно, снабженное артиллерией.

Когда казаки привезли в Таганрог английские флаги и пушки, их встретили громкими криками "Ура!"

23 и 24 июля англичане опять обстреляли Таганрог, опять подходили их лодки со стрелками, но, встреченные дружным огнем спешенных казаков, англичане боялись выйти на берег. Много и тут было оказано казаками храбрости: семидесятилетний сотник Косоротов во время обстрела с лодок Таганрога, 24 июля, оставался при спешенных казаках все время на коне и уверял, что неприятельские пули вовсе не страшны. Смотрели на него малолетки и дивились, и ободрялись и лезли вперед и метче стреляли.

Между тем, руководимые молодым артиллерийским офицером, сотником Красновым, казаки отстроили и вооружили своими и английскими пушками береговые батареи, и теперь на выстрелы англичан защитники Таганрога уже могли отвечать и пушечным огнем. 19 августа опять к Таганрогу подошли три парохода, но, встреченные метким огнем казачьих пушек, англичане отошли. В тот же день англичане сделали высадку у поселка Кирпичева, но ссаул Тарасов с сотней вовремя заметил их приближение, встретил выстрелами и сейчас же бросился на англичан. Казаки погнались их перед собою и захватили в плен двух офицеров и несколько матросов. Их сейчас же отправили в Таганрог...

С постройкой в Таганроге батареи англичане стали осторожнее и корабли их уже не подходили близко к городу. Так донские казаки в 1855 году оборонили Таганрог и все побережье Азовского моря и не допустили врагов высадиться на наши берега и разорить их.

* Эти пушки теперь стоят в Новочеркасске, у входа в Донской музей.

18. Севастополь

9 сентября 1854 г. — 30 августа 1855 г.

В день 1 сентября 1854 года союзные корабли французов и англичан подвезли к Севастополю войска, 2-го начали высаживать их в 90-та верстах от Севастополя у маленькой деревушки Евпатория и к 6-му числу на берегу оказалось 22000 англичан с 54 орудиями и 7000 турок с 12 орудиями. У нас в Крыму было всего только 35000 человек при 84 орудиях. 8 сентября на берегах реки Альмы произошло тяжелое и кровопролитное сражение. Англичане и французы, вооруженные нарезными ружьями, поражали наши войска издала и принудили нас к отступлению. 8 сентября союзники уже подошли к Севастополю. В этот день наши моряки топили свои суда у входа в Севастопольский залив, чтобы загородить проход. Наши парусные корабли все равно не могли сражаться с парходами, которые были у противников. Матросы свезли пушки на берег и вместе с сухопутными войсками принялись создавать оборонительные сооружения Севастополя. На скорую руку в кремнистой земле возводили громадные укрепления и боролись на них до последнего человека. 14 сентября союзники совершенно окружили крепость, и защитники ее горячо помолились в этот день не о спасении жизни своей, а о спасении родного города и славы отечества. Началась правильная осада города. 5 октября союзники закончили приготавительные работы к осаде и целый день осыпали город тяжелыми ядрами и начиненными порохом гранатами. Наши батареи отвечали. Так началась небывалая по упорству обеих сторон оборона Севастополя. Дневные бомбардировки, уносившие сотни людей убитыми и ранеными, сменялись ночными штурмами. Земляные валы устилались телами убитых; раненых не успевали свозить, но бодры были защитники... Наступила и прошла теплая зима, встретили, 27 марта, севастопольцы и праздник Воскресения Христова. Все бастионы к этому дню были чисто подметены, пушки, станки и лафеты вымыты, люди оделись во все новое и почистились. В церквах служили заутреню и крестный ход

ходил по батареям, где священники перед батарейными образами пели молебны. Женщины и дети пришли в этот день на укрепления похристосоваться с мужьями, но бомбардировка и в этот день не прекращалась, и в великий день святой Пасхи у нас было 10 человек убитых и 21 раненый. Зимой сменила весна. Наступило лето. Начались жестокие штурмы неприятеля. Несмотря на отчаянную храбрость союзников, они не могли овладеть севастопольскими укреплениями. Они врывались в них, но наши солдаты и матросы выгоняли их штыками. В каждый штурм несколько тысяч союзников было убито, несколько тысяч падало и наших. Помощь не шла, ее и не ждали. Решили умереть, но Севастополя не сдавать. В августе месяце французские окопы были всего в 50 шагах от укреплений севастопольского Малахова кургана. Можно было слышать, как говорят противники... Наши укрепления в это время представляли груды развалин. Истинно можно было сказать, что люди, а не стены образуют крепости. С 24 августа началось непрерывное бомбардирование Севастополя. По одному Малахову кургану действовало 110 больших орудий. Гул и рев пушек ни на минуту не прерывался. Смерть была всюду. В городе все, что могло гореть — горело. Улицы обращались в груды развалин. Артиллеристов и матросов не хватало к орудиям, и пришлось ставить к ним ополченцев. Каждый день выбывало из строя более 2000 человек убитыми и ранеными. 27 августа в ужасном кровопролитном штурме союзники овладели Малаховым курганом. С потерей Малахова кургана в Севастополе нельзя было держаться, но наши не сдали крепости. Они зажгли все, что можно, разрушили батареи, взорвали пороховые погреба и уцелевшие суда, а сами переправились на северную сторону. 30 августа, после одиннадцатимесячной упорной осады и кровопролитнейших штурмов, союзники вступили в Севастополь.

Упорная оборона русскими солдатами и матросами Севастополя известна всему миру. В ней ярко сказались храбрость и стойкость Николаевского солдата. Но среди храбрых и стойких выделились особо храбрые, делавшие чудеса храбрости, совершавшие сказочные подвиги. В числе таких отчаянно храбрых людей были матрос Кошка и Перекопской станицы Области войска Донского казак Осип Иванович Зубов. Этого смелого донца знал весь Севастополь. Он родился в 1800 году и в Севастополь попал охотником, поступивши в 67-й донской Маркова полк. Ему уже было 55 лет, но он был силен, бодр, ловок и отчаянно храбр. После сражения на речке Альме полк Маркова для несения пикетной службы на заставах перешел в Севастополь, и с полком попал в Севастополь и Зубов. Зубов отпросился на бастионы, туда,

где служба была лицом к лицу со смертью. Его назначили к матросам на 3-й бастион к контр-адмиралу Панфилову. Хорошо чувствовал себя в этой страшной боевой обстановке смелый донской казак.

— И как хорошо я вел себя, — говорил Зубов, рассказывая о своей службе, — служа, так сказать, на пороге смерти. Ни одного греха, ни одной дурной мысли мне никогда и в голову не приходило...

Зажжет, бывало, в своей выкопанной в земле между орудиями каморке Зубов ночью лампаду перед образом, станет на колени и молится. Псалмы пророка Давида читает. Можно подумать, что это монах или отшельник.

Легко у него на душе! Страху он не знал никогда. Летят бомбы, чиненные порохом гранаты, убивают матросов, знакомых его, друзей, товарищей, а Зубов смотрит спокойно и только, если не заняты руки, перекрестится и скажет:

— Господи, если и мне судил погибнуть вместе с ними, не погуби мою грешную душу.

Как-то раз в своей каморке он молился ночью перед иконой. Влетело ядро и убило двух матросов, спавших тут же, а Зубова только землею засыпало.

24 ноября 1854 года Зубов с матросами Кошкою, Кузьменко и Болотниковым и несколькими солдатами при офицере были назначены на вылазку, на Зеленую гору, на английскую батарею. Ночь была не темная. Осторожно сползли со своего вала и тихо, крадучись, пошли к неприятелю. Зубов шел и все время про себя читал молитвы: "Живый в помощи Вышнего, в крови Бога небесного водворится", а потом "Возлюблю Тя, Господи, крепость моя". И за молитвами и страх у него пропал. Подкрались они к батарее и вдруг, с криком "Ура" бросились на англичан. Многих покололи, а шестерых взяли в плен и с ними одно орудие. Возвратились к рассвету усталые и измученные. Зубов, весь облитый потом и кровью, был представлен своему начальнику офицером, ходившим на вылазку.

— Этот казак, — сказал он, — достоин первого креста.

После этой вылазки уже Зубов или Кошка назначались начальниками передовых цепей.

Под 5-е декабря Зубов вместе с Кошкою повели полтора человека солдат на ту же батарею. Ночь была опять такая же тихая. Звезды мигали на темно-синем небе. Осторожно подползли наши солдаты к батарее. Вот и темная насыпь. Чуть заметен закутавшийся в плащ часовой.

— Ура! — вполголоса сказал начальник резерва.

— Ура! — закричали в цепи, и Зубов первый вскочил в окоп. Тут его сильно ударило в левый висок. Но Зубов не чуял боли. Он влетел в толпу сбежавшихся англичан и давай колотить их

ружейным прикладом. Да так избил их, что те побежали, а Зубов с товарищами — за ними. Тут увидел Зубов, что по траншее бежит английский штаб-офицер в густых эполетах. Зубов бросился на него и ударил прикладом, тот обернулся и взмахнул палашом, но старый казак не испугался и подставил ружье. Палаш звякнул о ствол и переломился надвое. Зубов ударил его опять прикладом, схватил за волосы и потащил из траншеи. Тяжелый оказался англичанин. Зубов чуть не упал с ним. Вытащил его и погнал перед собою к нашим. Наши уже кончили свое дело и уходили. В это время англичане открыли по отступавшей вылазке жестокий огонь. Англичанин тут сам побежал, да еще и кричал: "Скорей русс! Скорей!"...

За это дело Зубов был произведен в урядники, а затем и он и Кошка получили для ношения на шее благословенные кресты, подарок Императрицы Александры Феодоровны...

И до последних дней продержался Зубов на бастионе, храбро ходя в вылазки и отражая жестокие штурмы.

18-го марта 1856 года был заключен, наконец, мир. Донцы вернулись домой и принесли своему великому войску Донскому Высочайше пожалованную им грамоту и большое белое Георгиевское знамя с надписью: "За храбрость и примерную службу в войну против французов, англичан и турок в 1853, 1854, 1855 и 1856 годах".

19. Усмирение польского мятежа

1863 г.

имой 1862 года в Польше опять было неспокойно. Поляки стали собираться в шайки, повсюду появились отряды крестьян, вооруженных косами, везде раздавалась польская песня, призывавшая поляков убивать русских. В ночь с 11 на 12 января 1863 года восстание вспыхнуло по всему краю. Безоружных русских людей убивали, нападали на офицеров и солдат. На этот раз у поляков войска не было, поэтому они не могли собрать большого отряда, а действовали малыми партиями, скрывавшимися в лесах, болотах, укрывавшимися за спиною мирных жителей. Усмирение польского мятежа не было войной, но было рядом стычек, засад и перестрелок, где действовали отдельные сотни, взводы, даже одиночные казаки. С Дона в Польшу пошли полки: Л.-гв. Казачий Его Величества, Лейб-Атаманский Наследника Цесаревича, 3-й, 4-й, 5-й, 9-й, 10-й, 12-й, 17-й, 18-й, 23-й, 24-й, 25-й, 27-й, 28-й, 30-й, 31-й, 32-й, 33-й, 34-й, 36-й, 39-й, 41-й, 42-й, 44-й и 45-й и батареи 1-я, 7-я и 8-я — всего собралось 26 полков при 18 орудиях. Походным атаманом был назначен генерал-лейтенант Орлов I. Клету, когда мятеж начал стихать и отряды были расположены по губерниям и поступили в ведение военных губернаторов, в Польшу прибыл знаменитый донской герой генерал-лейтенант Яков Петрович Бакланов. Приняв в командование полки, расположенные в Вильне, он 7-го июля 1863 года отдал следующий приказ:

"Станичники и односумы!

Я выехал из родного края 19-го июня и привез вам от него поклон. Дон завещает вам бороться одному против десятерых и охулки на руки не класть! Дон дышит пламенной любовью и преданностью к Царю нашему; он ждет с нетерпением воли Монарха двинуться на внешнего врага, замышляющего нарушить спокойствие святой Руси. На вашу долю пал жребий быть впереди — против врага внутреннего. Вы — потомки славных и могучих предков наших азовского сиденья.

Молодечество ваше против мятежников радует Царя, а донская семья ликует за вас!

Братья, соберемся с силами, укрепнем духом и превозможем все трудности и лишения, и покажем, что достойны называть себя потомками славного тихого Дона. Настанет время — я буду посреди вас в беседе босвой, введу вас в бой с заветным кличем Ермака: "С нами Бог!" — силою коего булат наш остр — и не устранимся! Уверен в вас, что вы такие же чудо-богатыри, как были водимые мной в бой деды, отцы и старшие братья ваши!.."

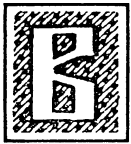
И казаки оправдали доверие к ним Бакланова. Самому Якову Петровичу не пришлось с тяжелою шашкою в руках водить казаков на поляков. Их шайки были мелки, и убивали они больше из-за угла, а не в честном бою. Жители боялись и уважали Бакланова, а вскоре и полюбили прямодушного и честного донского казака. Шайки бунтовщиков, видя безуспешность мятежа, грабили несчастных крестьян и сжигали их дворы... И тут Бакланов умелыми действиями смирил поляков. К ноябрю месяцу мятеж затих. Бакланов с казаками не только усмирил бунтовщиков, но заставил жителей уважать русских начальников и преклониться перед могущественным и справедливым русским Царем...

Усмирение мятежа к началу 1864 года было закончено, и полки возвратились домой.

20. На Дону при Императоре Александре II

В день 18 февраля 1855 года, в самый разгар Севастопольской войны скончался Император Николай I Павлович. На престол вступил его сын, Император Александр II Николаевич — Царь Освободитель.

Едва закончилась тяжелая война, как Государь принялся за целый ряд перемен и преобразований в своем государстве. Освобождены были русские крестьяне от крепостной зависимости, введена была всеобщая воинская повинность, заменившая прежние рекрутские наборы, учрежден суд присяжных, устроено почти по всей России земство, всюду строились учебные заведения, широко насаждалось просвещение по России.

Хотя на Дону казаки были из века в век люди вольные, не знающие, что такое барщина, хотя воинскую повинность они несли по особому обычаю, но и Дона коснулись благодетельные реформы Государя Императора Александра II и на Дону много переменялось за это время.

С 1862 по 1866 год на Дону войсковым наказным атаманом был генерал-адъютант граф Павел Христофорович Граббе. Новочеркасские жители часто могли видеть своего седого атамана играющим с детьми в Александровском саду. Он любил детей и заботился о них. При нем на Дону, в Новочеркасске стала издаваться первая частная газета — "Донская газета", и граф Граббе так любил ее читать, что и после сдачи своего атаманства он выписывал ее на свой малороссийский хутор.

При атамане графе Граббе Высочайше повелено было, в 1863 году, сократить срок службы казака и вместо 25 лет определить в 15 лет полевой службы и 7 лет службы внутренней; этим начался целый ряд изменений в порядке отбывания службы казаками, который закончился в 1875 году изданием нового устава о воинской повинности войска Донского. По этому уставу, действующему с небольшими

изменениями и теперь, воинской повинности подлежит все войсковое население, за исключением священников и православных псаломщиков, окончивших курс в духовных академиях, семинариях и училищах, и сельских учителей. Денежный выкуп и замена охотниками не допускаются. Казаки отбывают службу с собственным снаряжением и на своих лошадях. Общий срок службы определен в 20 лет. С 18—21 года казаки считаются в приговорительном разряде — это бывшие малолетки, с 21—33 лет — в строевом разряде и с 33—38 лет — в запасе, после чего увольняются в отставку.

В приговорительном разряде казаки обучаются у себя дома, по станицам и на сборах внутри войска. В строевом разряде казак должен был пробыть 4 года на действительной службе и 8 лет на льготе. Донское войско должно было выставлять в мирное время: лейб-гвардии сводно-казачий полк 4-эскадронного состава из одного дивизиона Лейб-Казачьего Его Величества полка и одного дивизиона Лейб-Атаманского Наследника Цесаревича полка, лейб-гвардии Донскую Его Высочества Наследника Цесаревича конно-артиллерийскую батарею 4-орудийного состава, 20 армейских конных полков 6-сотенного состава, называемых по номерам, от номера 1-го до 20-го, семь армейских конно-артиллерийских батарей 6-орудийного состава, тоже с N 1 до N 7, и железнодорожную команду. В военное время войско Донское выставляло: оба гвардейских полка в шестиэскадронном составе, гвардейскую батарею, тоже в составе шести орудий, 60 армейских шестисотенных полков, 21 армейскую конно-артиллерийскую батарею, по 6 орудий каждая, два запасных эскадрона гвардейских полков и гвардейскую запасную батарею в 4 орудия, кроме того, пешие местные команды.

С 18 января 1869 года донские полки вошли в подчинение начальникам кавалерийских дивизий во всех округах, кроме Варшавского, где они оставались в ведении походного атамана. В каждой кавалерийской дивизии четвертыми полками стали казачьи полки, так что дивизия состояла из одного драгунского, одного уланского, одного гусарского и одного казачьего полка. В 1870 году общий дисциплинарный устав был распространен и на казачьи полки. Строевое ученье велось по уставу кавалерийскому, кроме 1-й его части, которая в 1875 году была издана отдельно. От казачьих полков требовали, чтобы они не только не отставали от регулярных полков, но превосходили их в стрельбе на все дистанции, в быстроте седловки и выходе в строй по тревоге, в быстроте спешивания и посадки на коней, в продолжительности движения рысью и наметом, в рассыпном строе и лаве, в

сторожевой и разведывательной службе. От казаков требовали плавание через реки, стрельбу верхом на скаку босвыми патронами в мишень, словом, с этого времени жизнь в казачьем полку повелась так, как она идет и теперь. Для обучения казаков всему этому понадобились знающие и образованные офицеры, и вот для подготовки к тяжелому и ответственному званию офицера в 1869 году в городе Новочеркасске учреждено было Новочеркасское юнкерское училище, в которое принимались урядники войска Донского в числе 114 человек, а в 1877 году, вместо бывшего раньше для подготовки артиллерийских офицеров класса донских урядников, был устроен класс казачьих артиллерийских юнкеров. Наконец, с 1858 года начинается постепенное увеличение жалованья казачьим офицерам — мечты и желания атамана Власова сбылись.

В 1865 году, вместо общества торговых казаков, действовавшего по особым правилам, на казаков стали распространять общие правила о торговле, которые были устроены во всей России. В 1873 году были введены на Дону новые военно-судебные и судебные уставы Императора Александра II.

Так, постепенно, шаг за шагом, казаки плотно сливались с русским населением всей Империи. Разница оставалась только в порядке пользования землей и отбывания воинской повинности. Войдя своими полками в состав кавалерийских дивизий, обучаясь по общему уставу, казаки все-таки сохранили особенности своей службы, свой дух предприимчивости и смелости и доказали, что душа у них осталась казачья. И дома у себя, в станицах и хуторах, повинаясь общим законам, казаки остались казаками с врожденной им горячей любовью к Царю и тихому Дону, с обычной смелостью и отвагой. Они доказали свою смелость на войне 1877—78 гг. и свою преданность и любовь к Государю в том восторге, с каким они встречали Его Наследника — Своего Атамана и Государыню Цесаревну.

После графа Граббе, с 1866 года по 1868 год войсковым наказным атаманом был генерал-адъютант, генерал-лейтенант Александр Львович Потапов, а за ним с 1868 по 1874 год генерал-адъютант, генерал-лейтенант Михаил Иванович Чертков.

При атамане Черткове, в 1869 году, на Дон пожаловали дорогие гости — Атаман и Атаманша. Государь Наследник Цесаревич Александр Александрович и Супруга Его, Государыня Цесаревна Мария Феодоровна изволили совершать путешествие по реке Волге. 27 июля 1869 года Их Высочества в Царицыне сели в особый поезд Волжско-Донской железной

дороги и через два часа прибыли на Калачевскую станцию, где были встречены атаманом Чертковым, почетным караулом от гвардейских казачьих частей и казаками. Государь Наследник изволил быть в казачьей форме Своего Атаманского полка. Этой формы Государь Наследник не снимал во все время пребывания в гостях у донских казаков. На Дону для Их Высочеств был приготовлен пароход "Сотник" и для конвоя — пароход "Цымла". На "Цымле" во время плавания находился хор трубачей Атаманского полка.

Среди пожелтевших полей, вдоль лугов широкой степи быстро и плавно шел пароход с дорогими гостями. От станции до станции, по берегу, неслись конные казаки, слышались выстрелы лихих наездников. На борзых конях скакали они через кусты, рытвины и овраги, развлекая молодецеством Своего Атамана. На каждой пристани Их Высочеств встречали жители станицы. По одну сторону стояли казаки, по другую — казачки с детьми. Пристани были убраны коврами, цветами и зеленью, стояли хлебные снопы, арбузы, дыни, тыквы, кукуруза и виноград. Строевые казаки выезжали со знаменами и старинными хоругвями, атаманы выходили с насеками, каждому хотелось увидеть своего атамана, Сына Государева и Его Супругу. Дети подносили цветы, женщины — колосья и фрукты. Уже вечерело, когда пароходы подъезжали к Нижне-Чирской станице. Здесь было собрано для встречи Государя две сотни малолеток. В темноте теплой ночи они разыграли маневр. Сверкали огни выстрелов, слышались ружейный залпы, топот коней. И вдруг лава одной из сотен в темноте бросилась в Дон; послышался плеск воды, фыркание плывущих лошадей и вся сотня, в полной амуниции, переплыла через реку. Государь Наследник обошел по фронту молодцов-малолеток и благодарил их за лихую настоящую казачью переправу.

На Нагавском перекате пароход стал на мель. Тогда шедшие по берегам пшие и конные казаки кинулись в воду, и в минуту, их дружными усилиями, пароход был сдвинут с мели и пошел дальше. Станичный атаман Нагавской станицы со стариками на лодке подошел к пароходу и передал Их Высочествам хлеб-соль.

— Нагавская станица кланяется Вашему Высочеству хлебом-солью, — сказал он, передавая ее Наследнику.

И такую же хлеб-соль казачью подавали и во всех попутных станицах. В Цымлянской станице Их Высочества сошли с парохода и изволили проехать в церковь. На обратном пути Государь Наследник пожелал видеть казачий виноградник и зашел к уряднику Кленкину. В плодовом саду счастливая хозяйка потрясла грушу в то время, когда Цесаревна

проходила под нею, и плоды посыпались на Государыню Цесаревну.

— На счастье, матушка Атаманша! — говорила хозяйка.

Их Высочества изволили зайти и в дом Кленкина. В саду, под деревьями, поставили стол, хозяин с хозяйкой просили Государя Наследника и Цесаревну откусать вина и винограда их сада. Уже вечерело, когда Их Высочества ушли из сада урядника Кленкина. По берегу Дона загорелись огни разноцветных фонарей, оттуда, от пароходов неся гул народной толпы; казаки ожидали своего Атамана.

Это был великий праздник для Дона. Из станицы в станицу передавали слова дорогих гостей, всюду шло гулянье, весь народ стекался к Дону, где у каждой станицы были устроены арки, повешены цветы, знамена и флаги.

В Семикаракорской станице Их Высочества изволили смотреть калмыцкое богослужение в степной кибитке, а потом осматривали громадный табун в семь тысяч лошадей. Окруженные лихими наездниками-табунщиками, ходили по привольной степи лошади. Калмыки показывали свое искусство укрощать лошадей, садились на неуков и скакали на них. Здесь калмыки подвели Государю Наследнику покрытого желтой попоной коня-четвертака, другую лошадь подвели Великому Князю Алексею Александровичу и отличного рыжего третьяка — Цесаревне. Несмотря на сильную жару, Их Высочества долго изволили любоваться широкою картиною калмыцкой степи, по которой ходили верблюды и табуны лошадей.

31 июля, утром, пароход отошел от Старочеркаска и направился в Аксай. Отсюда по железной дороге Их высочества прибыли в Новочеркасск. Со станции к собору Государь Наследник ехал верхом, в мундире Атаманского полка, Государыня Цесаревна — в амазонке покроя казачьего чекменя с белым кушаком и в кивере Атаманского полка, тоже верхом на донском коне следовала за своим Супругом. Великий Князь Алексей Александрович был во флигель-адъютантском мундире. У собора состоялся войсковой круг. У входа в церковь преосвященный Платон, архиепископ Донской и Новочеркасский, изволил приветствовать Их Высочества словом и поднес им иконы. По окончании молебствия Государь Наследник вошел в круг и здесь под сенью знамен сказал, обращаясь к атаманам и казакам:

— Принимая по воле Государя Императора знаки атаманского звания, почитаю себя счастливым, что в этот достопамятный для меня день являюсь в среду вашу с милостивым Царским словом. Государь Император, отправляя меня к вам, поручил мне благодарить донцов за их всегда

верную, храбрую и усердную службу. Его Величество уверен, что доблести, всегда отличавшие их, сохранятся и в будущем поколении, и не забывает и гордится тем, что в продолжении 27 лет носил звание вашего Атамана. Его Величество с благодарностью помнит радужный прием, сделанный покойному брату, носившему то же звание, которым и я горжусь, и сожалеет, что не мог сам прибыть со мною и с вашею Атаманшей. Что же касается до меня, то прошу вас, Донцы, об одном: любите меня, как вы любили моего покойного брата, а я постараюсь заслужить вашу любовь!..

Могучее "Ура!" раздалось из казачьих грудей, заглушило и звон колоколов, и пушечную пальбу. По окончании круга до войсковой канцелярии Государь Наследник шел пешком вслед за регалиями, потом сел на коня и пропустил мимо себя церемониальным маршем учебный полк.

Три дня Государь Наследник с Цесаревною изволили провести в Новочеркасске. Ежедневно Их Высочества совершали прогулки верхом по городу и за город и посещали Новочеркасские присутственные места.

3 августа, в день отъезда Их Высочеств, был смотр учебному полку. После смотра казаки учебного полка еще долго скакали по изрытой местности вдоль пути, провожая поезд дорогих гостей до тех пор, пока лошади не стали уставать и поезд не обогнал их.

В Елисаветовской станице Их Высочества изволили на дубе выезжать с казаками на рыбную ловлю, причем была вытащена пятнадцатипудовая белуга. Здесь Их Высочества изволили проститься с донскими казаками и на пароходе "Великая Княгиня Ольга" отправились в Крым, в Ливадию.

В следующем, 1870 году Их Высочества Государь Наследник Цесаревич с Государыней Цесаревной изволили вторично посетить Дон по случаю совершившегося трехсотлетия службы донских казаков Русскому Царю. Триста лет тому назад, в 1570 году, 3 января, была пожалована царем Иоанном IV Васильевичем первая грамота за службу "атаманам и казакам". С этого дня сношения донских казаков с Москвою не прекращались. И вот, в 1870 году Государь Император Александр II изволил пожаловать войску Донскому Георгиевское знамя с Александровскою лентою "в память трехсотлетнего существования Войска" и во свидетельство "трехвековой доблестной службы Донских казаков и неизменного к ним благоволения Монархов, за их горячую преданность Престолу и Отечеству".

Знамя было пожаловано 3-го января, а празднование трехсотлетия было назначено на 21-е мая 1870 года.

20 мая, в 4.30 дня, из Таганрога через Ростов изволили прибыть в Новочеркасск Государь Наследник и Государыня Цесаревна. В 9 часов вечера состоялась в Атаманском дворце прибавка знамени. На прибавке знамени присутствовали все станичные атаманы. Когда знамя было прибито, Его Высочество сам привязал к древку Александровскую ленту и вручил знамя назначенному от Новочеркасского урядничьего училища уряднику из дворян.

На другой день в соборе состоялось торжественное молебствие, а после него — круг. В этот день со всех концов России были получены войском приветственные телеграммы. 22 мая в Александровском саду, богато освещенном тысячами разноцветных фонариков, было народное гулянье. Против дворца, у Александровских ворот устроен был щит высотой в 7 с лишним сажений и на нем вензеля Государя и Государыни и Наследника и Цесаревны. Между вензелями было написано "Боже, Царя храни", а ниже этой надписи была написана другая: "Признательностью и службой верной мы предков превзойдем и то же заповедуем потомкам". По главной дороге сада стояли и другие ярко освещенные щиты, а между ними было расставлено 200 досок с надписями — по одну сторону подвигов и заслуг донских казаков, и по другую — царских милостей и наград, пожалованных войску. Картина, изображающая покорение Сибири Ермаком, устроенная из дерева крепость Азов, кавказская сторожевая вышка были раскиданы по саду. Дивная погода была в этот день. Государь Наследник изволил посетить гулянье. 23-го мая Их Высочества отбыли из Новочеркасска в Ростов, а оттуда в Таганрог.

Через два года после этого радостного события донские казаки удостоились высокого счастья увидеть у себя на кругу Государя Императора Александра Николаевича. Государь изволил прибыть 12 августа 1872 года по железной дороге через Ростов в Новочеркасск. В тот же день Государь Император изволил быть на кругу, где обратился к казакам со следующими высокомиловитивыми словами:

— Давно желал я посетить землю войска Донского и благодарю Бога, что Он позволил мне исполнить мое желание. При этом не могу не припомнить мое первое посещение Донского края в 1837 году, вместе с покойным Государем, родителем моим. Живо сохранились в памяти моей слова его, обращенные к представителям войска Донского, в этом самом войсковом кругу. Изъявив им свою благодарность за верную, усердную и храбрую их службу, он, указывая на меня, сказал: "Лучшего доказательства моего уважения к доблестям войска Донского я не могу вам дать, как назначив сына моего

Наследника вашим Атаманом. Уверен, что вы будете служить и сыну моему столь же верно, как вы служили предкам моим и мне". И я по совести могу сказать вам, что вы вполне оправдали на деле надежды его. То же уважение к доблестям войска Донского хотел и я вам доказать назначением, на другой же день восшествия моего на престол, старшего сына моего, Николая Александровича, вашим Атаманом, а вслед за кончиной его, теперешнего моего Наследника Александра Александровича. Прием, вами сделанный им обоим, и их и меня порадовал и глубоко тронул. Но он меня не удивил, потому что я хорошо помню, как вы меня приняли в 1850 году в качестве вашего Атамана, когда, возвращаясь с Кавказа, я по поручению покойного Государя благодарил вас его именем за вашу молодецкую службу. Вполне уверен, что вы так же верно, усердно и храбро будете служить сыну моему, как вы служили мне.

Выражая вам еще раз мое Царское спасибо, мне остается желать, чтобы войско Донское, сохраняя доблести своего векового казачества, развивалось и в гражданском быту, согласно данным мною указаниям. Призываю на них благословение Божие к вашему благу и преуспеянию.

Среди речи Государь Император два раза заключал в объятия Государя Наследника. Громовое "Ура" казаков раздалось вслед за словами Государя. Государь сел на коня и объехал войска, выстроенные по Платовскому проспекту. После этого он вернулся к кругу и началось торжественное шествие регалий. Затем Государь пропустил мимо себя церемониальным маршем войска. Впереди всех ехал Наследник с перначем в руке.

По окончании парада Государь изволил принять войсковую хлеб-соль на красивом серебряном блюде.

13 августа Государь Император Александр II принимал различных представителей войска и посетил нарочно поставленный на время в Новочеркасске Калмыцкий хурул, где калмыцкие священники приветствовали Государя дикими, но стройными звуками своеобразной духовной музыки. Затем Государь изволил посетить Мариинский институт и присутственные места.

14 августа состоялся смотр полкам, собранным в Новочеркасске. На смотре под командою генерал-лейтенанта Шамшева находились: сотня юнкеров Новочеркасского училища, л.-гв. Сводно-Казачий полк, Донской учебный полк, 2 полка молодых казаков переписи 1870 года и 2 Донские сводные батареи. Подъехав к лейб-гвардии Казачьему полку, Государь Император Александр II остановил лошадь и поздравил полк полком своего имени, затем, объехав конные

полки, Государь остановился против лейб-гвардии Донской конно-артиллерийской батареи и объявил ее лихим канонирам, что он назначает Шефом батареи Августейшего Атамана Наследника Цесаревича. Затем начался смотр. После небольшого ученья, на котором казаки показали себя молодцами, как в пешем, так и в конном строю, началась джигитовка малолеток. Государь остался очень доволен лихостью и удалью казаков и объявил много милостей.

В тот же день, в 9 часов вечера, Государь Император Александр II при восторженных криках "Ура" собравшихся казаков отбыл по железной дороге из войска Донского...

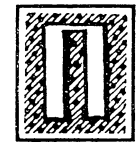
В 1874 году войсковой наказный атаман Чертков получил новое назначение, а в управление войском вступил вновь назначенный атаман генерал-адъютант, генерал от кавалерии Николай Александрович Краснокутский. Он был атаманом до 1881 года. При нем донские казаки приняли участие в войне с турками за свободу родных нам православных славян.

21. Русско-турецкая война

1877—1878 гг.

од властью турок с очень давних времен находились христианские народы: болгары, сербы, румыны, черногорцы и македонские греки. Болгары, сербы и черногорцы происходят от родственного русскому народу славян, исповедуют православную веру и говорят на языке, похожем на русский. Они как бы родные братья русского народа.

В 1876 году они возмутились против турок. Турки жестоко подавляли это возмущение. Они убивали не только сражавшихся, но и их жен и детей. Они бросали младенцев на сабли; они на медленном огне жгли болгар. В лесах находили тела несчастных болгарских мучеников, привязанных к стволам деревьев и под ногами их разведенные костры. Известия об этих "турецких зверствах" волновали и возмущали все народы Европы. Но особенно чутко относились к этому у нас, на Руси. На помощь болгарам, черногорцам и сербам ехали русские добровольцы, их война с турками стала родной для нас, у нас жаждали помочь несчастным братьям славянам. Но более всего волновался, глубже всего чувствовал в своем сердце обиду, наносимую всему православному миру турками, наш Царь-Освободитель. Он снял узы крепостной зависимости с миллионов русских крестьян, и теперь настал час ему вместе с русским народом и казаками освободить и родных нам славян. Император Александр II попробовал начать переговоры с турецким султаном, но, когда это не подействовало, он с оружием в руках вступился за славян и 12 апреля 1877 года объявил войну Турции. Война должна была вестись одновременно и на Дунае и на Кавказе. Армией, направленной к Дунаю, командовал великий князь Николай Николаевич, кавказскими войсками — великий князь Михаил Николаевич.

По призыву Государеву войско Донское выставило на службу 53 полка и 24 батареи. Полки эти были отправлены,

преимущественно, на Дунай. Это были: л.-гв. Казачий Его Величества полк, л.-гв. Атаманский Государя Наследника Цесаревича полк, 1-й Кутейникова, 4-й Власова, 7-й Янова, 8-й Желтоножкина, 9-й Нагибина, 10-й Ледкова, 11-й Попова, 12-й Хрещатицкого, 13-й Попова, 15-й Дудкина, 16-й Слюсарева, 17-й Варламова, 18-й Измайлова, 21-й Курнакова, 23-й Бакланова, 24-й Шамшева, 26-й Краснова Данилы, 29-й Пономарева, 30-й Грекова Митрофана, 31-й Рубашкина, 34-й Короченцова, 35-й Черевкова, 36-й Калинина, 37-й Иловайского, 39-й Грекова, 40-й Дмитрова, 41-й Краснова Николая; батарси — л.-гв. 6-я донская, 2-я Рытикова, 4-я Персиянова, 5-я Калинина, 8-я Власова, 9-я Золотарева, 10-я Солунскова, 11-я Ледкова, 13-я Фомина, 14-я Курапова, 15-я Дудкина, 16-я Рудакова, 17-я Маркова и 21-я Дукмасова.

В день объявления войны тронулось на границу Турции, в составе армии, шесть донских полков и первое ответственное дело было поручено казакам. Нам нужно было захватить мост на реке Серет у низовьев Дуная. С захватом этого моста мы спокойнее могли распоряжаться на Дунае. Турки тоже спешили к этому мосту, называемому Барбошским. Надо было выиграть время — придти раньше турок. Занять мост было поручено смелому и лихому полковнику Струкову. Он взял с собой 21-й донской полк и, пройдя в одни сутки около ста верст, как снег на голову явился к Барбошскому мосту. Испуганные неожиданным появлением донских казаков турки ничего не посмели сделать, и мост, служивший нам для сообщения с нашим тылом, остался за нами. Здесь донцы показали, что и они, и их скромные казачьи лошади способны действовать смело, лихо, по-кавалерийски.

Между тем, непрерывно, поезд за поездом, подвозили к границе полки. В ночь с 14 на 15-е июня началась переправа наших войск через Дунай. Занявши с боя неприятельский берег, мы поставили мосты и армия вступила на турецкий берег...

Сам способ ведения войны теперь изменился. В последнюю, Севастопольскую войну, наши полки были вооружены кремневыми ружьями, бившими едва на шестьсот шагов, ружья нашего неприятеля были немногим лучше — это были пистонные, курковые, медленно заряжаемые ружья. Теперь часть наших войск была вооружена винтовками Крика, а гвардия и большая часть кавалерии имели уже отличные однозарядные ружья Бердана. Имели эти ружья и некоторые донские полки, свято исполнявшие приказ, про который поется в песне:

Чтобы были у вас, ребята,
Ружья новые Бердана,
Шашки острые в ножах.

У турок тоже были прекрасные винтовки, бившие на полторы версты. Некоторые турки имели уже магазинные ружья, которые только что начали появляться. Защитного цвета тогда ни мы, ни турки не знали. В белых рубахах и в кепи с холщевыми назатыльниками шли полки Царя Белого и, как маков цвет, алела своими красными фесками турецкая армия. И мы, и турки открыто глядели смерти в глаза, сходились для штыкового удара и мужественно дрались в окопах. Донским полкам, распределенным по пехотным дивизиям, досталась тяжелая, но невидная служба на передовых постах, да отчаянные схватки с турецкими наездниками — башибузуками. Первый, кого видели турки — это был донец. В грязной, пропитанной потом, облитой кровью белой рубахе, в шароварах с алыми лампасами, с пикой у бедра, донец сторожил врага, являясь неожиданно и незванным гостем на турецкие биваки, принося с собою смерть и ужас. И последний, которого видели турки, был тот же донской казак. Кончался бой — и длинной цепью казачьих постов и застав затягивались биваки и позиции наших войск, и гремела там одиночная перестрелка с башибузуками иногда всю ночь...

Казачьи первыми являлись по тревоге и шли, куда укажут, осматривали все деревни, заглядывали во всякую мышиную норку. И слава их была велика и любила наша пехота своих "казачков", удалых своих "Гаврилычей", как прозвали донских казаков в наших войсках еще в пору завоевания Кавказа.

После переправы через Дунай нам нужно было таким же смелым орлиным полетом перелететь и через Балканы. 18 июня составили отряд, в который вошли 4-я стрелковая бригада, 6 дружин болгар, 3 драгунских полка, 5 донских полков и 5 батарей. Отряд этот поручили генерал-адъютанту Гурко. Железной воли и отчаянной решимости был этот человек. Полки, которые пошли с ним, заслужили себе великую славу. 5 июля генерал Гурко занял город Казанлык и подошел к крутому и трудно проходимому Шипкинскому перевалу. Два дня атаковали наши полки по неприступным кручам турецкую позицию, на третий — турки, не дождавшись атаки, ушли и генерал Гурко овладел вершинами Балкан. Все перевалы остались за нами и мы прочно укрепились на них.

Между тем, остальные наши войска шли тоже к Балканам. Несколько в стороне от их пути лежал небольшой городок

Плевна. Он не был укреплен, и донская сотня есаула Афанасьева заходила в него. Зашла и ушла, донеся, что неприятеля в нем нет. И только она ушла, как, 27 июня, туда явился небольшой турецкий отряд. Донесли и об этом. Но отряд был маленький, наша армия в это время была занята осадой Никополя, на донесение не обратили внимания, а к Плевне спешил Осман-паша с 30000 армией, торопясь занять и укрепить ее. 7 июля Плевна уже была занята целой армией и на фланге у нас появился громадный отряд Османа. 8 июля подошел и наш небольшой отряд и попробовал взять Плевну, но Осман уже укрепился в ней, и наша атака была неудачна. К Осману подходили подкрепления, и маленькая Плевна становилась труднее для атаки, нежели любая большая крепость. 18 июня мы опять попробовали штурмом взять Плевну, но и это не удалось. наших войск было слишком мало. Тогда были потребованы из России подкрепления, и гвардия тронулась из Петербурга в поход.

Наши войска принуждены были обороняться, стремясь удержать за собою Дунай и Балканы.

Турки чувствовали, что у нас мало войска, что мы не в силах их одолеть, и наступали по всей линии. Они появлялись везде. Зорко нужно было смотреть казакам, чтобы не проглядеть какого-либо нового отряда. Здесь начался целый ряд мелких, но славных казачьих дел.

Вечером 3-го июля в 30-м донском полку получено было приказание разведать о том, что делается на горе Бедек, сколько там находится турок, можно ли их обойти, каковы дороги, словом, нужно было сделать настоящую полную разведку горы. Посланный с разездом сотник Галдин донес, что гора Бедек занята полутора тысячами турецкой пехоты, есть черкесы, но сколько — неизвестно, обход сделать можно и дороги есть. Тогда приказано было 30-му донскому полку занять Бедек. В помощь казакам пришло две роты Орловского пехотного полка.

Ночью на 5-е июля части 30-го полка вместе с орловцами пошли на приступ. На левое укрепление пошла 1-я рота и 21 казак под командой хорунжего Долгова, на правое укрепление 98 казаков под командой урядника Темникова и с фронта 51 казак с сотником Галдиным, 2-я рота и часть 1-й роты Орловского полка. По узкой горной тропинке начали карабкаться между скал солдаты и казаки. Шли по одному. Даже рядами нельзя было идти: так узка была дорога. Сначала она вилась между скал, потом пошла лесом. Тихо, крадучись, начали казаки пробираться к самым турецким окопам. Лес кончился, показалась прогалина и на ней — грозный Бедек.

Казачи вышли первыми и рассыпали цепь, за ними стали орловцы. Без разговора, осторожно ступая, крались цепи, поднимаясь на гору. И вдруг, на правом фланге раздался выстрел. Это не выдержал болгарин, проводник, наткнувшийся на турецкий пост. И сейчас же вдоль всей вершины заиграли огоньки выстрелов и загремели в ночной тишине частые залпы и сильный одиночный огонь. И казаки и солдаты были открыты. Теперь — или нужно было отступить, не выполнив данного поручения, или решиться броситься на штурм. Заиграло казачье сердце у Галдина, заговорила в нем кровь дедов!.. Давши несколько залпов, он кинулся вперед. Замялись на минуту солдаты, не бывавшие еще в таких делах. Ужас отразился на их лицах. Смешались их цепи. Но тут орлом налетел на них Галдин.

"Отступления нет! — вскричал он. — Кто сделает хоть шаг назад, тому размозжу голову!" — и поднял приклад. Решительный вид Галдина воодушевил казаков и солдат. Сверкнули в ночной мгле вынутые казаками шашки. Дорого решили донцы продать свою жизнь. Смело кинулась цепь вперед, и впереди ее Галдин с винтовкой в руках. Еще минута — и началась страшная рукопашная свалка. Только в старину так дрались. Галдин своим прикладом прокладывал себе широкую дорогу. Кругом сверкали шашки, и хрипение умирающих и стоны раненых сливались с треском проламываемых турецких черепов и редкими выстрелами. Главное среднее укрепление было очищено, Галдин кинулся на левое укрепление и вдруг был остановлен криком по-русски: "Стой, не стреляй, своих побьешь". Он повернул направо и пошел выбивать турок с правого фланга. В то же время левая колонна, запоздавшая немного, вышла к левому укреплению и точно также была остановлена окликом: "Стой, не стреляй, своих побьешь". Озлобленные солдаты и казаки бросились на обманщиков и захватили ложемент. Оказалось, что среди турок были татары, говорившие по-русски.

Славное было это дело — взятие Бедека. Сотник Галдин первый открыл его, разведкал и первый вошел в укрепление. За это дело Галдин получил орден Святого Георгия 4-й степени.

Во время стоянки на Балканах много подвигов было совершено казаками. 13 июля хорунжий Гурбанов был послан в разъезд за г. Ловчу. На обратном пути двести черкесов атаковали его. Отстреливаясь, Гурбанов отходил к своим, не подпуская и близко к себе черкесов. Наконец, его окружили. Тогда казаки бросились сквозь черкесский строй. Несколько человек успели пробиться, кинулся и Гурбанов, но в эту

минуту пуля пробила ему колено и свалила его лошадь. Три казака, увидав, что их начальник упал, остались при нем. Это были казаки Зенцов и Мосягин — Луганской станицы, и казак Рябов — Гундоровской станицы. Эти четыре человека сражались отчаянно. Гурбанов, получивший 10 ран, наконец, свалился мертвым, упали и Зенцов с Мосягиным, свято исполнившие завет Христов и положившие душу свою за ближнего и за начальника. Рябов, раненный пулей, свалил двух черкесов пикою и пробился к своим. Налетела на место битвы донская сотня и увезла изрубленные до неузнаваемости тела Гурбанова и двух казаков.

В то самое время, когда казаки 30-го донского полка с сотником Галдиным заслужили себе великую славу атакой горы Бедск, лейб-казаки, другая сотня 30-го полка и сотня 23-го полка лихим налетом заняли Ловчу. 4 июля, под вечер, 2-й эскадрон лейб-казаков, 6-я сотня 23-го донского казачьего полка и взвод 6-й донской конной батареи, по приказу Великого Князя Главнокомандующего, выступили из города Тырнова. В прохладе летнего вечера, а потом и ночи, быстро прошли до деревни Севлиево и недалеко от нее остановились. С привала послали разъезд в Севлиево, приказав ему разыскать стоявшие там наши сотни 30-го донского полка. Здесь узнали, что недалеко от Ловчи собирается много башибузуков, что Ловчу турки укрепляют... Тогда полковник Жеребков, приехавший к отряду, решил еще до света идти на Ловчу. В 4 часа утра 2-й эскадрон лейб-казаков, сотня 23-го полка и оба орудия 6-й батареи, подкрепленные сотней 30-го полка, взятой из Севлиево, пошли, направляясь к Ловче.

Настало утро, взошло горячее южное солнце и лейб-казаки увидали перед собой крутой подъем, заросший густыми кустарниками. В кустах засели пешие башибузуки и встретили частым огнем казаков. Живо развернулись лейб-казаки с казаками 23-го полка вправо, а казаки 30-го полка влево, склонили пики и понеслись на гору, прыгая через кусты и рытвины. Несмотря на сильный ружейный огонь, казаки доскакали до турок и начали колоть и рубить их. Башибузуки отбегали, прятались в кустах и стреляли по казакам, но под ударами казачьих пик быстро подавались назад и очищали гору...

В середине горы замечено было много башибузуков. Сейчас же загремели выстрелы взвода донской батареи, несколько удачно попавших гранат заставили турок очистить позицию; лейб-казаки, покончившие дело на правом фланге, бросились преследовать отходивших турок и добились их...

Солнце стояло на полдне. Сильно пекло. Казачьи разъезды пошли следить за неприятелем, а сотни собирались на гору, сгоняя пленных башибузуков и отбирая оружие.

Вдруг прискакал казак и доложил полковнику Жеребкову, что турки, бежавшие с первой позиции, снова собираются невдалеке на высотах, и что в Ловче слышно, как играют пехотные рожки турецкой пехоты. Там собирается до двух рот.

Опять сели на коней казаки, рассыпалась лихая лава и понеслась вперед... Но местность не позволяла действовать в конном строю. По горной каменистой круче был разбит виноградник. Повсюду торчали высокие толстые палки, увитые молодой листвой цветущего винограда.

— Стой! Готовься к пешему строю! К пешему строю вперед слезай!

Поскакала, звеня орудиями, артиллерия, — и бах! вылетел большой белый клуб дыма и туманом понесся по виноградным садам, за ним другой, третий... Часто застучали берданки лейб-казаков и с шипением и коротким свистом начали летать турецкие пули. Наша цепь стреляла метко. Хорошо была и артиллерия. В турецкой цепи огонь стал, как будто, ленивее. Тогда вылетел вперед генерального штаба полковник Паренсов, за ним 2-й взвод лейб-казачьего эскадрона, а дальше взвод 23-го полка. Они понеслись в атаку в конном строю, в колонне по три, по шоссе...

Турки бежали на следующую гору, по вершине которой у них были выкопаны окопы, занятые пехотой. Лейб-казаки и донцы 23-го и 30-го полков густыми цепями входили теперь в самое предместье города Ловчи. Кругом были раскиданы избышки, сараи, везде изгороди и сады. Отовсюду неприятель бил из ружей. Но под меткими выстрелами казаков турки отступали к своим окопам, в которые, взрывая землю черными столбами, били гранатами донские пушки. Жарко было, давно прошла пора обеда, морила жажда, но увлечение боя было так сильно, что казаки не замечали усталости. Лейб-казаки в тесноте садов уже не могли передавать лошадей коноводам и шли пешком, таща лошадей за чамбур и стреляя из-за коней. Горное эхо повторяло выстрелы, холмы затягивались белым дымом ружейной пальбы... Наступал час конной атаки. Полковник Жеребков приказал командиру эскадрона штабс-ротмистру Муратову посадить эскадрон и атаковать. Утомленные лошади сделали последнее усилие. За молодцами-офицерами лихо влетел 2-й эскадрон лейб-гвардии казачьего полка в турецкие окопы и поколол и порубил всех бывших там турок. Турки бросились в город.

Есаул Луизов со своими пушками карьером влетел на только что занятую лейб-казаками гору и оттуда частым огнем подогнал их. На плечах у турок ворвались в город Ловчу и лейб-казаки. Было шесть часов вечера. На измученных лошадях, бывших более суток под седлом, сделавших несколько утомительных атак, подходили лейб-казаки к городу. Их встретили болгары. Старики, женщины и дети, взрослые болгары-крестьяне обнимали и целовали казаков и их лошадей.

— Братушка, братушка! — говорили они и плакали от счастья быть избавленными от турок. Принесли кувшины свином и водой. Изнемогши от жажды, лейб-казаки и казаки 23-го и 30-го полков широкими глотками пили вино, лили воду на головы утомленных, измученных жарой лошадей.

И по загорелым и запыленным лицам казаков тоже текли горячие слезы умиления. Дорого далась эта победа, но и величайшее счастье доставила она казакам. Счастье, выше которого нет на свете: счастье видеть счастье других людей, своих ближних. Пройдя через Ловчу, казаки стали биваком и на другой день вернулись в Сельви.

За эту смелую и лихую атаку турецких укреплений под Ловчей и за занятие и самой Ловчи 2-я сотня лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка и по сей день носит на папахах змейки с надписью: "За Ловчу 5 июля 1877 года".

Разбросанные по отрядам и полкам, где полками, где отдельными сотнями, казаки всюду заслужили любовь и уважение начальников. В отряде генерала Дризенна находился 12-й полк, бывший под командой полковника Хрещатицкого. Этот полк отлично действовал лавою. Черкесы, против которых он стоял, никак не могли схватить казаков. Но и сами черкесы были неуловимы. Наконец, казаки рассердились и решили во что бы то ни стало подманить к себе черкесов. И вот, в лаве казаки отступали и при этом то один, то другой падали с лошади, точно раненый. Черкесы кидались за ними, чтобы захватить живьем, а в это время развертывалась широко лава и казаки били черкесов на выбор. Эти действия видел опытный и бывалый кавалерист генерал Дризен. Он подъехал к полковнику Хрещатицкому и сказал ему:

— Я в восторге от ваших казаков, полковник. Это истинные герои. Собралось было против ваших постов большое скопище черкесов. Донцы спешили и пошли на них в пашки. Но нужно было видеть, как пошли — львами! Стойко, смело, с увлечением!..

Да и как было казакам не действовать так, когда их командиры были с ними всегда впереди. В эту войну особенно

прославился генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Где был он, там была и победа. "Белый генерал" звали его солдаты, потому что в самом страшном огне он был в белом кителе и на белом коне. Не было человека храбрее его. И при нем постоянно находился донской офицер хорунжий Дукмасов.

Хорунжий Дукмасов первый с полусотней и саперными офицерами перешел Балканы. Находясь на Балканах, возвращался как-то Дукмасов с разведки. Вдруг видит: скачет генерал на белом коне.

— Здорово, ребята! — крикнул он казакам. — Кто офицер?

— Хорунжий Дукмасов, — ответил Дукмасов.

— Вы куда? — спросил генерал.

— В расположение полка.

— Вы молодцом действовали, — сказал генерал и подал Дукмасову руку. — Я начальник отряда, генерал Скобелев, и приказываю вам: идите назад, рассыптесь и подберите ночью раненых, а завтра донесете.

— Слушаю!

Дукмасов повернул коня, рассыпал казаков и приказал им ехать на стоны. А сам остался на поле, уже занимаемом турками, с трубачем. Всю ночь, не смыкая глаз, проработали казаки. Подобрали 450 человек раненых. Когда молодой офицер, на другой день утром, донес об этом Скобелеву, тот поблагодарил его и оставил при себе ординарцем.

6 августа турки в громадных силах начали наступление на наш отряд, стоявший на Шипкинском перевале. наших было два полка, Брянский и Орловский, пять болгарских дружин и 29 орудий, всего около 5-ти тысяч человек, а против них шла вся армия Сулеймана-паши, около 30-ти тысяч человек. Три дня оборонялись брянцы и орловцы. Люди падали не только от пуль и от ран, но и от утомления. Ни воды, ни пищи они не имели во все это время. Все артиллерийские снаряды были на исходе, оставалась одна картечь. Патронов было мало. Сулейман окружил Шипку со всех сторон. Во многих местах солдаты уже не отвечали на турецкий огонь, равнодушно лежа за камнями... Не было патронов!

11 августа бой начался с 6-ти часов утра и шел без перерыва до 6-ти часов вечера. Свист пуль слился в непрерывающийся вой, и уже никто не обращал на них внимания. Наступали последние минуты Шипки. И вдруг со стороны Габрова показалась какая-то странная конница. Казаки не казаки, а что-то небывалое. Длинная колонна неслась на выручку. Это были донцы 23-го полка полковника Бакланова. На каждой казачьей лошади сидело по два и по три стрелка 16-го

стрелкового батальона. Они прошли в один день 60 верст от Тырнова до Шипки. Изнемогшие от жары, от тяжелого похода в горах, стрелки, казалось, не могли больше двигаться. Вдали гремели выстрелы, бой был, как видно, отчаянный. На перевале стояли донцы.

— На выстрелы! — сказал генерал Радецкий и приказал стрелкам садиться на казачьих лошадях и нестись на выручку товарищам.

При виде свежих сил брянцы и орловцы воспрянули духом и штыками сбросили турок. Армия Сулеймана отошла, не сумев в трехдневном бою одолеть русских удальцов. И по теперешнее время в пехоте поют песню про эту выручку, прискакавшую на казачьих лошадях:

Как стрелочки прискакали
На казачьих лошадях,
Турки разом закричали
Свой Аман и свой Аллах!

Гремит слава трубой,
Мы дрались, турок, с тобой,
По горам твоим Балканским
Раздалась молва о нас!

На Шипку подошли подкрепления, и началось знаменитое Шипкинское сиденье. Войска наши не могли уйти с Шипки, за Балканы, пока не была взята Плевна. А Плевна не сдавалась!

30 августа начался страшный, кровопролитный штурм Плевны. Наша пехота показывала чудеса храбрости. Скобелев впереди густых пехотных цепей, верхом на белом коне, врывался на турецкие редуты. Со времен взятия Суворовым Измаила русские войска не выказывали еще такой храбрости, такой решимости победить или умереть. Рассыпанные между частями пехоты, донские казаки не отставали в храбрости от своих братьев русских солдат. Одно время, за туманом и дымом ружейной пальбы, не стало видно, где свои, где чужие, и наши пехотные части стали стрелять друг в друга. Бывший при пехотном начальнике 30-го полка казак Киреев был послан, чтобы остановить стрельбу. Киреев перекрестился и помчался под страшный перекрестный огонь. Пули свистали со всех сторон, но Бог спас смелого донца — ни одна пуля не задела его. Перекрестный огонь был прекращен...

В другом месте, один из пехотных начальников в 5-й дивизии, полковник Попов, был сильно контужен в ногу и не мог идти. Бывшие при нем казаки 34-го полка Филин, Жемчужнов и Семен Архипов бросились к нему и под сильным ружейным огнем вынесли своего начальника.

Мы заняли редут. Турки обливали его свинцовым дождем пуль. Держаться на нем не было возможности. Там царила смерть. И в это страшное место нужно было послать приказание. Скобелев послал хорунжего Дукмасова. Дукмасов вскочил верхом на самое опасное место и громко прочел приказание "Белого генерала" — умирать, но не сдавать редута. Только что он кончил читать приказание, под ним убили лошадь. Он соскочил с нее и тихо прошел под пулями на свое место. Точно смеялся над смертью. Его пример так подействовал на защитников, что турки взяли редут лишь тогда, когда последний его защитник, майор Горталов пал, пронзенный штыками.

Но наша храбрость разбилась о турок. Наши полки таяли. Мы потеряли 14000 убитыми и ранеными. Плевна не была взята. Тогда наши войска стали кругом Плевны и начали строить укрепления, чтобы взять Плевну, как берут крепости, постепенной атакой, приближаясь к ней по нарочно вырываемым все ближе и ближе рвам... Началась осада Плевны.

Осенью на Кавказе наши кавказские войска взяли Карс. Известие об этом ободрило наши войска. Загорелись сердца и здесь, на Балканах, и каждому солдату захотелось победы.

Осману-паше, запертому в Плевне, приходилось туго. Нечего было есть. И вот, он задумал уйти из Плевны. В сырой и туманный осенний день, 28 ноября, Осман-паша вышел, в надежде прорваться через наши войска. Но это ему не удалось, и он сдался. Мы взяли в плен 45000 человек, 10 пашей, около 2000 офицеров и 77 орудий.

После пленения Османа-паши, в студеную зиму мы начали поход за Балканы. Без полушубков и валенок, без теплой одежды, в рваных шинелях шли наши полки по ледяным кручам Балканских гор, мерзли во время метелей на каменистых пустынях и без стонов и жалоб совершали тяжелый переход с боем. По снегом занесенным ущельям рыскали казаки. На страшных кручах обрывались люди и лошади, падали в пропасти орудия, но войска шли и шли. Шли, да еще и песни пели:

Мы к Балканам подходили —
Нам сказали: — высоки!
Три часа их проходили
И сказали: — пустыки.

Гремит слава трубой,
Мы дрались, турок, с тобой,
По горам твоим Балканским —
Раздалась молва о нас!

Через Балканы наши войска пошли двумя отрядами: правый — генерала Скобелева, пошел из деревни Зелено Древо по горной тропинке на Иметли, и левый, под командой князя Святополка-Мирского, бывшего после войны долгое время войсковым наказным атаманом войска Донского, пошел по тропинке из Травны на Гузово.

В Рождественский сочельник выступили полки князя Святополка-Мирского. В тот же день они перевалили Балканы, и 26 декабря заняли Гузово. 27 декабря князь Святополк-Мирский занял с боя деревни Янину и Хаскию. За этими деревнями были высоты, занятые турками. Наши полки захватили передовые окопы и пошли дальше, и тут наткнулись на всю турецкую армию Вессель-паши. Начался упорный бой. Об отряде Скобелева не было ничего слышно, у князя Мирского в резерве оставалось только два батальона, а к туркам со стороны деревни Иени-Загры спешили сильные подкрепления.

У наших солдат не хватало патронов, и сухарей было всего на один день. Но князь Святополк-Мирский решил во что бы то ни стало держаться на занятых местах все 28-е декабря и поджидать Скобелева.

Что же делал в это время Скобелев?

На Рождество Скобелев достиг вершины Балкан, и 26 декабря начал спускаться к Иметли. Здесь нас ожидали турки. Батальон Казанского пехотного полка ушел слишком далеко и был отрезан и окружен турками. 100 человек турок взобрались на отвесную гору, бывшую над батальоном, и били, пользуясь закрытием, казанцев на выбор. Никто не решался пойти и выбить оттуда турок. Офицер, посланный Скобелевым, едва показался, как был ранен.

— Дукмасов! — крикнул Скобелев. — Возьмите молодцов и выбейте турок во что бы то ни стало!

Вся свита Скобелева смотрела и ждала, что сделает лихой офицер.

— Казаки, за мной! — крикнул Дукмасов.

Человек двадцать удальцов-донцов бросились за офицером и, как козы цепляясь за камни и кусты, взобрались на гору и погнались турок. Казанцы были спасены. Дорога на Иметли была очищена.

Тяжелая это была дорога! Не одна могила осталась на ней немой свидетельницей подвигов русских солдат и с ними их постоянных сподвижников — донских казаков.

Недаром и песня в войсках повелась:

Горные вершины, я вас увижу-ль вновь,
Балканские долины — кладбище удальцов!

28 декабря на выручку князю Святополку-Мирскому подошла подмога от генерала Радецкого, спустившегося с Шипки, и в тот же день со стороны Шейново показались Скобелев. Так, окруженный со всех сторон, турецкий главнокомандующий Вессель-паша принужден был сдать на Шипке. Мы взяли 25000 человек в плен, 6 знамен и 93 орудия. Остатки армии Сулеймана кинулись в Родопские горы. Преследовать их пошли казаки.

4 января 1878 года полковник Данило Краснов под Карагачем настиг турецкий отряд с 26-м донским полком и атакой в пики отбил 23 орудия. В то же почти время и 30-й донской полковника Митрофана Грекова полк имел славное дело под Караджиларом.

5 января 30-й полк двигался по направлению к Филиппополю. Был тихий морозный день. Пар густым туманом поднимался от лошадей, только что вернувшихся из разъезда. В колонне по шести двигались казаки, имея на фланге турок. Но турки не отваживались напасть на донцов. Они понимали, что одна команда — "Полк во фронт!" — и грозная стена склоненных пик понеслась бы на них!

Турки обстреливали колонну артиллерийским огнем, и тяжелые снаряды с воем перелетали через головы всадников. Впереди, в запорошенных снегом кустах действовала гвардейская пехота. Там уже взяли 12 орудий. Турки полезли на горы и рассыпались по ущелью. Начальник штаба приказал головной сотне преследовать их.

— Скачите и догоняйте!

Есаул Галдин и сотник Кудинцов первыми бросились в ущелье, и уже вдогонку им начальник штаба крикнул:

— Рысью, казачки!

Казаки по страшным обледенелым каменистым кручам, где из-за камней турки встретили их ружейным огнем, ворвались в ущелье и отбили еще два горных орудия...

После этого полк собрали, остановили на ночлег и здесь подполковник Греков получил от Скобелева приказание 6 января на рассвете идти к городу Станимаку. Болгары говорили, что туда пошел сам Сулейман с сорока орудиями.

Чуть свет 30-й полк пошел в Родопские горы. Шли целый день... Никого... Под вечер где-то впереди вспыхнула деревня. Туда поскакало два разъезда, есаула Шарова и есаула Поздеева. Шаров догнал турецкий обоз, изрубил прикрытие, а обоз доставил в отряд. Между тем, настала ночь, и казаки заночсвали, опять не расседывая. Еще задолго до рассвета, 7 января, тронулись дальше. Вдруг, впереди засветились огни.

— Вероятно, братушки овец стерегут, — сказал Греков.

— Нет, полковник, — проговорил Грузинов, — это не братушки. Это турецкие войска костры кладут.

Послали войскового старшину Антонова узнать в чем дело.

Начало светать. Антонов донес, что два батальона турецкой пехоты с орудиями выходят из деревни Караджилар. Генерал Скобелев приказал 30-му полку догнать и взять орудия.

Как только казаки вскочили на гору, они увидели не одну, а две колонны, которые, как видно, хотели соединиться у Караджилара. 6-я сотня войскового старшины Антонова понеслась к деревне. Турки начали сдаваться. Казаки 30-го полка взяли 53 орудия и 200 пленных. Убито было до 600 человек. У нас был убит вахмистр, ранено два казака и убито семь лошадей. Наши потери были малы потому, что действовали по завету Платова: не задерживались стрельбой, но лихо атаквали в пики.

Скобелев прислал полку одну строчку: "Исполать вам, мои добрые молодцы!"

За это дело 30-й полк получил Георгиевское знамя с надписью: "За Шипку, Ловчу, двукратный переход через Балканы и взятие 50 орудий при Караджиларе в 1877—1878 годах".

Лихой это был полк! Его командир полковник Греков и командир 2-й сотни есаул Галдин были украшены георгиевскими крестами и 280 казаков полка имели знаки отличия Военного ордена...

Турки отступали повсюду. Они чувствовали, что не в силах бороться с русскими войсками, и по мере того, как их силы ослабевали, смелость и отчаянная дерзость наших становились необычайны.

7 января 1878 года л.-гв. 6-й донской батарееи вахмистр Аведиков шел с батарейным обозом, охраняя с 4-мя казаками повозки, в которых было около 9000 рублей казенных денег. В деревне Дербент казаки выкормили лошадей и хотели трогаться дальше, когда болгары предупредили казаков, что правее деревни идут турки, человек шестьдесят, да кроме того, верстах в двух влево находятся башибузуки, а впереди, в версте, стоит турецкий батальон. Таким образом, казаки оказались совершенно окруженными. Нужно было во что бы то ни стало спасти обоз, а главное, казенные суммы, и не допустить турок до деревни, чтобы они не узнали, как мало находится казаков в прикрытии. Аведиков живо обдумал, как действовать: он приказал 4-м обозным сесть на пристяжных лошадей и, обскакавши деревню, показаться сзади турок, а сам с 4-мя казаками понесся прямо на турок.

Турки дали два залпа. Но руки у них тряслись, было холодно, патроны валились из пальцев, и никто из казаков не был ни тронут, ни задет. Подскакав к неприятелю по полю, запорошенному снегом, Аведиков и молодцы-артиллеристы

выхватили револьверы и убили из них двух турок. Наскочивши на турок, Аведиков заставил их положить оружие. Турки, слыша крики сзади и видя скачущих людей — наших обозных, — думали, что там идет большое подкрепление, и сдались. Казаки отобрали у них оружие, быстро запрягли лошадей и пошли с пленными по дороге, торопясь уйти от башибузуков и батальона пехоты, который мог каждую минуту их настигнуть. В скором времени Аведиков встретил нашу гвардейскую конницу, которой и сдал пленных 50 человек и доложил о всем происшедшем. За этот геройский подвиг вахмистр удостоился получить знак отличия Военного ордена 3-й степени, а впоследствии был произведен в офицеры, а казаки Дорошев, Холодков, Овчаров и Крылов получили знаки отличия Военного ордена 4-й степени.

Л.-гв. Атаманский полк находился во все время войны в Рущукском отряде, бывшем под командою Государя Наследника Цесаревича. Этот отряд был назначен для наблюдения за турецкими войсками, запершимися в крепостях. Государь Наследник был очень доволен службой полка, которая вся состояла в тяжелой охране отряда на передовых постах.

Государь Наследник, прощаясь с полком, изволил сказать: — Служба ваша была хотя и не видная, но тяжелая!

Между тем, рассеявшиеся войска Сулеймана-паши уже не могли сдерживать победоносного шествия наших войск к заветному Царьграду. 8 января 1878 года наши войска заняли без выстрела Адрианополь, в феврале они уже были под стенами Константинополя и Сан-Стефано. Турки просили мира. За них вступились англичане, и Император Александр II согласился на мир. 19 февраля 1878 года, в годовщину освобождения русских крестьян, наш Государь даровал свободу болгарскому народу. Мы взяли себе небольшой кусок земли у Дуная и на Кавказе города Карс и Батуми.

С тех пор прошло 30 лет. За эти тридцать лет освобожденная русскими войсками Болгария выросла и стала процветать. В 1908 году она объявила себя самостоятельным царством. Но память о Русском Государе Александре II свято живет в болгарском народе. По всей стране, в больших и малых городах поставлены памятники Русскому Императору Александру II и над могилами наших солдат в Плевне, на Шипке и в других местах воздвигнуты богатые памятники. Свято чтут благодарные болгары русское имя.

Государь Император не забыл честной и славной службы Донского войска в эту войну. К длинной веренице славных знамен, жалованных Государями и Царями войску Донскому,

прибавилось новое Георгиевское знамя с надписью: "За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов".

Полки лейб-гвардии Атаманский и лейб-гвардии 6-я донская батарея за войну получили права старой гвардии. Полки N 31, 36, 37 и 39 пожалованы георгиевскими штандартами. Георгиевские знамена получили полки 26-й за Балканы, 29-й за Браилов и 30-й за Балканы, донские батареи 6-я, 8-я и 9-я получили георгиевские трубы.

Со славою и почетом вернулись на Дон казаки. Было что им порассказать о славной Турецкой войне за свободу родных своих братьев-славян.

22. С 1878 года по 1904 год

После Русско-турецкой войны в продолжение 26 лет Российское государство пользовалось миром и тишиной. Отдохнули казаки, обстроился Дон, расширились и разукрасились станицы, вырос и разбогател Новочеркасск. Много труда было приложено войсковым наказным атаманом князем Святополком-Мирским на украшение города Новочеркаска и на улучшение жизни казачьей. Он вступил в управление войском в 1881 году. Когда он приехал в Новочеркасск, столбы пыли свободно носились по улицам, солнце летом так накаляло стены домов, что на улицах невозможно было дышать, кроме Александровского и Ботанического сада во всем Новочеркасске не было зелени. Он приказал засаживать улицы вдоль домов пирамидальными тополями. Жители Новочеркаска отнеслись сначала к его приказанию с неудовольствием. На Дону есть примета, что тополь приносит несчастье, но примета не оправдалась. Сначала по ночам ломали и вырывали вновь посаженные деревья, но атаман настойчиво требовал новой посадки и добился своего. Прошло несколько лет. Все улицы обросли прекрасными тополями, явилось спасение от жары в тени их, и пыль не стала так невозбранно влетать в дома.

Забываясь о том, чтобы офицерам было место, где провести свободный вечер, атаман князь Святополк-Мирский устроил в Новочеркасске великолепное военное собрание. При нем в городе стали постоянно играть на театре различные представления, при нем город Новочеркасск стал одним из лучших городов Российского государства.

В то же время и в самом войске Донском, во внутреннем его управлении и в жизни казаков произошли большие перемены.

1-го марта 1881 года в городе С.-Петербурге рукой злодеев был убит Царь-Освободитель Император Александр II. Государь, даровавший столько блага своему народу, свято чтимый освобожденными им болгарами, Государь, за которого

охотно отдали бы жизнь миллионы его верноподданных, погиб от руки убийц в своей столице! Ужас и печаль охватили всю Русскую землю и отозвались и на Дону. Тот Государь, которого донцы видели у себя Наследником, которого чтили, как атамана, а потом, как Государя, которого так обожали — погиб от святотатственной руки злодеев!

Не верилось казакам, чтобы на Руси могли быть такие злодеи. Гневно сжимались руки старых донцов, и жалели они, что не погибли там, на Балканах и на Дунае, за своего Царя, по крайней мере, не знали бы и не слышали про такой ужас и позор.

На престол всероссийский вступил Государь Император Александр III Александрович и, 2-го марта 1881 года, Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич Николай Александрович был назначен Атаманом всех казачьих войск.

Государь Император Александр III, выдавший службу донцов на войне в 1877—1878 годах и сохранивший хорошие воспоминания о посещении Дона в 1869, 1870 и 1872 годах, весьма был озабочен тем, чтобы помочь донскому казаку в его домашней жизни и сделать так, чтобы казак мог исправно отбывать воинскую повинность. На Дону в это время по станицам творилось много нехорошего. Среди степенных, достойных казаков, свято чтивших старые боевые казачьи обычаи и обряды, гордившихся честным званием казака и бережно хранивших войсковой мундир, по станицам стали появляться пьяницы-пиджачники, променявшие воснную одежду дедов на немецкий пиджак. Бог весть откуда, из какого трактира или кабака занеслась на Дон безобразная песня пропившихся фабричных. Стало можно слышать на Дону и "Конфетку", и "Последний нынешний денечек" — позорную песню о тоске при отправлении на службу. Между тем, станичные дела, выборы атаманов, по-прежнему, решались всей станицей. И вот, эти пиджачники, пропившие казачье звание, горланили на сходах, пьянствовали и буйствовали. На службу начали являться казаки неряшливо и грязно одетые, стариков не слушали. Вместо голосов разумных казаков слышались крики толпы. Для того, чтобы можно было в станицах на сходах заниматься серьезно делами, а не говорить "пусты речи и слова", в 1891 году было введено новое Положение об управлении станиц, которое действует и сейчас.

В станичных сборах участвует теперь не вся станица, а выборные от десяти дворов и менее по одному. Казаки, не достигшие 26-летнего возраста, в станичных сборах совсем не участвуют. В этом Положении уже подробно были указаны все права станичных сборов.

В 1884 году, к уже бывшим в войске семи округам: Черкасскому, 1-му Донскому, 2-му Донскому, Донецкому, Усть-Медведицкому, Хоперскому и Миусскому, был прибавлен еще Сальский округ, а в 1887 году еще добавлены были и Таганрогский и Ростовский округа. Таганрог раньше существовал совершенно отдельно, а Ростов был городом Ростовского уезда Екатеринославской губернии. Миусский округ и часть Черкасского пошли на образование этих новых округов. Таким образом, войско Донское разбилось на девять округов.

После войны число казачьих полков 1-й очереди было сокращено до 15-ти, а потом добавлено еще два полка и установлено содержать в мирное время 17 полков и 6 отдельных конных сотен. Из них 9 полков входят в состав кавалерийских дивизий, 2 состоят отдельно, 4 составляют 1-ю донскую казачью дивизию и 2 входят в состав сводной казачьей дивизии. В 1890 году издано было запрещение казакам продавать своих лошадей при уходе со службы. Раньше, при отправлении сменной команды домой казаки распродала своих лошадей. Сразу на конном рынке появлялось много продажных лошадей, цены на них сбивали и казаки задешево отдавали своего верного боевого товарища, шли домой без лошади, и потом им не на чем уже было служить. Дон беднел лошадьми.

За это время было учреждено много учебных заведений и школ по Дону. Для воспитания детей казачьих офицеров был учрежден в 1883 году в Новочеркасске Донской кадетский корпус — гордость Донского войска. За 25 лет своего существования корпус дал войску Донскому 975 образованных честных тружеников на пользу Донского войска. Первым директором корпуса был генерал-майор Илларион Михайлович Левачев. Много бывших учеников этого корпуса впоследствии приняло с честью участие в Китайской и Японской войнах. Многие получили там раны. Сын директора и воспитанник Донского корпуса капитан Левачев заслужил и величайшую боевую награду — орден св. Георгия Победоносца 4-й степени, а сотник Сладков и поручики Молодченко и Карпов нашли славную смерть на полях далекой Маньчжурии.

Через три года после основания корпуса, в 1886 году, были устроены в Новочеркасске военно-ремесленная школа и Атаманское техническое училище.

В 1890 году в С.-Петербурге при Николаевском кавалерийском училище была собрана сотня юнкеров всех казачьих войск. Большую часть ее составили донцы, и, главным образом, воспитанники Донского кадетского

корпуса. Первым командиром этой казачьей сотни был донской офицер, войсковой старшина Дьяков. Во время царствования Императора Александра III и в нынешнее царствование Государя Императора Николая II Александровича среди донских казаков выдвинулось много способных, талантливых людей, посвятивших свои труды на развитие науки и искусства. Появились донские ученые. Среди них видное место заняли ученые, знатоки статистики*, профессора Номикосов, Золотарев и Николай Краснов. Затем были ученые: профессор науки, изучающей горное дело, Мушкетов и земледелия — Андрей Краснов, знаменитый доктор, начальник военно-медицинской академии, профессор Пашутин и лейб-медик Попов. Многие донцы прославили свое имя как стихотворцы. Отличные стихи писали о донской старине Леонов и Туроверов, много стихов написали Себрякова, Платон Краснов и Сулин; другие донцы отличились в музыке: оперы и музыкальные пьесы, известные всей России, писал Курмоярской станицы казак Сергей Траилин (сын полковника и офицер л.-гв. Казачьего Его Величества полка); два донских казака, Власов и Ершов, известны, как отличные оперные певцы. Появились на Дону художники — Дубовской, Николай Карпов и Краснушкина. Немало стало и писателей на Дону, и в числе их стали известны А.А. Карасев и Николай Краснов.

На Дону, вместо одной газеты, издавалось несколько. "Донские Областные Ведомости" были газетой, издаваемой от казны, но, кроме них, в Новочеркасске выходила "Донская Речь", в Ростове — громадный "Приазовский Край" и в Таганроге — "Таганрогские Ведомости", а Ф. К. Траилин издавал сборники под названием "Часовой".

Для изучения Донского края на Дону составился Статистический комитет войска Донского, который усердно занялся изучением донской старины и Донского края и начал выпускать труды свои отдельными книжками. В Новочеркасске открыли "Донской музей", куда стали собирать донскую старину, немых свидетелей славы казачьей.

Донские казаки стали занимать высокие места в русских войсках: генералы Кульгачев, Дукмасов, Леонов и Хрещатицкий стояли во главе корпусов. В 1905 году донской казак генерал Хрещатицкий был назначен командующим войсками Приамурского военного округа, а в 1908 году последовало назначение донского казака генерала Михеева, бывшего начальником всей артиллерии Маньчжурских армий

* Статистика — это наука, изучающая жизнь страны путем сосчитывания, что в ней есть, сколько людей, лошадей, скота, что страна производит и чем торгует, богата она или бедна.

во время войны с Японией, на должность атамана Терского казачьего войска.

Много донских офицеров служило в Генеральном Штабе.

За Богом молитва, за Царем служба не пропадали, и донцы не закапывали данных им от Господа талантов, но приумножали их и радовали своею службой Государей.

В мае 1887 года войско Донское было осчастливлено посещением Их Императорских Величеств Государя Императора Александра III Александровича и Государыни Императрицы Марии Феодоровны с Их Императорскими Высочествами Наследником Цесаревичем и Великим Князем Николаем Александровичем и Великим Князем Георгием Александровичем.

5 мая Их величества проследовали через станцию "Чертково" Юго-Восточной дороги, где были встречены войсковым наказным атаманом князем Святополком-Мирским. В 6 часов вечера, в чудный майский день, Их Величества прибыли в Новочеркасск. Государь Император, Государь Наследник и Великий Князь изволили сесть на коней и верхом въезжать в Новочеркасск, а Императрица изволила ехать в коляске, запряженной четверкой снежно-белых лошадей. В начале бульвара была устроена громадная арка, украшенная Государственным гербом и гербом войска Донского. Эти гербы были окружены оружием, шашками, пиками и ружьями. На арке были сделаны надписи: "Да хранит Тебя Господь, Великий Государь!"; "На славу Царства и в страх врагам"; "Новочеркасская 1-я станица" и "Новочеркасская 2-я станица".

Здесь ожидали Государя старослужилые казаки, станичные атаманы и воспитанники и воспитанницы учебных заведений. У собора Государь Император сошел с коня, и встреченный митрополитом Киевским Платоном, бывшим раньше в Новочеркасске, и архиепископом донским Митрофаном, прошел в собор, где было совершено молебствие.

Их Величества изволили остановиться в атаманском доме.

6 мая состоялся войсковой круг. На кругу, в присутствии Их Величеств, прочитана была вновь пожалованная войску Донскому грамота. По окончании чтения ес Государь Император повторил слова своей грамоты и вручил Наследнику Цесаревичу пернач, знак достоинства атамана всех казачьих войск. После этого торжества Их Величества отбыли во дворец. Подле дворца, на площадке был накрыт завтрак для всех станичных атаманов, стариков-казаков и волостных старшин. Его Величество, взяв чарку, провозгласил здоровье Атамана всех казачьих войск. Оглушительное, восторженное "Ура!" загремело в ответ.

Государь обошел казаков и милостиво беседовал со многими георгиевскими кавалерами и старослужилыми донцами. Среди них был казак 1812 года, получивший георгиевский крест в Турецкую войну 1828 года.

В 2 часа дня, после завтрака, Их Величества изволили присутствовать на закладке здания для Мариинского донского института благородных девиц, а потом посетили Мариинскую женскую и Новочеркасскую мужскую гимназии и Новочеркасскую военно-ремесленную школу. Здесь преподаватели шорного и седельного мастерства, урядники Устинов и Улиткин, поднесли Его Величеству и Наследнику Цесаревичу — Устинов — два охотничьих седла, а Улиткин — две прекрасных щепы из лучшего донского луганского карагача без всяких склеск, весом по 3 фунта каждая.

На другой день, 7 мая, у Краснокутской роши против кадетского корпуса происходил Высочайший смотр казачьим частям. На смотр Государю представлялись: юнкерское училище, 12-й донской казачий полк, полк малолеток, еще не отбывавший службы, два полка мальчиков-подростков от 12 до 14-ти лет и одна льготная батарея.

Молодцами представлялись Государю казаки, но особенно молодецкаты были мальчишки-донцы. Матери-казачки вышили своим сыновьям знамя из голубой шелковой материи. Лихо прошли дети мимо Государя. Государь благодарил их. Лихие казаки хотели показать и джигитовку, но Государыня Императрица не пожелала подвергнуть детей опасности разбиться, и джигитовка была оставлена. С песнями, сотня за сотней, разошлись мальчишки с парада.

После парада Государь Император посетил калмыцкий хурул, а потом проехал в Донской кадетский корпус, в дом торговых казаков, в Новочеркасское юнкерское училище, Мариинский институт, Новочеркасскую учительскую семинарию и Донскую духовную семинарию.

После завтрака, на который были удостоены приглашения все офицеры, бывшие на параде, Его Величество удостоил многих из офицеров разговором. Государь расспрашивал войсковых старшин, командовавших полками мальчиков, Ф. Ф. Абрамова и В. П. Нефедова, когда и где успевают мальчишки изучать езду и научиться строю.

— Лихо ездить на коне казачьи дети учатся с самого раннего возраста, верхом на камышинках, — сказал генерал-майор Поляков.

— У каждого из них деды, отцы и братья домашние инструкторы, — добавил Ф. Ф. Абрамов.

Государь изволил выразить свое удовольствие, что езда и строй не падают в казачьих семьях, и сказал, что Государыня была тронута видом мальчиков до слез.

Всем мальчикам, участвовавшим на Высочайшем смотре, пожаловано по серебряному рублю, с изображением Его Величества, чеканки 1886 года. Эти рубли отцы и дети их приняли и хранили, как святыню.

7 мая вечером Их Величества отбыли из Новочеркаска. Дул сильный ветер и гнал пыль. Но это не остановило ни жителей, ни институток, ни детей проводить дорогих гостей до самого вагона.

Больше не пришлось донским казакам увидеть у себя в гостях Государя Императора Александра III. В 1894 году Государь Император скончался в Ливадии, в Крыму, и на престол вступил Государь Император Николай II Александрович.

В 1896 году, 19 июля, город Азов торжественно отпраздновал 200-летие взятия его от турок войсками Петра Великого при участии донских казаков, бывших под начальством своего атамана Фрола Минаева.

В следующем, 1897 году, маленькой горсти донских казаков пришлось побывать и служить на охране нашего посольства в стране, где еще ни разу донские казаки не бывали: в царстве Абиссинского царя-негра Менелика, в Африке. Первоначально в конвое при посольстве было 17 казаков при одном офицере, 14 от гвардейских казачьих полков и батарей и 3 от л.-гв. Уральской сотни. Потом эту службу начали нести донские казаки донского казачьего № 8 полка. В 1898 году казаки л.-гв. Атаманского полка Архипов и л.-гв. 6-й донской Его Величества батареи Щедров сопровождали генерального штаба полковника Артамонова в трудном путешествии к реке Нилу. Они шли вместе с абиссинскими войсками и храбростью и неутомимостью своєю обратили на себя внимание отчаянно храбрых абиссинцев.

Между тем, народонаселение войска Донского сильно увеличивалось. В некоторых местах явилась земельная теснота. Понадобилась другая обработка земли, больше труда нужно стало вкладывать в землю, чтобы получить тот же доход. Не все казаки умели трудиться... Раз или два хватил по войску неурожай, появился голод. Этого раньше никогда не бывало на Дону. Казаки получали вспомоществование... Эти несчастья отозвались на всем хозяйстве казаков. Все меньше и меньше становилось у казаков доморощенных славных коней, которыми справедливо гордились их отцы и деды. При выходе на службу казаки стали покупать лошадей. Цены на них росли, и казакам тяжело стало собираться на службу.

Государь Император, в непрерывных заботах своих о донских казаках, два раза посылал своих генералов узнавать нужды казаков. Сначала объехал войско Донское

генерал-лейтенант Маслаковец, потом, в 1900 году, проехал по войску тогдашний военный министр генерал Куропаткин. По их докладу Государь повелеть соизволил выдавать казакам при снаряжении на службу 100 рублей в пособие на покупку лошади.

Однако, и среди мирных забот и трудов воинский дух казаков не ослабевал и не падал. Когда на охрану железной дороги, которую мы проводили через Маньчжурию от границы Забайкальского казачьего войска до городов Владивостока и Порт-Артура через китайскую землю Маньчжурию, понадобились опытные и смелые солдаты, которые могли бы жить в чужой стороне среди постоянной опасности, много удалых донцов поступило в сотни охранной стражи Китайской-Восточной железной дороги. Во время войны с Китаем, в 1900 году, эти сотни действовали с отчаянной храбростью и поддержали честное имя донского казака. Донские сотни считались одними из лучших в смелом передовом отряде охранной стражи.

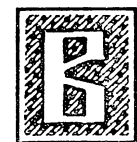

23. Участие донцов в русско-японской войне.

Лидиантунь. Набег на Инкоо. Сандепу

1904—1905 гг.

1850 году, в царствование императора Николая I Павловича, русские корабли прошли к устью реки Амур, протекающей на далеком востоке, разведали, что Сахалин — остров, а не полуостров, как думали до той поры, открыли богатый лесной край на реке Уссури и, на берегу Великого океана, в удобном для стоянки кораблей месте заложили город, который назвали Владивостоком, т.е. "владей востоком". Когда донесли об этом императору Николаю Павловичу, он сказал: "Где раз поднят русский флаг — он никогда не должен опускаться". Переговорили с китайцами, нашими соседями на Дальнем Востоке; они признали наше приобретение, и новый край начал заселяться. Образовали новые казачьи войска — Амурское из забайкальских казаков и крестьян, а в сравнительно недавнее время стали заселять и реку Уссури и образовали Уссурийское казачье войско. На образование этого войска с 1895 года по 1901 год было переселено из области войска Донского 338 семей, составивших главное основание Уссурийскому войску. Таким образом, уссурийские казаки являются нам, донцам, единокровными братьями. На их долю вскоре пришлось вынести две тяжелые войны — с китайцами в 1900 году и с японцами в 1904—1905 годах.

В те времена, когда русские занимали устья реки Амур и строили город Владивосток, японцы, жившие на островах в расстоянии двух дней пути морем на пароходе, были полудиким народом, очень напоминавшим китайцев. Трудлюбивые, способные, отличные земледельцы и рыбаки, они жили замкнуто, никого из иностранцев не пускали внутрь страны, и ни мы, ни другие европейские народы ничего не знали про Японию и считали ее слабым, незначительным государством. Но вот, незадолго до того времени, когда мы вели войну с турками 1877 года, японцы широко распахнули двери своей страны, стали приглашать к себе учителей —

немцев, англичан и американцев, устроили свое войско по европейскому образцу, не жалея денег, строили военные корабли, ружейные и пушечные заводы, учили своих детей любви к родине, внушали им, что нет ничего выше и лучше, как смерть на поле битвы за отечество; главное внимание, наибольшие средства отпускали на войско, на солдат. В 1895 году они начали войну с китайцами. Они хотели отвоевать у китайцев земли на Азиатском материке, укрепиться в Маньчжурии. Японцы разбили китайцев на реке Ялу, победоносно прошли к Хайчену и Ляояну, захватили всю южную Маньчжурию, истребили китайские корабли, грозили захватить саму столицу Китая — Пекин. В такие тяжелые минуты китайцы обратились за помощью к своему старому соседу, с которым они жили более двухсот лет в мире, — к России. По миру, который заключили японцы с Китаем, они не получили ни клочка земли в Азии. Их победоносное войско должно было уйти из Маньчжурии не солоно хлебавши, русские же, за помощь Китаю во время переговоров, получили маленький кусочек земли на самой окраине Дальнего Востока, на Квантунском полуострове, с крепостью Порт-Артуром.

Этого японцы не могли простить русским. С этого времени они возненавидели русских, усиленно начали готовиться к войне и к мести. "Какая самая высшая доблесть? Убить русского, убить десять русских!" — так учили маленьких детей в японских школах, так пели им матери. "Смерть за императора — величайшее счастье для японца", — говорили им их няни, их учителя, пели их девушки. Они воспитывали суровых воинов, не боявшихся ни смерти, ни ран, ни увечий. Десять лет готовились они к войне. Они посылали своих лазутчиков и шпионов по всей России. В городах Дальнего Востока, во Владивостоке, Порт-Артуре, занятом русскими войсками китайском городе Гирине, в Харбине, Благовещенске и Хабаровске, везде были японцы. Фотографы, прачки, мелкие торговцы, портные, продавцы офицерских вещей — все были японцы, и среди них много переодетых японских офицеров. Японские офицеры ездили в Москву, в Петербург, были на Дону. Они все высматривали и ждали удобного времени, чтобы напасть на нас.

В России как-то не верили, что маленькая Япония осмелится напасть на великую Россию, и занимались мирными делами. Мы заканчивали великий Сибирский путь, на протяжении 10 тысяч верст, от Москвы до Порт-Артура, долженствовавший связать Россию с государствами Дальнего Востока и Америкой, мы устраивали промышленные предприятия, занимаясь разработкой лесных богатств по реке Ялу в граничащей с нами стране Корее.

Японцы потребовали, чтобы мы убрали свои войска из Кореи и из Маньчжурии. Мы не исполнили их требования. Они потребовали настойчиво, мы опять им не ответили.

И вот, 27 января 1904 года, без предварительного объявления войны, как это принято во всех европейских государствах, в то время, когда японские офицеры, жившие в Петербурге, и вида не показывали, что война началась, японцы тайно, ночью, напали на наши корабли, стоявшие в море у Порт-Артура, и повредили некоторые из них своими минами.

Война началась.

Велико было возмущение всего русского народа перед таким коварным и подлым поступком. По всем городам пошли собираться люди, пели торжественный русский гимн, и добровольцы стремились на войну, на Дальний Восток. Были такие и с Дона. Много донских казаков пошло тогда в Забайкальскую дивизию генерала Мищенко, многие донские офицеры просили о переводе на Дальний Восток в полки сибирские, забайкальские и уссурийские. Одним из наиболее отличавшихся в эту войну забайкальских казачьих полков — 1-м Читинским полком — командовал донец, полковник Георгий Андреевич Павлов, бывший раньше командиром сотни юнкеров Новочеркасского училища.

Для нас война была очень тяжка. На Дальнем Востоке войск почти не было, укрепления Порт-Артура еще не были закончены, все боевые припасы, продовольствие, людсеи и лошадей мы должны были везти по однокорейному пути, на протяжении 10000 верст. Наши полки по сорок дней были в дороге, прежде чем достигали китайского городка Ляояна, где собиралась наша армия. Командовать этой армией был назначен генерал-адъютант Куропаткин.

Японцам для подвоза войск и припасов нужно было всего два дня пути. Скоро они начали высаживать громадную армию в Корею; другая армия высаживалась у Порт-Артура, и третья, высадившись вместе со второй, шла с юга. Россия безостановочно посылала войска, готовясь задержать противника и не допустить его овладеть железной дорогой. Вся война велась на китайской земле, в Маньчжурии. Первые выстрелы, раздавшиеся по японским сухопутным войскам, были сделаны из казачьего ружья. Забайкальцы и уссурийцы под начальством генерала Мищенко встретили японцев в Корею. Вслед за забайкальскими казаками шли на Дальний Восток сибирские казаки, выставившие дивизию, бывшую впоследствии под начальством генерал-лейтенанта Александра Васильевича Самсонова; за сибиряками пришли на войну оренбуржцы, потом уральцы...

Наконец, Государю Императору угодно было выслушать желание донцов пролить кровь за славу России, не остаться без участия и в этой войне. Войску Донскому повелено было выставить в Маньчжурскую армию одну дивизию из полков второй очереди.

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв Монарха он...

Станицы Верхне-Каргальская, Романовская, Кумшацкая, Цымлянская, Терновская, Филипповская, Баклановская, Чертковская, Нижне-Курмоярская, Иловайская и Кутейниковская выставили 19-й донской казачий полк под начальством войскового старшины Пахомова.

Станицы Грушевская, Кривянская, Новочеркасская, Аксайская, Александровская, Ольгинская, Гниловская, Хомутовская, Кагальницкая, Мечетинская и Владимирская составили 24-й донской казачий полк под начальством войскового старшины Попова.

Станицы Раздорская-на-Дону, Кочетовская, Нижне-Кундрюцкая, Екатерининская, Усть-Быстрианская и Великокняжеская дали 25-й донской казачий полк под начальством полковника Медведева.

Станицы Семикаракорская, Золотовская, Константиновская, Богоявленская, Николаевская, Мариинская, Камышевская, Ермаковская, Денисовская и Платовская составили 26-й донской казачий полк под начальством войскового старшины Багасва.

К этой — 4-й Донской казачьей дивизии — были назначены 2-я и 3-я донские казачьи батареи под начальством полковника Кузнецова, находившиеся под городом Чугуевом.

Дивизией командовал генерал-лейтенант Телешов, бригадами — генерал-майоры Стоянов и Абрамов.

Спешно и радостно собирались казаки на войну. Как в старину, во времена набегов и босвых поисков, богатые казаки помогали бедным, снабжали их одеждой и оружием, так и теперь всякий стремился помочь казакам, идущим в поход. Донские коннозаводчики подарили неимущим казакам лошадей, по 60 на полк, всякий жертвовал кто чем мог, и дивизия снарядилась на славу.

Вскоре по Дону пронеслась радостная весть: Государь Император изволил пожаловать на Тихий Дон проводить молодцов-станичников.

16-го августа 1904 года войско Донское было осчастливлено царскою милостью: на Дон прибыл Его Императорское Величество Государь Император, встреченный войсковым

наказным атаманом генерал-адъютантом Константином Клавдиевичем Максимовичем. В 10 часов утра 16 августа к железнодорожной площадке, построенной у артиллерийского лагеря донской артиллерии близ Персияновки, подошел императорский поезд. Государь Император с Их Императорскими Высочествами Великими Князьями Михаилом Александровичем и Николаем Николаевичем по выходе из вагона изволил подойти к представителям войска Донского и депутациям, выстроившимся на площадке. Приняв хлеб-соль от представителей Донского войска, донского дворянства и торгового общества, Государь Император изволил сесть на донского коня и поехать к фронту дивизии. Войска были построены в две линии. В первой стояли 19-й, 24-й и 25-й полки, во второй — 26-й полк, 3-й артиллерийский дивизион и санитарный отряд Красного Креста, составленный на добровольные пожертвования войска Донского.

Сзади них стояли кадеты Донского Императора Александра III кадетского корпуса и воспитанники Новочеркасских гимназий и реального училища.

Объехав войска и толпу народа, состоявшую из станичных и хуторских атаманов, казаков и казачек, Государь Император изволил остановиться у полотна железной дороги против лагерной церкви и здесь пропустил мимо себя казаков шагом и рысью. После церемониального марша Государь Император изволил вызвать вперед офицеров и обратился к ним с высокомиловидными напутственными словами, в которых изволил высказать, что во всех войнах, какие вело наше отечество, донские казаки принимали деятельное участие. Поэтому, чтобы и теперь дать возможность участвовать в настоящей тяжелой войне, Его Величество повелел призвать одну из льготных дивизий. Выразив затем свое удовольствие, что войско Донское так охотно откликнулось на призыв Его Величества и что сбор дивизии совершился с такою быстротой и тщательностью, Государь Император высказал уверенность, что отправляемая на Дальний Восток дивизия и ныне поддержит старую боевую славу донских казаков. Затем Его Величество благодарил казаков за прежнюю службу и пожелал возвратиться целыми и невредимыми на родину.

После этого Государь Император изволил подъезжать к каждому полку и батарее и, останавливаясь у полковых знамен, благословлял полки и батареи св. иконами Нерукотворного Спаса и св. Николая Чудотворца от имени Государыни Императрицы Александры Феодоровны и своего.

После благословения святыми иконами и передачи их командирам полков и батарей, Его Величество еще раз

объехал шагом все части дивизии и в милостивых словах напутствовал их в поход. После этого Государь Император направился вдоль фронта санитарного отряда Красного Креста, кадет кадетского корпуса, воспитанников гимназий и реального училища. Затем Его Величество изволил возвратиться к площадке, сошел с коня и, простившись с представителями войска Донского и народом, пошел к вагонам императорского поезда. Поезд медленно тронулся в путь. Кругом по степи звучало громкое, несмолкаемое "Ура". Сотни казаков неслись вдоль железной дороги, то обгоняя поезд, то отставая от него. Одиночные казаки лихо джигитовали вдоль пути... Но вот поезд надал хода, надали хода и казаки. С лихой джигитовкой казаки 5-й отдельной сотни и близлежащих станиц провожали царский поезд до самой станции Зверевево...

На другой день после царского смотра началась посадка казаков на поезда и отправление их на Дальний Восток. Первым, 17-го августа, тронулся санитарный отряд войска Донского.

Весь длинный путь до Мукдена в полках и в дороге, и на остановках шли занятия. На остановках занимались прикладкой, стрельбой; учились рубке на прутьях в лесах сибирской тайги, в вагонах проходили устав полевой службы, говорили о войне и о японцах...

В те самые августовские дни 1904 года, когда Государь Император изволил посмотреть полки донской дивизии в Персияновке, на Дальнем Востоке началось решительное сражение между армиями генерала Куропаткина и японскими армиями маршала Ойямы. 17-го, 18-го и 19-го августа наши войска отбили под Ляояном страшные стремительные атаки японцев. До 15-ти тысяч убитых было потеряно нашими войсками, но они не поколебались. 20-го августа начал обнаруживаться обход нашего левого фланга японской армией генерала Куроки, и генерал Куропаткин приказал отступать от Ляояна.

В полном порядке, прикрываемые сибирскими казаками, отчаянно дравшимися под командою генерала Самсонова у Янтайских копей и не допускаявшими японцев до наших войск, ушли наши полки к городу Мукдену и здесь остановились на реке Шахе.

Месяц опрavelялась японская армия, и месяц опрavelялись и мы. Сибирские казаки генерала Самсона и забайкальцы генерала Ренненкампа заглядывали далеко в тыл японцам. Генерал Куропаткин готовился к наступлению.

В это время полки донской дивизии начали подходить к Мукдену. Какой блестящий вид имели донцы! На чудных

рослых лошадях, прекрасно одетые, молодец к молодцу, они одним своим появлением обрадовали войска. "Это наша гвардия, — говорили в Маньчжурской армии. — Какие молодцы!"

В конце сентября наша армия столкнулась с японской, и десять дней, почти без перерыва, шел страшный бой на реке Шахе. Ни та, ни другая сторона не могла осилить. Количество убитых и раненых дошло до 50-ти тысяч. Никогда и нигде еще не было такого упорного боя. Люди изнемогали от усталости, винтовки раскалялись от непрерывной стрельбы; японцы по пять раз подряд кидались в атаки на наши окопы, усыпали осенние желтые поля телами убитых, и не могли сломить упорства наших солдат. Наконец, усталость начала брать свое. Не хватило снарядов, и знаменитый бой на реке Шахе окончился вничью. Мы остались на своих позициях, японцы на своих. Длинной линией протянулись наши окопы и заняли почти 100 верст от крайнего левого до крайнего правого фланга. Охрана правого фланга была поручена оренбургским и донским казакам. Наша дивизия стала в 30 верстах к юго-западу от Мукдена, имея свой штаб в деревне Тачжуанхе.

Страстным желанием горели донцы поскорее померяться силами с желтолицым врагом, и, вместе с тем, приглядывались они и к тому, что делается кругом.

Чужими были китайские деревни, где дома были особого устройства и назывались фанзами, где люди спали на теплых полатях, называемых канами, где окна были из бумаги. Надвигалась зима, а снега не было и днем на солнце было тепло...

17 октября, в день чудесного спасения Их Императорских Величеств от грозившей им опасности при крушении поезда и в день войскового праздника войска Донского, донцы имели и первое столкновение с японцами.

В этот день донской казачьей дивизии, в составе 19-го, 20-го и 25-го полков и 3-го артиллерийского дивизиона, было приказано усилить разведку и беспокоить противника на его левом фланге. Рано утром донские сотни собрались у деревни Сюлюбтай и отсюда двинулись на деревни Ямандапу, Фудядуанзу и Лидиантунь.

Впервые познакомились донские казаки с новыми условиями боя. Тяжелы были эти условия. Неприятеля нигде не было видно. Он искусно прятался за бугорками полей, в деревнях за стенками огорожей... и только показывались казаки, уже свистали и пели пули дальнобойных винтовок и где-то далеко-далеко отрывисто и резко щелкали выстрелы. Напрасно зоркий глаз донца впивался в расстилавшуюся перед ним местность — врага не было видно нигде. Он ловко

скрывался. И лишь в бинокль можно было видеть, как мелкими черными точками прокрадывались японцы среди копен громадного гаоляна*.

Разведку можно было сделать только кровавым боем.

19-й казачий полк пошел вперед. Три сотни его спешились, и казаки, согнувшись, с винтовками наперевес, вошли в поля гаоляна и рассеялись по равнине. В образцовом порядке, делая перебежки, наступали донские сотни на деревню Фудядуанзу. Японцы не выдержали меткой стрельбы казаков и начали отступать. Казаки вошли в деревню. Здесь все носило следы боя и отступления. Бинокль валялся на дороге, две пары сапог со шпорами остались увязшие в болоте, были брошены нарезанные солдатские мясные порции: видно, уходили поспешно.

На разведку лежащей за деревней Фудядуанзою деревни Лидиантунь были вызваны из сотен охотники, и с ними пошел хорунжий Полковников. Охотники ловко прокрались к самой деревне и увидели, что она быстро занимается японцами. Один из охотников, казак Февралев, забрался в самую деревню и высмотрел, что там уже было два орудия, да шесть орудий еще подвозили.

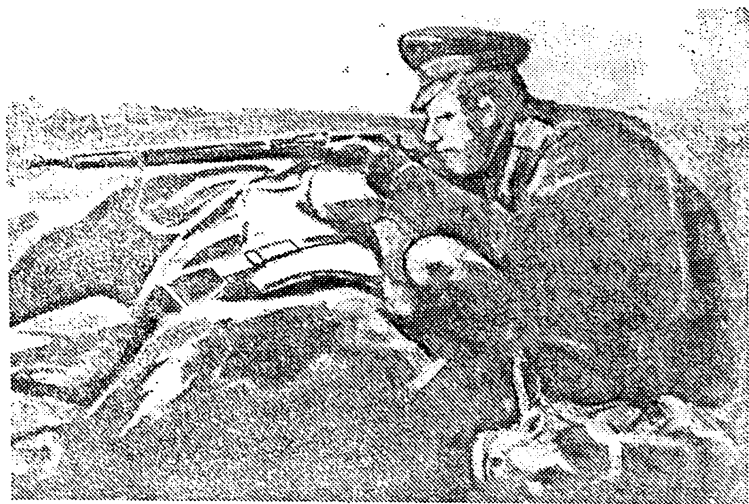
Наши пушки стали обстреливать шрапнелью деревню Лидиантунь, и японцы начали отступать и из нее. В это время 3-я сотня 19-й донского казачьего полка была послана заглянуть, что делается позади Лидиантунь. В сотне было три взвода, и кроме командира ее, есаула Косоротова, офицеров не было. Один взвод этой сотни был при офицере на заставе, а другой офицер ушел в разъезд.

Тихо склонивши пики на бедро, рассыпалась по густому гаолянцу сотня есаула Косоротова. Укрытая высокими стеблями, она незаметно подавалась вперед, и вдруг казаки увидели деревню и на окраине ее два орудия, стоявшие, как казалось, совершенно без прикрытия. До орудий было не больше 400 шагов.

Есаул Косоротов, немолодой уже человек, спокойный и серьезный, сразу понял, что времени терять нельзя. Он ударил нагайкой своего маштака и с криком "На батарею" вылетел вперед. Стремительно помчалась за ним сотня. Ничто не могло удержать донцов. Ошеломленные японцы перестали стрелять и в страхе смотрели на дерзкую атаку донских казаков. Но вот загремела артиллерия, полетели картечь и шрапнель,

* Гаолян на Дону называется сарацинским пшеком. Это высокоствольное хлебное растение, видом напоминающее кукурузу, но с зерном, растущим метелкой. Китайцы сеют почти исключительно только гаолян.

завизжали пули... но бешено мчались вперед казаки. Перед батареей показались окопы, легко и быстро перепрыгнули через них казачьи кони, уже близка батарея! Пушки перестали стрелять, испуганная прислуга начала вытягивать затворы, к орудиям подъезжали передки. Но не судил, видно, Бог даровать казакам в их войсковой праздник блестящую победу. Упал, сраженный пульой, верный конь под ссаулом Косоротовым. Казак Власов подвел ему свою лошадь, но едва

В бою

командир сотни сел на нее, как и этот конь был убит, а сам Косоротов ранен в обе ноги. Казак Власов взял его под руки и ввел в гаолян; к нему подъехал бывший в разъезде казак Ашинин и вывез его из боя. Потерявшая своего командира лава неслась еще несколько секунд на деревню, руководимая вахмистром. Но последний выстрел из орудия ранил и вахмистра... В то же время левофланговый взвод запутался в проволочной сети. Лава остановилась. Замялись казаки. Кто-то крикнул: "Назад! Тут проволока!"

И вот — остановились... Остановились в ста шагах от уже брошенных японцами орудий... И вот — повернули.

Разбежавшиеся от орудий японцы вернулись, пехота снова залегла в цепь и вслед уходящим казакам застучали японские выстрелы. Лихая атака донцов была отбита. Все больше и больше поле стало покрываться пeshими, медленно идущими

ранеными казаками и телами убитых людей и лошадей. 32 казака было ранено и 15 осталось на проволоке, неизвестно, убитых или раненых. Лошадей было ранено 37, убито 33.

Но славна была эта атака! Она показала донцам, что ни скорострельные ружья, ни пушки не могут остановить беснено несущейся на врага конной атаки казачьей. И взяли бы казаки японские пушки, если бы не были ранены их командир и вахмистр. Оставшись без начальников, казаки смутились и их лихая атака была отбита. Но свое дело они, эти казаки, сделали. Они доказали всему свету, что конная атака и теперь возможна на артиллерию, что бодрый дух их отцов и дедов живет в них.

Между тем, спешенные сотни 24-го донского казачьего полка продвинулись к деревне Цинзятунь, расположение японцев было раскрыто и генерал Телешов приказал отходить в места своего расположения у деревни Та-чжуан-хе.

Наступила бесснежная, холодная маньчжурская зима. Донские казаки были растянуты по позиции и наряду с пехотой несли тяжелую и утомительную сторожевую службу. Среди них было много удальцов, любителей пойти на разведку неприятельского расположения, выследить японцев и забрать пленных. Особенно отличался в таких походах "под японца" приказный 19-го донского казачьего полка Ананьев, Чертковской станицы. Ненавидел он японцев. Бывало, как заговорит о них, так даже затрясется весь. Раз как-то пошел он охотником на разведку вместе с казаком Фроловым. Ночью подошли шагов на триста к японской цепи и поползли потом ближе.

— Ползу, — рассказывал Ананьев об этой разведке, — а их никого нет. "Ну, — думаю, — судьба мне, видно; этот день ничего не сделаю". А деревня уже близко. Уже слышно, как гомонят они. Залегли мы в гаоляне и смотрим. И вдруг Господь послал: на китайской арбе едут двое. Должно, за фуражом. Я и говорю Фролову: подожди, мол, выдерживай, мы сразу залпу дадим. А они едут — ничего себе — шагом. Вот, когда, это, они шагов на пятьдесят от нас были, я и говорю Фролову: ну, давай теперь залпу! Выпалили мы. Один упал, а другой, значит, побегал на хутор своим сообщать. Ну, мы вскочили на арбу, погнали ее к себе, а сами по ним залпы даем. Их, так, с роту выбежало, палят по нас, а мы по ним — залпы, я еще и кричу им: "Держи, держи!" По-русски кричу...

В ночь с 19 на 20-е ноября Иван Ананьев и казак Хохлаев ходили впереди пехотных постов в секреты. Но японцы их заметили и подстрелили обоих. Раненому Ананьеву

варвары-японцы еще нанесли несколько ран штыками. Раненые остались лежать между нашими и японскими постами. Под утро за ними ходил Вешенской станицы вахмистр Клецков с санитаром и принесли обоих. Ананьев вскоре умер.

Так, в постоянных стычках и набегах маленькими партиями проводили казаки зиму 1904 года. 24 декабря генерал-адъютант Мищенко получил приказание произвести набег в тыл японцам по направлению к городу Инкоо, откуда японцы получали продовольствие. В набег были назначены 21 сотня уральцев и забайкальцев, 11 сотен кавказских горцев, 19-й, 24-й и 26-й донские казачьи полки, Черниговские, Нежинские и Приморские драгуны, 4 сотни пограничной стражи, полусотня разведчиков, 4 конные охотничьи команды, 12 орудий забайкальских казачьих батарей, 6 конных орудий 20-й батареи и 4 пеших орудия.

27 декабря, четырьмя колоннами — генерала Самсонова с драгунами, войскового старшины Свешникова с 1500 вьюков под охраной забайкальцев, генерал-майора Абрамова с уральцами, забайкальцами и конными охотниками стрелковых полков и генерал-майора Телешева с донцами, кавказцами и забайкальскими орудиями, — конный отряд перешел линию наших постов и пошел вдоль реки Ляохе, направляясь к Инкоо.

28 декабря донцы, широко раскинув лаву, выгнали японцев из деревни Калихе и продолжали двигаться далес на юг. В этот же день донские сотни сделали набег на железную дорогу и разрушили на ней телеграф и шпалы на протяжении 250 сажень. В то же время, в разных местах казаки начали захватывать китайские арбы с продовольствием для японцев. Продовольствие это сжигали. Так работая в тылу у японцев, конный отряд прошел в три дня около 110 верст и 30 декабря подошел к станции Инкоо.

Для взятия станции были назначены спешенные казаки от разных полков, в том числе, пошло и две сотни донцов. Штурм был назначен ночью. Наша артиллерия зажгла склады фуража, бывшие подле Инкоо, и они пылали громадным костром, освещая местность на большом протяжении. Полковник Харанов, командовавший отрядом спешенных казаков, повел их вдоль реки Ляохе. Казаки скользили на льду, часто падали, сбивались в кучи. Плохо обученные действиям в спешенном порядке, незнакомые с силою теперешнего огня, они скоро начали падать ранеными и убитыми. Как бабочки на огонь, они шли на пылающие склады

по освещенному месту, направляясь к окопам, занятым японской пехотой. Оставалось около 900 шагов до станции. С дружным криком "Ура!" побежали казаки на штурм. Пачечный огонь японцев слился в один общий треск и гул. Много казаков тут упало. Живые прилегли к земле, а одиночные смельчаки прокрались к самому полотну дороги и ко рвам возле построек и били по японцам на выбор. Отдохнувши немного, казаки снова бросились к станции, но опять страшный огонь японцев заставил их остановиться. Стало ясно, что без громадных потерь овладеть станцией невозможно. Станция была окружена волчьими ямами и проволочными заграждениями...

Пришлось отступить. Там, сзади, в темноте ночи, у деревни Лиусигоу трубач играл сбор и туда брели казаки, огорченные и озлобленные постигшей их неудачей. Но противник, должно быть, тоже понес немало и немало был напуган. Он не преследовал. Казаки подбирали раненых и убитых и выносили их с поля битвы. Всего за этот кровавый ночной штурм мы потеряли убитыми 4 офицеров и 57 казаков и драгун, ранеными 20 офицеров и 171 казака и драгуна, без вести пропало — вероятно, убитыми — 26 казаков.

Штурм, хотя и неудачный, большой станции, разрушение железной дороги во многих местах, взорванные и сожженные обозы и склады с продовольствием, появление повсюду в тылу у японцев смело рыскающих казаков напугало японцев. Отовсюду мчались подкрепления. Пять японских батальонов чуть не бегом бежали от станции Ташичао, чтобы отрезать нам путь отступления. Сзади, у Ньючуана уже располагался большой отряд из пехоты, конницы и артиллерии. Японцы готовили нам ловушку. Лед на реке Ляохе был ненадежен. Нужно было спешить к своим. Но генерал Мищенко не желал бросать раненых, тем более, что японцы так ненавидели казаков, что прирезывали их, — и вот, 31 декабря, только в 9 часов утра удалось выступить и тронуться на север. Шли тремя колоннами. Ближайшей частью к японцам были донцы генерала Телешева, в середине шла колонна генерала Абрамова и в западной колонне шли драгуны генерала Самсонова. Раненых везли при средней колонне.

Японцы все время следили за колонной генерала Телешева, но донцы легко их отгоняли.

В ночь на 1-е января отряд генерала Мищенко с большим трудом переправился через реку Ляохе и расположился на ночлег.

Вечером, когда уже стемнело, колонна генерала Телешева подошла к деревне Синюпученза, лежащей на правом берегу

реки Ляохе, недалеко от слияния ее с рекой Тайцзыхе, и стала располагаться на ночлег. Казачьи разъезды, находившиеся к северу от этой деревни, донесли, что в деревне Сайтайзы, в пяти верстах от места ночлега Донской дивизии, находится батальон японской пехоты; в то же время получено было известие и о том, что из Ньючуана, то есть с юга, наступает японская пехота с артиллерией. Таким образом, Донская дивизия становилась на ночлег между двух сильных японских отрядов, имея сзади себя трудно проходимую широкую реку, покрытую весьма ненадежным льдом. Офицер, посланный для связи со средней колонной генерала Абрамова, не нашел ее на том месте, где она должна была быть по приказу, и донцы остались одни в холодную темную ночь, без связи со своими. На землю спустился густой туман. Ничего не было видно в пяти шагах и тускло мерцали в этом мраке бивачные огни, разведенные во дворах китайских фанз. Донцы прикрывали повозки с ранеными, и нужно было дать время им отойти, вот почему генерал Телешов, несмотря на то, что к утру японцы могли усилиться и окружить его, отдал приказ расседлать лошадей и ночевать спокойно, выставивши лишь усиленные меры охранения.

Тревожная это была ночь! Туман был так густ, что китайские проводники отказывались вести разъезды; офицер, посланный в штаб отряда, проездил всю ночь и вернулся назад к утру, так и не найдя его. Ни звезд на небе, ни местных предметов на земле, ничего, по чему можно было бы разобраться, не было видно. Китайцы-лазутчики то и дело приходили из соседних деревень и таинственно сообщали о том, что японцы усиливаются и готовятся к переправе через реку Ляохе.

Наступало утро. Побелел туман и заходил волнами над темными бороздами гаоляновых полей. И сейчас же от сторожевых застав пришли донесения о том, что японцы начали наступление с двух сторон.

Генерал Телешов приказал полковнику Багаеву с 24-м донским казачьим полком и полковнику Попову с 26-м донским полком, выйдя из деревни Синюпучензы — Багаев на север, а Попов на юг, — встретить японцев и задержать их наступление, главные же силы под командой генерала Стоянова должны были продолжать свое движение, направляясь на северо-запад.

Сотни 26-го полка с артиллерией быстро обстреляли японские цепи, только что переправившиеся через реку Ляохе, и заставили японцев бежать обратно за реку. После

этого полковник Попов благополучно присоединился к главным силам.

24-й донской полк двинулся в линии колонн на север, на деревню Утайцзы, куда наступали и японцы. В густом тумане казаки и японцы подходили к одной и той же деревне. Уже стали видны деревья ее садов, темными полосами показались глиняные стенки и крыши фанз. Но вот порывы утреннего востерка рассеяли немного туман и подьесаул Коньков, шедший в передовом взводе, увидел в нескольких сотнях шагов от себя японский головной отряд. Ни минуты не медля, помчались казаки, склонивши пики к бою, на японцев. Японцы сопротивлялись отчаянно. Ни один не сдался, все были перебиты, но и подьесаул Коньков получил рану штыком в бок. Второй взвод 2-й забайкальской батареи, бывший в составе отряда полковника Багасва, снялся с передков и открыл частый огонь по японцам, входившим в деревню Утайцзы, а сотни 24-го полка спешили и начали быстрое наступление.

Между тем, ветер разогнал туман и вся деревня, 10—15 китайских фанз, окруженных глиняной стенкой, стала видна. Несмотря на то, что наша шрапнель рвалась очень удачно над самой деревней, японцы все подходили и подходили, и, вбегая в деревню, живо занимали ров, выкопанный вокруг деревни для защиты ее от весенних разливов, и открывали оттуда сильный ружейный огонь по забайкальским артиллеристам. Во взводе артиллерии стали все чаще и чаще залетать пули, оба офицера, бывшие в нем, сотник Величковский и хорунжий Кобылкин, и несколько казаков были ранены, и все лошади его были перебиты. Тогда генерал Телешов послал из главных сил взвод забайкальской батареи и 4-ю сотню 24-го донского казачьего полка под командой подьесаула Туроверова. Забайкальские пушки удачными выстрелами рассеяли японцев и выгнали их из деревни Утайцзы. Тогда 24-му донскому казачьему полку было приказано отходить к главным силам. Уходя, забайкальцы сняли амуницию с 27 убитых лошадей и в полном порядке отошли к главным силам.

Печально встретили донцы Новый, 1905 год; в 24-м донском полку было ранено в этом славном арьергардном деле 32 казака, да 2 казака 19-го донского казачьего полка пропали без вести, заблудившись ночью в тумане...

Наконец, 2 января, в 4 часа дня, отряд генерала Мищенко прошел линию охранения, занятую генералом Косаговским, и был уже в полной безопасности. Так кончился набег на Инкоо. Казаки внесли тревогу и суету в тылу у японцев. Действуя в

самых тяжелых условиях, они работали отлично, весело, смело и бодро. Не их вина, что набег этот не дал того, что от него ожидали, что не захвачен был сам город Инкоо, что не дошли они до Ляояна. Лишенные подвижности вследствие тяжелых выюков, которые были с казаками по приказанию главнокомандующего, казаки не могли сделать набег так быстро, как делали их отцы и деды. Японцы стремились отрезать их, но, благодаря смелости донских казаков в бою при деревне Синюпучензы, их наступление было отбито и наша конница благополучно вернулась к армии.

После набега на Инкоо, совершенного казаками с присущей им смелостью и неустойчивостью, донские казаки некоторое время отдыхали в тылу армии у деревни Сандепу, потом стояли на охранении нашего крайнего правого фланга.

В студеную зимнюю пору наша 2-я армия, бывшая под начальством генерала Гриппенберга, начала наступление на японцев, взяла целый ряд занятых японцами деревень и подошла к деревне Сандепу, охватывая японцев с тыла. В этом славном январском наступлении нашей армии на Сандепу приняли участие и донцы.

12 января 1905 года наша конница, бывшая под начальством генерала Мищенко, начала наступление двумя колоннами. Правая, под командованием начальника Донской казачьей дивизии генерала Телешова, состояла из 25-го и 26-го донских казачьих полков, Кавказской конной бригады, 3-й донской казачьей батарее и 20-й конной батарее, левая колонна была под начальством генерала Павлова (тоже донского казака по происхождению) и состояла из 11 сотен забайкальских казаков, 4 сотен уральцев и 2-х забайкальских казачьих батарей.

Морозным утром, при сильном ветре, дувшем нам в спину, казаки выступили с места ночлега и пошли на японцев. Впереди, сколько глаз видел, тянулись сероватые поля гаоляновых полей и среди них такие же серые возвышались китайские деревни. Тут и там путь пересекали замерзшие ручьи, текшие в глубоких берегах. Между голых ветвей тальника тянулся овраг с речкою Пухе. Рощ было мало. Лишь на кучах земли, насыпанных на китайских кладбищах, росли чахлые сосны да жидкие, голые осины. Многие из этих деревьев были вырублены и на могилах торчали лишь тонкие пеньки.

Но, несмотря на жестокий мороз, легко и бодро шли казаки. Их радовало это наступление, и хотелось им померяться силами с японцами.

В одиннадцатом часу утра передовые сотни подошли к деревне Локонто и здесь раздались первые выстрелы японцев. Это стреляли японские разьезды, быстро отходившие под напором наших казаков.

Конный отряд наш вошел в деревню Локонто и здесь было получено приказание всей коннице содействовать наступлению пехоты. Там, на востоке, уже шел бой. Часто бухали пушки, скрежетала шрапнель, прорезая воздух, и лопалась белыми дымками, быстро относимыми ветром. Загорался и ружейный огонь.

Начался бой и в конном отряде. Передовая сотня дагестанцев нарвалась на сильный ружейный огонь, и, понеся большие потери, спешила и завязала перестрелку с японцами, занимавшими деревню.

Генерал Мищенко приказал 25-му донскому полку атаковать деревню. Поддержать атаку должна была донская батарея. Донцы вошли в деревню Ланцогу и здесь попали под сильный ружейный огонь и остановились. В это время прискакал сюда начальник отряда генерал Мищенко, приказал спешить одну сотню и начать наступление на деревню Уцзяганзу, а 26-му донскому полку обойти эту деревню с юга. В то же время и наши, донская и 20-я батареи, открыли огонь по деревне Уцзяганзе и шрапнель стала рваться над японцами.

Тем временем 26-й донской казачий полк развернул лаву и отгонял японцев, причем ссаул Чекалов и сотник Миронов захватили японский обоз с продовольствием и двух драгун и испортили телефонную линию японцев. Потом часть сотен спешила и начала обстреливать деревню Уцзяганзу.

Между тем вечерело. Короткий зимний день подходил к концу. Из штаба армии было прислано приказание казакам отходить назад и готовиться к новому бою на завтра. Не хотелось генералу Мищенко уходить, не взявши деревни Уцзяганзы. Так же думали и донцы 1-й сотни 26-го полка, молчаливо лежащие в цепи. И вот, к ним пришел с приказанием от генерала Мищенко генерального штаба капитан Хогондоков. Генерал желает, чтобы донцы взяли деревню! Он верит, что жив мощный дух славных предков донских, что они расшибут врага старыми своими шашками... Сказал и пошел вперед. Как один человек, поднялась донская цепь и понеслась неудержимым потоком на деревню. Японцы встретили нашу цепь страшным пачечным огнем. Засвистали и заныли пули, но не слышали рокового их свиста донцы — они с налета, одним лихим ударом ворвались в деревню и

выбили из нее японцев. Смолкли выстрелы. После страшного треска наступила тишина. На улицах деревни лежали раненый японский офицер, раненые японские драгуны; в лужах крови плавали с вывороченными внутренностями маленькие вороные лошади — всюду царила смерть и разрушение. В продолжение четырех часов храбро выдерживали японцы страшный огонь двух наших батарей, умирали от пуль и осколков, и стояли крепко. Но вид маленькой горсти донских казаков, бежавших на них с одной стороны, и нескольких дагестанцев с другой, так напугал их, что они бросили деревню и теперь торопливо разбегались по всем направлениям.

Истинно говорится в народе: смелым Бог владеет!

Поздно вечером собрался конный отряд генерала Мищенко, и здесь узнали о решении генерала завтра, 13 января, овладеть деревней Мамакай.

Но еще не наступил рассвет, как в конном отряде получилось известие, что Мамакай взят ночью атакой бузулукского пехотного полка. И казаки с умилением слушали о том, как ночью бузулукцы ворвались в деревню и штыками перекололи японцев...

Утром 13 января отряд генерала Мищенко бросился в тыл неприятелю. Донцы с двумя батареями, 3-й донской и 20-й конной, двинулись на деревню Ньюге. Спешилось две сотни 26-го донского казачьего полка и, поддержанные лихим взводом донской батареи, вылетевшим на самое близкое расстояние к деревне и, засыпав ее шрапнелью, лихо атаковали японцев и выбили их из деревни. Японцы бежали. Донские лавы их преследовали, и валились под ударами пик казачьих враги.

В морозной мгле туманного зимнего дня тут и там показываются деревни, гремят из них выстрелы, бой кипит повсюду. Но увлеченные победой, презирая смерть и раны, захватывают донцы одну деревню за другой.

Вот, спешенная сотня 25-го донского казачьего полка смело идет на деревню. Японцы подпускают ее на пятьдесят шагов и с этого расстояния открывают страшный пачечный огонь. Падает тяжело раненный сотник Букин и с ним несколько казаков. Но командир сотни, есаул Никольцев, снова ведет казаков на деревню и из-под самых стен ее, под страшным огнем, казаки выносят Букина и своих товарищей. И в эту страшную войну свято хранили донцы дедовский завет и выручали своих в бою и не оставляли врагу ни раненых, ни убитых.

И опять, в надвинувшейся темноте морозного зимнего дня, бок о бок с японцами ночевали казаки. Ночевали по фанзам, но отдыхать мало кому пришлось. Враг был близок, бок о бок с нами.

В этот день наша пехота атаковала сильно укрепленную деревню Сандепу, но еще не овладела ею. Японцы спешили со всех сторон на выручку своим полкам, и нашей коннице приказано было 14 января разведать силы японских отрядов, идущих на помощь.

Еще не выступили казаки на эту разведку, когда получили от командующего 2-ю армией генерала Гриппенберга следующее приказание: "Сердечно благодарю вас и чинов вверенного вам отряда за молодецкие действия 12 и 13 января. Жалую по 5 знаков отличия Военного ордена на каждую сотню, участвовавшую в атаке укрепленных пунктов. Представьте к наградам и отличившихся офицеров и нижних чинов к именованным знакам отличия Военного ордена по статуту. Достоянейших обер-офицеров представьте к чинам..."

Что за радость, что за ликование было в полках в это зимнее морозное утро! Успех вчерашнего дня окрылил всех. Все чувствовали победу, все радовались и готовы были на подвиги, на раны, на смерть. И смерть уже казалась не страшной, на легкой, радостной и приятной!

Победа была за нами!

И вот, начался страшный бой 14 января. Прибывавшие свежие части японцев оказывали упорное сопротивление спешенным казакам. Каждая деревня обращалась в крепость, которую нужно было штурмовать. В жестоком ружейном бою генерал Мищенко был ранен пулей в ногу и сдал отряд генералу Телешову.

К вечеру генерал Телешов получил приказание охранять правый фланг армии и действовать в тесной связи с 1-м Сибирским корпусом...

15 января с рассвета гул пушечных выстрелов слился в непрерывный рев. Шло громадное сражение. Тысячами гибли люди, стремясь овладеть деревней Хегоутаем, обращенной японцами в земляную крепость...

В конном отряде генерала Телешова бой начался работою спешенных сотен донских казаков, поддерживаемых 3-й донской батареей, действовавшей против нашей второй армии под Сандепу-Хегоутаем.

Казачьи батареи начали обстреливать место, где должны были находиться японские резервы, и позднее от сотника Тарарина было получено донесение из 1-го Сибирского

корпуса, что огонь казачьих батарей заставил японцев приостановить движение на Хегоутай...

Тогда, под страшным орудийным огнем, японцы развернули бесконечные цепи и, закидывая деревню Сюерпу шимозными гранатами, повели наступление. Три раза японцы пытались атаковать спешенных казаков, и три раза их атаки были отбиты ружейным огнем. Наши пулеметы, бывшие в Кавказской бригаде, и орудия 3-й донской батареи косили японцев и не давали им возможности подойти к ним.

Так, в ружейной перестрелке прошел и день 15 января. Наступал вечер и утихал бой. Казаки, по приказанию своего начальника, осторожно и незаметно сходились на ночлег в деревню Нюге.

Эта ночь останется надолго в памяти донцов. Три дня подряд воевали они с японцами и три дня их побеждали. Захваченные японские деревни, японские запасы, которые раздавали казакам, все признаки победы были налицо! Донцы ночевали в тылу у японцев. До Ляояна, где находилась главная квартира японского главнокомандующего маршала Ойямы, было всего 18 верст. И мечтали казаки назавтра быть там, вспомнить славные дни 1812 года, подражать своим дедом!

Но недолго длилось это ликование.

В 12 часов ночи от главнокомандующего генерал-адъютанта Куропаткина пришло приказание отступать за реку Хуньхе...

Сражение у Сандспу, стоившее нам более 10000 убитых, кончилось вничью. Победивши везде японцев, мы уходили после победы, по приказанию.

Печально и уныло шли донцы утром 16 января назад через деревни, стоившие столько крови и труда. Японцы не преследовали. Они не ожидали, что мы отступим.

С 16 января для донских казаков наступило затишье...

В начале февраля японцы закопошились в окопах. Далеко в тылу у нас, между Харбином и Мукденом, небольшой японский конный отряд пытался взорвать железнодорожный мост. Опасаясь за тыл нашей армии, генерал Куропаткин 4 февраля отправил донцов в глубокий тыл на станцию Гунжулин.

Затем на донцов была возложена тяжелая и ответственная задача проверить слухи о движении громадной партии японо-хунхузов через Монголию на Харбин, где находились наши главные склады. И вот, донские полки рассеялись по всей Монголии, внимательно наблюдая за ее населением.

Там, в глухих китайских деревнях, гоняясь за шайками разбойников-хунхузов, простояли донцы до окончания

войны. Там же услышали они о страшном сражении, длившемся без перерыва 12 дней под городом Мукденом, услышали и о том, что наша армия, потеряв около 50000 человек, отступила к Сыпингайским холмам. Тяжело было слышать это казакам. Не одна горячая слеза скатилась тогда из глаз, не одно проклятие сорвалось с уст казачьих; не верилось казакам, что и тут обошел, и тут победил ненавистный враг...

Жаждой подвигов горели донцы. Им не верилось, что русская армия побеждена, чуяли они простыми своими казачьими сердцами, что можно победить японцев, и не хотелось и стыдно было идти в родные хутора и станицы, не победивши желтолицего врага.

Да пришлось!.. Тяжелая година выпала на долю России. Внутри поднималась измена. Все подлое, гадкое, все изменническое, отвратительное и гнусное зашевелилось и подняло голову. Жид задумал править Россией. Тайные враги России спаивали народ, посылали бумаги в войска, научая солдат измене. Наступило смутное время на Руси. Рабочие, готовившие снаряды для пушек, вдруг бастовали и не делали того, что нужно. Пьяные запасные солдаты громили станции и не шли на войну. Пьяный угар, безумная одурь охватили Россию, и трудно стало воевать. Несчастья преследовали нас. Громадный флот наш, бывший под командой адмирала Рожественского, погиб в мае месяце 1905 года под Цусимой...

В такие тяжелые времена наш Государь согласился на предложения переговорить о мире, которые нам делал глава американского государства президент Рузвельт.

В августе 1905 года начались переговоры о мире в американском городе Портсмуте. Мы отдали японцам половину острова Сахалин и город Порт-Артур, прославившийся своей восьмимесячной обороной. Кроме того, мы предоставили им право занимать Корейское государство.

А между тем, наши войска горели желанием сразиться с японцами, мы верили в победу, и мы могли победить, японцы же падали духом, испытавши на себе во время Мукдена необыкновенную стойкость наших войск.

Но мы должны были заключить тяжелый для славы России Портсмутский мир, к этому вынуждали нас внутренние события в России...

Собравшаяся в Харбине армия усиленно развращалась врагами России. Сотнями тысяч привозили из России гадкие листки, возмущая солдат. И во многих полках были жалкие, дряблые людишки, которые не понимали, что неудачи наши произошли от того, что война за 10000 верст оказалась нам не

под силу, что много было солдат, плохо обученных военному делу, что забыли мы заветы Суворова и вместо того, чтобы наступать, отступали. Им казалось, что эта война не тяжелое испытание, посланное нам от Господа Бога, на прихоть начальства, и они волновались. К стыду нашему, нужно признаться, что нашлись среди призванных из запаса офицеров такие, которые не сумели сдержать свои части, и смута проникла в полки Маньчжурской армии. Жутко и беспокойно было в Харбине, переполненном распущенными, озлобленными запасными солдатами. И осень, и часть зимы 1905 года провели донцы в Харбине, охраняя покой и порядок. Донские сотни славной 4-й дивизии в это жуткое смутное время явились единственной стойкой, надежной частью, которой не коснулось гнилое учение революционеров. Свято исполняли донские казаки присягу в боях против японцев, свято исполнили они ее и в Харбине, оставаясь непоколебимо верными своему природному Государю и матери своей — России.

Казаки в русско-японской войне. Подготовка ко взрыву полотна железной дороги

24. На Дону во время японской войны

Грустно и печально жилось на Дону во время русско-японской войны. Ждали по станицам и хуторам известий о победах, о славных делах, жадно читали телеграммы и газеты и с ужасом узнавали, что маленький японец бьет нашего солдата, и мы отступаем.

— Господи, что же это такое! — говорили старые казаки...

Ждали побед, не верили, что их не будет.

Вот отошли от Ляояна, вот отстоялись на Шахе, даже захватили японские пушки, но вслед за этим пришло ужасное известие о гибели Порт-Артура, о том, что наши войска сдались в плен и пошли в Японию, и печально и тихо стало на Дону... Отступили от Мукдена, потеряли флот, наконец, заключили мир в Портсмуте. Много тяжелых испытаний вынесла Россия за свою более чем тысячелетнюю жизнь, но такого не было. Старые казаки плакали и не понимали, что же сделалось с нашими войсками, что погубило нас. И в эту тяжелую и печальную годину не утешило донцов и освящение дивного войскового Воскресенского собора, состоявшегося в 1905 году при атамане генерале от кавалерии Константине Клавдисвиче Максимовиче.

Почти сто лет ожидали казаки этого собора.

Первый войсковой собор был заложен при атамане Платове в 1805 году, работы по его постройке начались в 1811 году. В 1846 году начали сводить уже главный купол, когда внезапно собор рухнул и вместо почти готового храма осталась только одна стена да груды камней. В 1852 году приступили снова к постройке собора, и когда начали, в 1863 году, сводить купола, он опять развалился. На этот раз осыпались только купола, и собор можно было бы достроить, но после долгого совещания решили разобрать этот второй собор и на том же месте заложить третий собор. Уже около трех миллионов рублей затратило войско на устройство первых двух соборов, когда, в 1891 году, наконец, приступили к постройке третьего собора.

Первым строителем его был академик Ященко. Он проработал около двух лет, когда скончался, оставив только начало работ. Продолжал работы архитектор Злобин, и 17-го октября 1893 года, при атамане князе Святополке-Мирском, была совершена торжественная закладка этого собора. В 1896 году достраивать собор был назначен инженер-полковник Лимаренко, который и закончил постройку к 1905 году.

Войсковой собор войска Донского в г. Новочеркасске

Дивный храм со своими громадными золотыми куполами виден со всех сторон Новочеркаска. Долго строили его донские казаки, но построили на славу и украсили им свой родной город, показавши всему свету усердие к верс. Дивные иконы и роскошная позолота украшают войсковой собор внутри, много света в нем и много воздуха. В верхнем ярусе устроены хоры и залы для бесед. Эти залы расписаны картинами, изображающими прошлое донских казаков.

30 июля 1904 года, в утешение русскому народу, Господь Бог даровал Государю Императору сына и наследника престола, нареченного при святом крещении Алексеем. В тот же день Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич Алексей Николаевич был назначен Атаманом всех казачьих войск.

Радость в Царской семье разделила и вся Русь, и особенно радовался и ликовал Дон, получивший себе Атамана. Горячо молились донцы за своего новорожденного Атамана, клялись и обещали служить Государю и Ему поголовно, как служили их отцы и деды, и не думали донцы в ту пору, что скоро придется им исполнить свое клятвенное обещание и поголовно встать на защиту России от врага внутреннего.

Это поголовное ополчение войска Донского — мобилизация всех трех очередей — случилась уже при преемнике атамана Максимовича, князе Одоевском-Маслове.

25. Участие донцов в подавлении революционной смуты

1905—1907 гг.

Неудачная далекая война, известия о наших поражениях, болью отзывавшиеся в сердцах русских людей, придавили тяжелым бременем всех хороших и честных русских. У них опустились руки... И вот, снизу, враги России, не русские, а евреи, поляки и другие народы, покоренные силою нашего оружия, стали смущать народ. Отзывчивая на все молодежь охотно слушала тяжкие обвинения правительству, волновалась и шумела. Давно не испытывала таких тяжелых дней Россия. Там, на Дальнем Востоке, нужно было готовиться к страшной развязке войны, надо было воспламениться всем до последнего солдата горячей любовью к родине, как воспламенялись в тяжелую годину нашествия Наполеона, как воспламенялись в смутное время, когда шведы и ляхи шайками бродили по Руси, как грудью стояли во время страшного татарского ига, а вместо этого, солдатам армии посылали газеты, в которых описывалось, будто в России полная смута, будто во всех городах избивают родителей, жен и детей этих солдат. В армию ехали молодые люди, подстрекатели, они рассказывали ужасные вещи о том, что делается в России, они всячески смущали солдат.

В то же время шло разращение молодежи в учебных заведениях, чиновников на почте, телеграфе и железной дороге. Те самые гимназисты, которые год тому назад ходили с русскими флагами и портретами Государя и пели священный русский гимн, которые убегали в армию, чтобы пролить кровь за Родину и Царя, теперь с бессмысленными красными тряпками, навязанными им врагами России, бродили по городам, крича: "Долой самодержавие, долой царя! Да здравствует свобода!"

К сожалению, и на Дону нашлось несколько презренных людей, которые смущали молодежь донскую, и она волновалась. По евангельскому изречению, лучше было бы для них, если бы им навесили жернов на шею и потопили в морской пучине, нежели совратить детей, как делали они...

Портсмутский мир, окончательно придавивший благоразумных русских людей, дал возможность врагам России со страшною силою ударить на пораженное отечество наше.

Началась смута и бунты. Бастовали, т.е. не работали, железнодорожники, почта, телеграф. Никто не знал, что делается на Руси, распространялись самые страшные и нелепые известия о том, что уже нет Государя, что в Москве заседает новое правительство и отдает приказ грабить и уничтожать помещиков.

В Лифляндской губернии бунтовали латыши, объявившие свою самостоятельную от России латышскую республику, в Сибири бунтовали ссыльные, шли мятежи на флоте и среди солдат. В Одессе народилась южно-русская еврейская республика.

Объявленный Государем Императором 17 октября 1905 года высокоименитивный манифест, которым расширились права верноподданных русских, вскружил голову бунтовщикам. Им это казалось победой.

В Москве обезумевшая молодежь стреляла по солдатам, ломала фонари, валила вагоны, строила завалы и сражалась на них с солдатами; в Кронштадте, Либаве, Севастополе, Владивостоке и других приморских городах бунтовали матросы, объявляя нелепые, дерзкие требования.

Русские крестьяне нападали на помещиков и убивали их, жгли имения и хлеб на корню, готовя себе голод и нищету. Под ударами революционеров гибли женщины, дети, старики и старухи. Революционеры кидали бомбы в толпы народа, и чем больше было жертв, тем им было легче, тем более запугивали они русских людей.

Государь Император созвал Государственную думу для помощи в управлении. Но в первую Думу, пользуясь смутой, растерянностью и невежеством русского народа, попало много врагов России, и вместо того, чтобы думать и заботиться о благе родины, они думали о себе, заботились о своем личном счастье. Их пришлось распустить...

И вот, в эти тяжелые 1905 и 1906 годы, когда жизнь русского человека была нипочем, когда не хватало войск для защиты имущества русских людей и их жизни, по призыву Государеву, поднялся на защиту России Дон. Не раз донские казаки отстаивали Россию от врагов внешних и внутренних; давно ли — в 1855 году, все войско поднялось на турок; при Петре казаки усмиряли астраханцев и Булавина, они боролись при Екатерине и против Пугачева, теперь Царь призвал их на защиту русских людей и русского дела от бунтовщиков, под флагом свободы желавших позора и неволи России.

Все полки второй очереди, кроме бывших на Дальнем Востоке, т.е. 18-й, 20-й, 21-й, 22-й, 23-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й, 32-й, 33-й и 34-й, 30 отдельных сотен, составивших сводные полки 1-й, 2-й, 3-й, и 4-й и три полка третьей очереди: 36-й, 41-й и 48-й выступили на защиту Руси от бунтовщиков.

Оторванные от родных хуторов и семей, казаки два с лишним года провели в тяжелой борьбе с бунтовщиками. Особенно тяжело было казакам, попавшим в западные губернии и большие города. Не один казак пал жертвой людской злобы и ненависти, не один вернулся домой калеккой на всю жизнь, но казаки своими смелыми, справедливыми действиями заслужили общую любовь русских людей. Городские и сельские общества, патриотический союз русского народа подносили полкам и сотням иконы и письма, в которых превозносили честную службу донцов и называли их спасителями отечества.

24 января 1906 года Государь Император, видевший усердную службу донцов, изволил пожаловать войско Донское высокомиловитой грамотой. В ней было написано:

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ,

Царь Польский, Великий Князь Финляндский,
и проч. и проч. и проч.

Нашему вернолюбезному и доблестному войску Донскому.

С первых же времен своего существования, свыше трех сот лет тому назад, славное войско Донское начало верное свое служение Царям и Отечеству. Неустанно преследуя светлую цель развития зарождавшегося тогда грозного могущества Государства Российского, оно с тех пор неизменно беззаветною самоотверженностью своей и беспредельной преданностью всех своих сыновей Престолу и России, став оплотом на рубежах Государства, богатырской грудью охраняло и содействовало развитию его пределов.

В години тяжелых испытаний, неисповедимыми судьбами Промысла Всевышняго Царству Русскому ниспосланных, все Донские казаки всегда с одинаковой любовью и храбростью, становясь в ряды защитников чести и достоинства Российской Державы, стяжали себе, постоянно присущим им духом воинской доблести и многочисленными подвигами, бессмертную славу и благодарность Отечества.

И в ныне минувшую войну с Японией, а особливо в наступившие тяжкие дни смуты, Донские казаки, свято исполняя заветы своих предков — верою и правдою служить Царю и России, явили пример всем верным сынам Отечества.

За столь самоотверженную, неутомимую и верную службу объявляем, близкому сердцу Нашему, доблестному войску Донскому особое Монаршее Наше благоволение и подтверждаем все права и преимущества, дарованные ему в Бозе почившими Высокими Предками Нашими, утверждая Императорским словом Нашим как ненарушимость настоящего образа его служения, стяжавшего войску Донскому историческую славу, так и неприкосновенность всех его угодий и владений, приобретенных трудами, заслугами и кровью предков и утвержденных за войском Монаршими грамотами.

Мы твердо уверены, что любезные и верные Нам сыны Дона, следуя и впредь славному преданию отцов, всегда сохранят за собою высокое звание преданных слуг и охранителей Престола и Отечества.

В сей уверенности, пребывая к войску Донскому Императорскою милостию Нашей неизменно благосклонны, благоволили Мы сию грамоту Собственную Нашею рукою подписать и Государственную печатью утвердить повелели. Дана в Царском Селе, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот шестое, Царствования же Нашего в двенадцатое.

На подлинной написано:

"НИКОЛАЙ".

Эту грамоту при торжественном собрании казаков читали по станицам и хуторам, читали и на войсковом кругу в городе Новочеркасске — генерал-адъютант Князь Голицын и Свиты Его Величества генерал-майоры Родионов и Вершинин, вновь пожалованные в Царскую Свиту командиры донских гвардейских полков.

К началу 1907 года смута в России затихла. Собранная третья Государственная дума начала целый ряд разумных работ.

В этом году войскового наказный атаман войска Донского князь Одоевский-Маслов получил новое назначение и войсковым наказным атаманом был назначен генерал-лейтенант Александр Васильевич Самсонов, георгиевский кавалер.

26. Заключение

После Русско-Японской войны и учреждения Государственной думы Россия медленно начала оправляться от тяжелых ран, нанесенных ей и войной и революцией. В русских людях сильнее заговорила любовь к родине и целый ряд преобразований начался в России для ее блага.

На этом времени, времени возрождения величия и мощи России, мы пока и остановимся.

Бросим взгляд назад, на почти четырехсотлетнюю историю войска Донского. Четыреста лет тому назад сильные духом, воинственные, предприимчивые русские люди идут и селятся по Дону, смешиваясь с жившими там раньше воинственными народами.

И вот, во дни порабощения России, ее бессилия и неустойчивости, на южных пределах ее, без ее участия и ведома, сама собой встала живая стена, составленная из воинов, удальством своим долго изумлявших окрестные края. От берегов Днепра и вдоль по Тихому Дону перстом Всевышнего проведена была блестящая черта: она должна была, как межа, означить будущие владения России. Когда же русские владения дошли до этой черты поселений казачьих, то черта естественным образом стала тянуться и передвигаться на нескончаемое пространство. Казаки прошли на Кубань и Терек, перевалили с Ермаком Уральские горы и дошли до Амура и Великого океана. У границ Индии сторожевыми постами в Средней Азии стали уральские, оренбургские и семиреченские казаки — внуки и правнуки донцов.

Эти люди составили самостоятельную общину, и тогда, когда Русь московская трепетала перед турецким султаном, казаки на свой страх и риск воевали с ним, отбирали у него города и крепости и заставляли покоряться саму столицу турецкую — Царьград.

Наши деды самостоятельно завоевывали царства и подносили их Русскому царю. Всюду и везде они наступали,

повсюду несли победу и веру христианскую и перед именем их трепетали все окружающие их народы.

И когда окрепла Русь, родные братья ее — донские казаки слились с нею совершенно и стали воевать с русскими полками.

Заслуги их перед Россией неисчислимы.

Они воевали во всех войнах, они одолевали свирепых турецких янычар, с одними пиками брали крепости, они побеждали поляков.

Умные, отлично образованные донцы в первые годы своего существования вели переписку с иностранными государями, слившись с Россией, стали учителями русского флота и русской конницы.

Перед ладьями донскими сдавались турецкие, персидские и английские корабли, под налетом лихих лав казачьих таяла и гибла лучшая конница мира — немецкие гусары Зейдлица и Цитена, и конные полки Наполеона, руководимые Мюратом.

С улыбкой на устах, с молитвой перед Всевышним в душе, с горячей любовью к Тихому Дону на сердце встречали казаки и смерть и муки.

Их сила была в горячей любви к Тихому Дону, в твердом исполнении заветов предков, в служении Царю по обычаю отцов и дедов.

И теперь могуч и силен Тихий Дон, славные полки его — украшение доблестной конницы русской. Нам, сыновьям Дона, нам, дочерям его, донским казачкам, надлежит только следовать прекрасным образцам, которые оставили нам наши деды и отцы, и им подражать.

Военными подвигами, терпеливой службой заслужили они великую славу донскую, что гремит от севера до юга и от востока до запада. Славу донского казачества знают и чтят угрюмые финны и чернокожие негры в Африке, перед именем донского казака с почтением склоняются народы Европы, Азии и Америки.

Быть донским казаком! Какое великое это счастье!

Но для этого мало родиться на Дону от донского казака и казачки — нужно и стать донским казаком, стать лихим конным воином.

Нужно помнить те великие заветы, которыми наши деды провожали в жизнь отцов наших. Подготовившись усердной молитвой перед Господом, они благословляли их на подвиг бранный, подвиг военный.

— Помни, Матвей, — говорил отец Платова своему сыну, впоследствии знаменитому вихрю-атаману, — служи Государю и Тихому Дону примерно. Береги отцовские обычаи: будь казаком! Уповай на Господа Бога и Он тебя не оставит. Слушай начальников. Будь внимателен к равным тебе.

снисходителен к низшим и строг более всего к самому себе. Но помни всегда: никогда, Матвей, и думать не могли забыть наш Тихий Дон, вскормивший и взлелеявший тебя!

Что значит — быть казаком — нам показывает вся жизнь Якова Петровича Бакланова, подлинно святая жизнь героя-воина.

Быть казаком — это не значило только быть храбрым.

— О храбрости казака, — говорил Бакланов, — заботиться не надо, потому что донскому казаку нельзя не быть храбрым, но надо, чтобы этот казак смыслил что-нибудь и побольше одной только храбрости... Все заметь, ничего не могли проглядеть, а тебя чтобы никто не видел. Покажи врагу, что думка твоя не о жизни, а о славе и чести донского казачества.

С малых лет готовился казак быть воином, учили его этому отец и дед, мать и бабушка, повторяя святые слова молитвы, говорили мальчику-казаку о славе донской, пели славные песни донские.

И не мог донец во всю жизнь забывать своего воинского дела.

Наш великий герой, атаман Платов, учил донских казаков простоте в обычаях и жизни; он требовал, чтобы казак ни на минуту не забывал о том, что он воин прежде всего.

— Мы не рождены, — говорил он, — ходить по паркетам, да сидеть на бархатных подушках; там вовсе можно забыть родное ремесло. Наше дело ходить по полю, по болотам, а сидеть в шалашах, или еще лучше — под открытым небом, чтобы и зной солнечный и всякая непогода не были нам в тягость. Так и будешь всегда донским казаком. Всякое дело тогда и хорошо, пока всегда с ним, а то ты от него на вершок, а оно от тебя на аршин, и так и пойдете вы врозь: хорош будет толк.

Мы, молодые донцы, твердо будем помнить эти великие, святые заветы наших старых великих учителей Платова и Бакланова, вдумчиво проследим картины бывшего Тихого Дона и найдем в них высокие примеры, достойные подражания.

Слава Тихого Дона, глубокая вера в Господа Бога и Его милосердие, беспредельная преданность Государю, горячая любовь к нашей матери России и воинская доблесть — вот то, к чему должны мы стремиться всеми силами, не щадя ни жизни, ни имущества своего!..

И да поможет нам в этом Господь Бог!

**КАРТИНЫ
БЛАГОГО
ТИХОГО ДОНА**

ПРИЛОЖЕНИЕ

АТАМАНЫ ВОЙСКА ДОНСКОГО

с 1549 по 1909 год

1. Атаманы, упоминаемые в актах, как представители Донской общины или как более замечательные предводители отдельных частей.

Сары-Азман. Первый из известных вождей донских казаков, построивший на Дону четыре городка, 1549 г.

Атаманы Павлов и Ляпун. Предводительствовали казаками при покорении царства Астраханского, 1554—1556 гг.

Михаил Черкашенин. Донской атаман, при котором была прислана на Дон первая из сохранившихся грамот царя Иоанна IV Васильевича, 3 января 1570 г.; гроза Азова, 1570 г.

Ермак Тимофеевич. Покоритель Сибири, 1581—1584 г.

Иван Кишкин. Атаман, верный царю Феодору Иоанновичу, 1584 г.

Семен Воейков, Смирной Федоров, Василий Жигулин, Иван Нос, Иван Феодорович Трубецких, Василий Кабан и Прокофий Трубченин. Атаманы, упоминаемые в актах одновременно, 1592 г.

Степан Ершов. Атаман верховых казаков, 1593 г.

Никита Болдырь, Степан Ершов и Иван Нос. 1594 г.

Афанасий Савостьянов. 1595 г.

Андрей Корела. Первый из донских атаманов при самозванце, 1603 г.

Феофилакт Межаков. Главный из донских атаманов, оставивший самозванца и оказавший большое содействие освобождению Москвы от поляков. 1612 г.

Смага Степанович Чершенский. По оставлении Лжедмитрия, один из главных на Дону атаманов, преданных Михаилу Феодоровичу. В его атаманство сношения с донскими казаками отнесены были из Разряда в ведение Посольского приказа, 1612—1615 гг.

Епифан Иванович Родилов. Современник Чершенского, 1613, 1615, 1617, 1623—1628, 1630 гг.

Феодор Татар. 1615.

Исай Мартемьянов. 1617, 1622, 1623 гг.

Иван Каторжный. 1633, 1635, 1636, 1643, 1644—1646, 1648 гг

Михайло Иванович Татарин. Предводительствовавший казаками при взятии Азова в 1637 г., 1636—1638 гг

Тимофей Яковлевич Яковлев. 1638 г.

Наум Васильевич Васильев. 1639—1641, 1650, 1656 гг.

Осип Петрович Петров. Предводительствовавший казаками во время достопамятного в летописях Азовского сиденья 1641, 1642, 1646, 1662, 1663 гг

Павел Федорович Федоров. 1645, 1646, 1650 гг.

Корнилий Яковлевич Яковлев. Соперник Разина. В атаманство Яковлева принята была донскими казаками первая присяга на верность Московскому государю в 1671 г., повторенная в 1676 г. Корнилий Яковлев первый дал присягу в бытность его со станицей в Москве. Скончался 16 июня 1680 г. и погребен в г. Черкасске при соборной церкви. 1661, 1667, 1669, 1670, 1671—1676, 1678—1680 гг.

Логгин Семенов. Современник Корнилия Яковлева, 1671 г.

Михайло Самарин. Также современник Яковлева, 1671, 1673—1678 гг

Фрол Минаевич Минаев. Современник Петра I, пользовавшийся уважением этого государя, принимавший при нем деятельное участие при покорении Азова в 1696 г. с 5000 казаков. Двадцатилетнее нахождение его в звании войскового атамана отличается замечательным благоразумием в управлении делами края и особенной любовью и преданностью к нему казаков. Окончил жизнь схимонахом под именем Филарета. 1680—1682, 1684—1692, 1694—1700 гг.

Самойло Лаврентьевич Лаврентьев, 1680, 1687 гг

Иван Семенов, 1683, 1687—1690, 1694, 1697 гг.

Илья Григорьев, 1699, 1700 гг.

Лукьян Максимович Максимов. Соперник Булавина. Казнен последним в мае 1708 г. 1700, 1703—1708 гг

Аким Филиппевич Филиппев. Современник Лукьяна Максимова, принимавший деятельное участие в отклонении присланного на Дон от возмущившихся астраханцев приглашения о помощи им и в посылке с Дону войск к прекращению этого восстания, 1703—1705 гг

Кондратий Афанасьевич Булавин. После казни Лукьяна Максимова, в мае месяце 1708 г., провозглашен был войсковым атаманом; но 7 июля того же года, когда черкасские казаки выбрали в атаманы Илью Зерщикова и, предводимые последним, намеревались взять Булавина, он сам себя застрелил из пистолета, 1708 г.

Илья Григорьевич Зерщиков. Войсковым атаманом с 7 июля 1708 г., но в декабре того же года, по оговору в участии в булавинском возмущении, взят с Дона в Москву, 1708 г.

Петр Емельянович Ромазанов. 1713—1715 гг

Максим Фролович Кумшацкий. 1716 г.

Василий Фролович Фролов. Сын знаменитого атамана Фрола Минаевича, 1715, 1717 гг.

Иван Матвеевич Краснощеков, 1723 г

II. Атаманы, утверждавшиеся в этом звании Высочайшей властью.

Василий Фролович Фролов. 1718 г., февраля 26, Петр I повелел быть Фролову, по выбору всего войска, войсковым атаманом, впредь до указа. В его атаманство войско Донское поступило в ведение Военной Коллегии (1721 г.). Скончался в 1723 г. 1718—1723 гг.

Андрей Иванович Лопатин. Войсковой атаман. Совершилось, по воле правительства, переселение с Дона 1000 семейств на Астрахань и Гребени (в 1724 г.) и 1057 семей на Царицынскую линию (1731—1733 г.), 1723—1735 гг.

Иван Иванович Фролов. Войсковой наказный атаман. Участвовал при взятии Азова, окончательно присоединенного к России в 1736 г. 1735—1738 гг.

Данило Ефремович Ефремов. Войсковой атаман. 18 марта 1738 г. ВЫСОЧАЙШЕЮ грамотою пожалован войсковым атаманом вместо уволенного атамана Фролова. 21 августа 1753 г., по собственному прошению, уволен от звания войскового атамана, с награждением чином генерал-майора. В 1759 г. пожалован чином тайного советника. Скончался в 1760 г. и погребен в Черкасске при Ратинской Преображенской церкви. 1738—1753 гг.

Степан Данилович Ефремов. Войсковой атаман. Сын атамана Данилы Ефремова. В актах 1749—1753 г. упоминается в звании войскового наказного атамана. С 21 августа 1753 г. войсковым атаманом. 1772 г. ноября под 9 число взят из Черкаска, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению, капитаном Ржевским и отправлен в С.-Петербург. В атаманство его существовала в Черкасске семинария для обучения священнических детей (упомин. в актах 1757 г.). Произведена была первая перепись малороссиян, зашедших на Дон (1763 г.). Степан Данилович родился 1715 г. июля 27, скончался 1784 г. марта 15, погребен в Александро-Невской лавре в С.-Петербурге. 1753—1772 гг.

Василий Акимович Машлыкин. Войсковой наказный атаман 1772—1773 г.

Семен Никитич Сулин. Войсковой наказный атаман. Современник Пугачевского возмущения, принимавший деятельное участие в отправлении с Дона полков против Пугачева, 1773—1774 гг.

Алексей Иванович Иловайский. 1775 г., февраля 16, ВЫСОЧАЙШЕЮ грамотой назначен войсковым наказным атаманом, с пожалованием чином полковника от армии. 1776 г., мая 22, пожалован войсковым атаманом, с повелением считать его против IV класса чинов Российской армии. Впоследствии генерал-поручик и генерал-аншеф. В атаманство его учреждено было на Дону войсковое гражданское правительство вместо войсковой канцелярии (1775 г.); основано в Черкасске главное народное училище (1793 г.); утверждены ВЫСОЧАЙШЕЮ грамотой права войска Донского на обладание принадлежащими оному землями (1793 г.); совершилось переселение с Дона 1000 семейств на Кубанскую линию (1794 г.); состоялось окончательное закрепление в крестьянстве зашедших на Дон малороссиян и других людей, приписавшихся за старшинами и станицами (1796 г.). Скончался под 2 мая 1797 г. в Москве во время бытности там для присутствия при коронации Императора Павла I; погребен в Донском монастыре. 1775—1797 гг.

Василий Петрович Орлов. Войсковой атаман, сначала в чине генерал-майора, впоследствии генерал от кавалерии. В его атаманство упразднено войсковое гражданское правительство и восстановлена войсковая канцелярия (1797 г.). Последовало **ВЫСОЧАЙШЕЕ** повеление о сравнении чинов войска донского с чинами регулярных войск (1798 г.). Назначен был поход Донских полков в Индию, известный под названием похода Оренбургского (1801 г.). Скончался 30 июля 1801 г. 1797—1801 гг.

Матвей Иванович Платов. Войсковой атаман, сначала в чине генерал-майора, впоследствии генерал от кавалерии и граф. Знаменитый вождь донских казаков в войнах с французами 1807, 1812—1814 гг. В атаманство его основан город Новочеркасск (1805 г.). Главное народное училище преобразовано в гимназию (1805 г.).— Скончался в 1818 г. и погребен в Новочеркасске. 1801—1818 гг.

Адриан Карпович Денисов 6-й. Войсковой атаман, в чине генерал-лейтенанта. В 1807, 1812—1815 гг. был войсковым наказным атаманом. По ходатайству А. К. Денисова, **ВЫСОЧАЙШЕ** разрешено было в 1819 г. учредить на Дону комитет для составления Положения о внутреннем и военном управлении войска Донского. **ВЫСОЧАЙШИМ** указом 1821 г. января 27 уволен от должности войскового атамана. 1818—1821 гг.

Алексей Васильевич Иловайский 3-й. С 1821 г. наказный атаман, в чине генерал-майора, впоследствии генерал-лейтенант, а с 1823 г. войсковой атаман. 1821—1826 гг.

Иван Адрианович Андриянов 6-й. Войсковой наказный атаман, генерал-майор. 1826—1827 гг.

Дмитрий Ефимович Кутейников 1-й. Войсковой наказный атаман, в чине генерал-майора, впоследствии генерал от кавалерии. В атаманство его **ВЫСОЧАЙШЕ** утверждено 26 мая 1835 г. "Положение об управлении Донского войска". 1827—1836 гг.

Максим Григорьевич Власов. Наказный атаман, в чине генерал-лейтенанта, впоследствии генерал от кавалерии. Последний из атаманов казачьего происхождения. В атаманство его введено в действие "Положение об управлении Донского войска". Начато переселение с Дона семейных казаков на передовые линии Кавказа, с 1846 г. по 1864 г. Скончался от холеры в июне месяце 1848 г. в станице Усть-Медведицкой, где и погребен. 1836—1848 гг.

Михаил Григорьевич Хомутов 1-й. Наказный атаман, сначала в чине генерал-лейтенанта, впоследствии генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В его атаманство учрежден на Дону, по **ВЫСОЧАЙШЕМУ** повелению, комитет для составления проекта нового положения о войске Донском (1860 г.). При нем начата постройка Грушевско-Аксайской железной дороги и Новочеркасского водопровода. 1848—1862 гг.

Павел Христофорович Граббе. Наказный, а с 10 октября 1865 г. войсковой атаман, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, впоследствии граф. В его атаманство дана войску Донскому Императором Александром II грамота, сократившая срок казачьей службы с 25 до 15 лет (1863). **ВЫСОЧАЙШЕ** разрешено графу Граббе, по ходатайству войска Донского, принять звание гражданина этого войска. 1862—1866 гг.

Александр Львович Потапов. С 10 октября 1865 г. наказный атаман (при генерал-адъютанте Граббе), в чине свиты Его Величества генерал-майора, а с 28 октября 1866 г. войсковой наказный атаман, генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Последовало изменение в замещении должностей по войсковому управлению лицами не по выборам дворянства, а по назначению от правительства; введены судебные следователи (1867 г.). 1865—1868 гг.

Михаил Иванович Чертков. Войсковой наказный атаман, генерал-адъютант, генерал-лейтенант. В его атаманство совершилось торжественное празднование 300-летнего юбилея войска Донского в 1870 г. Срочные земельные участники донских чиновников обращены в потомственную собственность. 1868—1874 гг.

Николай Александрович Краснокутский. Войсковой наказный атаман, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. 1874—1881 гг.

Князь Николай Иванович Святополк-Мирский. Войсковой наказный атаман, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. 1881—1898 гг.

Константин Клавдиевич Максимович. Войсковой наказный атаман, генерал-лейтенант, 1899—1905 гг.

Князь Николай Николаевич Одоевский-Маслов. Войсковой наказный атаман, генерал-лейтенант. 1905—1907 гг.

Александр Васильевич Самсонов. Войсковой наказный атаман, генерального штаба генерал-лейтенант. 1907—1909 гг.

Барон Федор Федорович Таубе. Войсковой наказный атаман с 1909 г.

ВЫСОЧАЙШИЕ ГРАМОТЫ И РЕГАЛИИ, пожалованные Донскому казачьему войску и строевым донским казачьим частям

А. Войсковые регалии.

Царские и Императорские грамоты, полученные разновременно войском Донским за его "верные службы" и "отличные подвиги", составляют священные для донских казаков памятники ВЫСОЧАЙШЕГО к ним благоволения. Первой по времени считается грамота Царя и Великого Князя Иоанна IV Васильевича о пожаловании казакам р. Дон с его притоками за участи их при покорении Казани (в 1552 г.). Но об этой грамоте сохранилось только одно предание, в достоверности которого нельзя, впрочем, сомневаться. Из сохранившихся же грамот на Дону принято считать первой грамоту Иоанна Васильевича от 3 января 1570 г., когда он, отправляя в Царьград посла своего Новосильцова, писал донским атаманам и казакам, чтобы они Новосильцова слушались во всех государевых делах и "тем бы вы нам послужили", говорится в грамоте, "а Мы вас за вашу службу жаловать хотим"

С воеванием Михаила Феодоровича милостивые отношения Государей к донским казакам становятся непрерывными. Всех грамот Михаила Феодоровича сохранилось тринадцать (1614—1642 г.), Алексея Михайловича имеется шесть грамот (1646—1675 г.), Феодора Алексеевича — одна (1676), Иоанна и Петра Алексеевичей — три (1682—1688 г.), Петра Великого — пять (1704—1720 г.), Анны Иоанновны — тридцать четыре (1773—1738 г.), Елизаветы Петровны — восемь (1742—1757 г.), Екатерины Великой — двенадцать (1763—1793 г.), Павла I — одна грамота (1800 г.), Александра I-го — три грамоты (1804—1817 г.), Николая I — три грамоты (1826—1849 г.), Александра II — пять грамот (1855—1879 г.), Императора Александра III — одна (1887 г.) и Государя Императора Николая II — одна (1906 г.).

Из ВЫСОЧАЙШЕ пожалованных знамен первым по времени считается знамя Царя Михаила Феодоровича, присланное на Дон при грамоте от 18

марта 1614 г., в которой говорится: "И Мы вас пожаловали, послали к вам наше жалованье, наше Царское знамя... и вам бы с тем знаменем против наших недругов стоять, на них ходить и, прося у Бога милости, над ними промышляти". Самое знамя было на кружатой камке красного цвета с лазоревой опушкой, с изображением Государственного герба и с надписью: "Повелением Государя, Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича всея Руси Самодержца и при Его Государеве сыне, при Благоверном Царевиче и Великом Князе Алексее Михайловиче, писано сие знамя на Дон Донским атаманом и казаком лета 7152, Августа в 27 день".

Второе знамя было пожаловано Царем Алексеем Михайловичем, при похвальной грамоте от 25 сентября 1646 г., за поражение крымского царевича Диатирея Нурадына под Черкасским городком 6 июля и на речке Кагальнике 4 августа 1646 г.

Третье знамя, пожалованное также Царем Алексеем Михайловичем, в 1673 г., за подвиги донских казаков на Азовском и Черном морях, имело изображение льва с палахом; но содержание надписи на нем не сохранилось.

Четвертое знамя, полученное от Царя Феодора Алексеевича в 1679 г., было из лазоревой тафты с алыми каймами, писанное золотом, серебром, баганом и ярью венцейскими, с изображением креста о пяти ступенях с тростью и копьем, а по сторонам креста с правой — солнца, а с левой — луны.

Затем следуют знамена и клейноды, пожалованные Царем Петром Алексеевичем и его преемниками. Но большинство грамот и почти все регалии, полученные в прежнее время, были уничтожены пожаром, постигшим г. Черкасск в 1744 году. Уцелели только: насека, пожалованная Петром I, одна подлинная грамота 6 сентября 1705 г. и грамоты Императрицы Анны Иоанновны. Но Императрица Елизавета Петровна в 1746 году возобновила регалии, полученные войском Донским, начиная с царствования Ее Державного Родителя, изложив в грамоте Своей полный текст грамоты Петра I от 21 февраля 1706 г. Затем в царствование Императора Александра I в 1804 году те же знамена, в числе шести войсковых, тридцати станичных и четырех бунчуков, пришедшие в ветхость, снова были возобновлены, с обозначением времени и случаев пожалования и перемены их и с прибавлением титула и вензелевого украшения на копьях Имени Его Величества Императора Александра I.

Из ВЫСОЧАЙШИХ грамот имеющиеся, по своей важности, особенное для войска Донского значение и все сохранившиеся до настоящего времени знамена, клейноды и другие знаки Царской милости ежегодно в установленные дни (1 января, 6 мая, 30 августа и 1 октября), а равно в исключительных торжественных случаях, по древнему обычаю, выносятся в Войсковой Круг, где каждый раз читается одна из грамот.

По церемониалу Войскового Круга, во время шествия его от войсковых присутственных мест к кафедральному собору для слушания Божественной литургии и молебна и обратно, грамоты и регалии располагаются в следующем порядке:

1. Герб войска Донского города Черкаска, Всемилостивейше пожалованный Императором Александром I-м, 13 октября 1803 года

II. Станичные знамена, принадлежащие станицам, входящим в состав города Новочеркаска и ближайшим к нему (не жалованные)

III. Знамена, Высочайше пожалованные, при похвальных грамотах, полкам: 1) Платова 2-го, 2) Бакланова, 3) Золотарева 4-го, 4) Номикосова и 5) Хрещатицкого

IV. Бунчуки и знамена станичные, Высочайше пожалованные

1) Бунчук желтого цвета, с изображением животворящего креста.

2) Бунчук такого же цвета, с изображением св. Дмитрия Солунского.

3-17) Пятнадцать знамен (станичных) голубого цвета.

18—32) Пятнадцать таких же знамен красного цвета.

Все тридцать знамен с изображением ликов: Христа Спасителя, Божией Матери, Архангела Михаила, Иоанна Крестителя и других святых.

Как бунчуки, так и знамена эти, пожалованные первоначально Царем Петром Алексеевичем в 1711, 1716 и 1720 г. и истребленные пожаром 1744 г., были возобновлены: в первый раз Императрицей Елизаветой Петровной в 1746 году и во второй — Императором Александром I, в 1804 году.

V. Знамена, Высочайше пожалованные войску Донскому

1) Большое знамя, писанное на голубой камке, с изображением креста с тростью и копьем; вокруг креста 12 больших и 4 малых звезды, с надписью по краям знамени: "Нашего Войска Донского атаманам и казакам, за многие их и верные службы, а особливо которые учинили в 1705 году во время Астраханского возмущения, в вечную и несмертельную память".

2) Белое камчатное знамя, с изображением Государственного герба, окруженного шестью гербами царств и княжеств; ниже герба полукругом пальмовые и масличные ветви, с надписью по краям знамени с одной стороны — Императорского титула, а с другой: "Верным подданным Войску Донскому, за оказанную их во время войны со Шведами службу и для учиненного с короной Шведской вечного мира".

Пожаловано за подвиги во время великой Северной войны 1701—1721 гг., в которой донские казаки одновременно участвовали под предводительством походных атаманов: Ефрема Петрова, Василия Фролова и др.

3) Белое знамя, с изображением Государственного герба и с надписью: "Верным подданным Войску Донскому, за оказанную их службу во время войны с Персами".

4) Такое же знамя, с изображением Государственного герба, а по углам — четырех голубых щитов с серебряными крестами, около которых надпись: "Крестом Твоим, Христе, хвалимся и Святое Воскресение Твое поем и славим"; внизу две серебряные звезды, а по краям знамени надпись: "Нашим верным подданным Войску Донскому, за оказанную их службу и для учиненного с его шаховым величеством Персидским вечного мира".

Пожалованы за участие донских казаков, под начальством походных атаманов И. М. Краснощекова, Фролова, Гаврилова и др., в войне с персами в 1722—1731 г.

5) Белое знамя, с изображением Государственного герба, а по сторонам его двух крестов в кругах, с надписью около крестов: "Крестом Твоим, Христе,

хвалимся и Святое воскресение Твое поем и славим: Ты бо еси Бог наш, в Троице святей славимый"; по краям же знамени, после Императорского титула, следующая надпись: "Дано сие знамя Нашим верным подданным Войску Донскому, за оказанную их в минувшую последнюю со Шведами войну службу и для учиненного с короною Шведскою вечного мира, лета от Р.Хр... Государствования Нашего..." Пожаловано в 1744 году за участие 6 тысяч донских казаков, под начальством бригадира И. М. Краснощекова и походного атамана С. Д. Ефремова, в войне со Шведами 1741—1743 г.

6) Белое знамя, с изображением Государственного герба, а сверху по сторонам — двух круглых щитов с золотыми крестами и с надписью вокруг них: "Крестом Твоим, Христе, хвалимся и Святое воскресение Твое поем и славим: Ты бо еси Бог наш, в Троице Святей славимый"; по краям же знамени надпись: "Дано сие знамя Ее Императорского Величества верным подданным Войску Донскому за оказанную им в минувшую Прусскую войну службу, лета от Рождества Христова 1764 года, а Государствования Ее Императорского Величества Всемилостивейшей Государыни Второй Императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийской — 2". Пожаловано за подвиги казаков в Прусскую семилетнюю войну в числе 16 тысяч человек, под предводительством бывшего войскового атамана, генерал-майора Данилы Ефремова и бригадира Краснощекова в 1757—1763 г.

7) Белое знамя, с изображением с одной стороны Государственного герба, а с другой — щита с короной и вензелем Имени Императрицы, окруженного пальмовыми и масличными ветвями. Под щитом вид восходящего солнца и вышитая надпись: "Нашему вернолюбезному Войску Донскому, за храбрые и мужественные подвиги во время минувшей войны с Турками. Дано в 10 день июля 1775 года". Пожаловано за подвиги, оказанные в Польскую конфедератскую и первую Турецкую войны, в которых участвовало до 22 тысяч донских казаков, под начальством походных атаманов Михаила Поздеса, Тимофея Грекова, Дмитрия Мартынова и Никифора Сулина, 1767—1774 г.

8 и 9) Два белых знамени, с одинаковым изображением на каждом с обеих сторон Государственного герба с украшениями и следующими надписями: "Повелением дано сие знамя Ее Императорского Величества верным подданным Войску Донскому, за оказанную их службу во время окончанных Шведской и Турецких кампаний, храбрые и усердные поступки, на вечную и в потомственные роды Войска Донского славу. Лета от Рождества Христова 1795 г., а царствования Ее Величества 33-е".

Пожалованы в 1795 г., за подвиги, оказанные во время шведской и второй турецкой войны донскими казаками, под начальством походных атаманов Ф. П. Денисова, Орлова, Платова и Исаева, в 1787—1792 г.

10) Белое знамя, с изображением Государственного герба, украшенного орденом св. Иоанна Иерусалимского и обвитого снизу пальмовыми ветвями, а сверху дугообразно лентой названного ордена, по которой вышита надпись: "Верноподданному Войску Донскому, за оказанные заслуги в продолжении кампании против Французов 1799 года"; на другой же стороне знамени, в серебряном поле, большой крест с лучами. По углам знамени с обеих сторон вензеля Имени Императора, в пальмовых и масличных ветвях,

украшенные двумя коронами Императорского Российского и Мальтийского ордена. Пожаловано в 1800 году за участие в суворовском походе в Италию шести донских полков, под начальством походного атамана А. К. Денисова, в 1799 г.

11) Белое знамя, с изображением Государственного герба в золотом щите, обвитом снизу пальмовыми и масличными ветвями, а сверху дугообразно лентой ордена св. Георгия, на которой вышита надпись: "Вернолюбезному Войску Донскому, за оказанные заслуги в продолжении кампании против Французов 1807 года"; на другой стороне, в серебряном щите, крест с лучами и с такими же украшениями и надписью, как на первой стороне; по углам знамени с обеих сторон вензеля Имени Императора, в пальмовых и масличных ветвях. Пожаловано в 1811 г., за подвиги во время второй Французской войны в Пруссии, в которой участвовало тринадцать донских полков, под начальством атамана Платова, в 1807 г.

12) Белое знамя, с такими же изображениями, как и предыдущее; по Георгиевской ленте, обвивающей сверху Государственный герб, вышита надпись: "Верноподданному Войску Донскому, в ознаменование подвигов, оказанных в последнюю Французскую войну в 1812, 1813 и 1814 годах" Пожаловано в 1817 г., за подвиги во время Отечественной войны с французами, в которой участвовало 63 донских полка и 30 орудий, под начальством войскового атамана графа Платова, 1812—1814 г.

13) Белое знамя, с изображением Государственного герба в золотом щите, обвитом снизу пальмовыми и масличными ветвями, а сверху дугообразно лентой ордена св. Георгия, с другой же стороны, в серебряном щите, большой крест с лучами и такими же украшениями; по углам с обеих сторон вензеля Имени Государя Императора; на ленте вышита надпись: "Верноподданному Войску Донскому, за оказанные заслуги против Турок в 1828 и 1829 годах" Пожаловано в 1832 году, за отличные подвиги донских полков и батарей, участвовавших "под предводительством храбрых своих атаманов и отличных генералов", как сказано в **ВЫСОЧАЙШЕЙ** грамоте, в войнах с Персией и Турцией 1826—1829 г.

14) Белое знамя, с изображением на одной стороне Государственного герба в щите оранжевого цвета, обвитом пальмовыми и масличными ветвями, по углам вензеля Имени Государя Императора, а на другой — красный большой крест, с такими же украшениями; по краям знамени с обеих сторон надписи: "За подвиги войска Донского в походе на усмирении Венгрии и Трансильвании в 1849 году". Пожаловано в 1849 году за подвиги десяти донских полков и 3-х батарей, находившихся в походе в Венгрию и Трансильванию в составе главной армии и при 5 пехотном корпусе.

15) Георгиевское знамя, с надписью: "За храбрость и примерную службу в войну против Французов, Англичан и Турок в 1853, 1854, 1855 и 1856 годах", в которой участвовало 84 донских полка и 14 батарей. Пожаловано в 1856 году.

16) Георгиевское знамя, с надписью: "За Кавказскую войну". Пожаловано в 1868 году, в память заслуг, оказанных донцами в продолжение войны на Кавказе 1804—1864 г., в которой, в течение 60 лет, принимали деятельное участие до 226 т. донских казаков.

17) Георгиевское знамя, с Александровской лентой и надписями вокруг знамени: "В память трехсотлетнего существования Донского казачьего войска" и под орлом — "1570—1870" Пожаловано 3 января 1870 года.

18) Георгиевское знамя, с надписью: "За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов" и под орлом: "1570—1870". Пожаловано в 1879 году за участие в Русско-Турецкой войне, во время которой состояло на службе 53 донских полка и 24 батареи.

VI. Высочайшие грамоты за собственноручным подписанием Их Императорских Величеств

VII. Войсковые клейноды — знаки Атаманского достоинства

1) "Насека войска Донского 1704 года", пожалованная Императором Петром I, при грамоте 21 сентября 1704 г.

2) Бунчук белого цвета, с изображением Государственного герба и с надписью "За веру и верность", пожалованный Императором Петром I-м.

3) Булава, пожалованная Императрицей Екатериной II, со следующей надписью: "Войска Донского Войсковому Атаману Алексею Иловайскому, пожалована в 1776 году, во время командования как оными, так и всеми иррегулярными войсками Генерал-Аншефа Князя Потемкина".

4) Бунчук, пожалованный Императором Петром I (с вызолоченным наверху шаром), при грамоте 21 февраля 1706 года.

5) Бунчук, пожалованный Императрицей Екатериной II, в 1776 году, с такую же надписью, как и на булаве.

6) Бунчук белого цвета, с изображением Государственного герба и с надписью: "За веру и верность", пожалованный Императором Петром I.

7) Насека, ВЫСОЧАЙШЕ пожалованная Императрицей Екатериной II, в 1776 году, с такой же надписью, как и на булаве.

8) Пернач, пожалованный Императором Петром I, при грамоте 21 февраля 1706 года, и возобновленный Императрицей Елисаветою Петровной, в 1746 году, со следующей надписью на трости пернача: "Божиею милостью Мы, Елисавета первая, Императрица и Самодержица Всероссийская и проч., и проч., и проч., пожаловали сей пернач, вместо данного в 1706 году, Нашего Войска Донского Войсковым Атаманам, в знак их управления, за многие и верные оною Войска службы, а особливо которую учинили в 1705 году в возмущение Астраханское, в вечную и несмертельную память потомкам их, лета Господня 1746; Государствования Нашего 5 года"

Со времени назначения Атаманом всех казачьих войск Государя Наследника Цесаревича (1827 г.) из знаков атаманского достоинства пернач присвоен Его Императорскому Высочеству, а насека, пожалованная Императрицей Екатериной II, — войсковому наказному атаману.

Согласно приказа по казачьим и иррегулярным войскам от 24 декабря 1890 г. за N 32, войсковой праздник войска Донского установлен на 17 октября.

26 августа 1897 г. ВЫСОЧАЙШЕ повелено казачьим строевым частям особого старшинства не назначать. Что же касается старшинства войска донского, то таковое считается с 3 января 1570 г., т.е. со времени пожалования войску Донскому первой грамоты царем Иоанном Васильевичем.

Б. Регалии строевых частей, выставляемых войском Донским

І. ГВАРДЕЙСКИЕ ЧАСТИ

Лейб-гвардии Казачий Его Величества полк

1. Знаки отличия:

1) Георгиевский штандарт, с Андреевской юбилейной лентой, с надписью: "За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 г. и за подвиг, оказанный в сражении при Лейпциге 4 октября 1813 г." и "1775—1796—1875" ВЫСОЧАЙШИЕ грамоты 19 марта 1826 г. и 20 апреля 1875 г.

2) 22 серебряные трубы, с надписью: "За отличия против неприятеля в минувшую кампанию 1813 г.". ВЫСОЧАЙШИЙ приказ 15 июля 1813 г. ВЫСОЧАЙШАЯ грамота 4 июня 1826 г.

3) Знаки на шапки, с надписью в 1-й, 3-й и 4-й сотнях: "За отличие в Турецкую войну 1877—1878 гг.", а во 2-й сотне: "За Ловчу 5 Июля 1877 г." Пожалованы 17 апреля 1878 г. в командование флигель-адъютанта полковника Жеребкова. ВЫСОЧАЙШАЯ грамота 2 августа 1878 г.

2. Шефы полка:

Император Николай I с 23 апреля 1832 г. по 18 февраля 1855 г.

Император Александр II с 19 февраля 1855 г. по 1 марта 1881 г. (числился в полку с 29 мая 1837 г.).

Император Александр III с 28 октября 1866 г. по 21 октября 1894 г. (числился в полку с 29 мая 1865 г.)

Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович со 2 ноября 1894 г. (изволил числиться в списках полка с 6 мая 1868 г.).

Высочайшие Особы, числившиеся в полку:

Великий Князь Цесаревич Николай Александрович с 8 сентября 1843 г. по 12 апреля 1865 г.

Великий Князь Николай Николаевич Старший с 20 апреля 1875 года по 26 апреля 1891 г.

Старшинство с 1775 г. апреля 20.

Полковой праздник 4 октября.

Лейб-гвардии Атаманский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк

1. Знаки отличия:

1) Георгиевский штандарт, с надписями: "За отличие, оказанное в войне с французами в 1812, 1813 и 1814 годах" и "1775—1859—1875", с Андреевской юбилейной лентой, пожалов. 8 сентября 1860 г., по случаю наименования полка лейб-гвардией. ВЫСОЧАЙШАЯ грамота 20 апреля 1875 г.

2) Георгиевское знамя, синего цвета с особым рисунком и надписью: "Буди, Господи, милость Твоя на нас яко же уповахом на Тя, не постыдимся во веки. С нами Бог, разумеите языцы и покоряйтеся, яко с нами Бог. Войска Донского Атаманскому полку, за отличную храбрость" За отличие в войну в 1812—1814 гг.

3) Белый бунчук с изображением Георгия Победоносца и с надписью: "Войску Донскому Атаманскому полку за храбрость", пожалован за отличие в войну 1812—1814 гг.

4) Знаки на шапки, с надписью: "За Варшаву 25 и 26 августа 1831 г.", пожалованы 6 декабря 1831 г

2. Шеф полка:

Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич с 30-го июля 1904 года.

3. Бывшие Шефы полка.

Великий Князь Наследник Цесаревич Александр Николаевич со 2 октября 1827 г. по 19 февраля 1855 г

Великий Князь Цесаревич Николай Александрович с 19 февраля 1855 г по 12 апреля 1865 г. (по спискам числился с 8 сентября 1843 г.)

Великий Князь Наследник Цесаревич Александр Александрович с 29 мая 1865 г. по 2 мая 1881 г.

Его Императорское Высочество Великий Князь Наследник Цесаревич, ныне благополучно царствующий Государь Император Николай Александрович со 2 марта 1881 г. по 2 ноября 1894 г.

Числится в списках полка:

Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович с 6 мая 1868 г

Высочайшие Особы, числившиеся в полку:

Император Александр II с 19 февраля 1855 г. по 1 марта 1881 г.

Император Александр III со 2 марта 1881 г по 21 октября 1894 г.

Старшинство с 1775 г. апреля 20.

Полковой праздник 30 августа.

Лейб-гвардии 6-я Донская казачья Его Величества батарея

Знаки отличия:

Серебряные трубы с надписью: "За отличие в войне с Турцией 1828 и 1829 гг "; пожалованы при сформировании батареи, составленной за отличие войску Донскому из наиболее отличившихся в войну 1828—1829 годов с турками донских артиллеристов.

Шефы батареи:

Император Александр III с 14 августа 1872 г по 21 октября 1894 г.

Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович со 2 ноября 1894 г. (изволит числиться в батарее с 6 мая 1868 г.).

Числится в батарее:

Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Николаевич с 28 апреля 1880 г.

Числился в батарее:

Император Александр II с 17 апреля 1864 г. по 1 марта 1881 г.

Старшинство батареи: по времени пожалования прав старой гвардии с 17 апреля 1878 года.

Праздник батареи: 23 апреля, Св. великом. и побед. Георгия.

II. АРМЕЙСКИЕ ЧАСТИ

1-й Донской казачий Генералиссимуса Князя Италийского Графа Суворова-Рымникского полк

Полк имеет:

1) Знамя "За отличный подвиг при усмирении Трансильвании в 1849 г.", пожалованное 19 марта 1850 года.

2) Знак отличия на головной убор с надписью: "За отличие в сражении при Шейнове 28 декабря 1877 года".

Шеф: Генералиссимус Князь Италийский Граф Суворов-Рымникский с 16 апреля 1901 года.

Полковой праздник 17 Октября; полк сформирован в 1835 году

2-й Донской казачий генерала Сысоева полк

Полк имеет:

Георгиевское знамя и грамоту, дарованную полку Императором Александром I.

Полковой праздник 17 октября.

3-й Донской казачий Ермака Тимофеева полк

Полк имеет:

1) Георгиевское знамя, пожалованное Государем Императором Александром I в 1807 г.

2) Юбилейное Георгиевское знамя, пожалованное Государем Императором в 1907 году.

Полковой праздник 17 октября.

4-й Донской казачий графа Платова полк

Знаки отличия:

Георгиевское знамя, ВЫСОЧАЙШЕ пожалованное Императором Александром I, с Георгиевским крестом в копы, двумя серебряными кистями

и Георгиевским темляком с надписью: "За отличную храбрость при поражении неприятеля в Отечественную войну в 1812 году Донского казачьего полковника Жирова полку". •

Полковой праздник 17 Октября.

5-й Донской казачий войскового атамана Власова полк

Полк имеет

Георгиевское белое знамя, данное 12 октября 1821 г. Донскому — Власова 3-го полку, за отличную храбрость при поражении неприятеля в 1812, 1813 и 1814 годах.

Сформирован полк в 1805 году; получил N 5 в 1835 г.

Полковой праздник 17 октября.

6-й Донской казачий генерала Краснощекова полк

Полк имеет:

Георгиевское знамя, надпись на древке Георгиевского знамени:

"1570 — Донские казаки".

"1835 — Донской казачий N 6 полк".

"1813 — Донскому Иловайского 11-го полку за отличную храбрость при поражении неприятеля в 1812 году".

"1870 — 6-му Донскому казачьему полку".

Полковой праздник 17 октября.

7-й Донской казачий атамана Денисова полк

Полк имеет:

Белое Георгиевское знамя, пожалованное в 1821 году донскому казачьему Грекова 18-го полку, с надписью: "За отличную храбрость при поражении неприятеля в Отечественную войну в 1812 году".

Полковой праздник 17 октября.

Полк по прежней его нумерации (N 28) сформирован в мае месяце 1873 года (хут. Сетраков 3-го отдела области войска Донского).

8-й Донской казачий генерала Иловайского 12-го полк

Полк имеет:

1) Георгиевское знамя, с надписью: "1570 г. Донские казаки. Н. И. 1835 г. Донской казачий N 8 полк.

1816 г. Храброму Донскому Дячкина полку.

1870 г. Донского казачьего N 8 полка".

2) Знаки отличия на головные уборы, Всемилостивейше пожалованные за оказанные полком подвиги мужества и храбрости в последнюю турецкую войну, с надписью: "За отличие в турецкую войну 1877 и 1878 гг."

Полковой праздник 17-го октября.

Старшинство полк считает с 1779 г., когда впервые упоминается о полке Дячкина.

9-й Донской казачий генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова полк

Полк имеет:

1) Знамя, пожалованное в 1821 году в воздаяние отличных подвигов, оказанных в сражениях в минувшую войну против французов при Краоне и Лаоне в 1814 г.

2) Отличие на головном уборе с надписью: "За отличие в турецкую войну 1877 и 1878 годов".

Полковой праздник 17 октября.

Старшинство с 1821 года октября 12 дня.

10-й Донской казачий генерала Луковкина полк

Полк имеет:

Знамя с надписью:

"1570 г. Донские казаки.

1835 г. Донскому казачьему N 10 полку.

1821 г. Донскому Мельникова 5-го полку в воздаяние отличных подвигов, оказанных в сражениях в минувшую войну против французов при Краоне и Лаоне.

1870 г. Донскому казачьему N 10 полку"

Полковой праздник 17 октября.

11-й Донской казачий генерала от кавалерии графа Денисова полк

Полк имеет:

1) Георгиевское знамя, пожалованное 9 марта 1855 года за отличие, мужество и храбрость, оказанные полком в разбитии 35 тысячного турецкого корпуса Селима-Паши 4 июля 1854 года за р. Чолоком, в составе 10000 отряда (при 18 орудиях) князя Андроникова.

2) За отличие в турецкую войну 1877—1878 годов, полку Всемилостивейше пожалован знак отличия на головные уборы, с ВЫСОЧАЙШЕЙ грамотой от 6 июля 1878 года.

Полковой праздник 17 октября.

12-й Донской казачий генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк

Полк имеет:

1) Георгиевское знамя, на скобе которого следующая надпись:

"В 1570 г. Донские казаки.

Н. I. 1835 г. Донской казачий N 12 полк.

1829 г. Донскому, Шамшева полку за оборону крепости Баязета 20 и 21 июня 1829 г.

1870 г. Донского Казачьего N 12 полка".

2) Знаки на головном уборе, с надписью: "За отличие в турецкую войну 1877—1878 гг."

Полковой праздник 17 октября.

13-й Донской казачий генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского полк

Полк имеет:

1) Знамя.

2) Знак отличия на папахах "За отличие в турецкую войну в 1877—1878 гг."
Полковой праздник 17 октября.

14-й Донской казачий войскового атамана Ефремова полк

Полк имеет:

Знамя, пожалованное полку Леонова, за отличие против Порты
Оттоманской и за войну с персами в 1827—1829 гг.

Полковой праздник 17 октября.

15-й Донской казачий генерала Краснова 1-го полк

Полк имеет:

1) Полковое знамя, Всемилостивейше пожалованное полку 21 сентября
1831 года за отличие в персидскую и турецкую войны в 1827, 1828, 1829 годах.

2) Знаки отличия:

За оказанные полком подвиги мужества и храбрости в турецкую войну
1877 и 1878 годов, знаки отличия на головные уборы с надписью: "За отличие
в турецкую войну 1877—1878 гг."

Полковой праздник 17 октября.

16-й Донской казачий генерала Грекова 8-го полк

Полк имеет:

1) Знамя — бывшего полка генерала Сергеева, пожалованное за отличие
этого полка в 1826, 1827 и 1828 гг.

Праздник 17 октября.

17-й Донской казачий генерала Бакланова полк

Полк имеет:

1) Знамя, с надписью: "За отличие в турецкую войну 1828—1829 гг."

2) Знаки отличия на головные уборы, с надписью: "За отличие в турецкую
войну 1877 и 1878 гг."

Праздник 17 октября.

18-й Донской казачий полк

Полк имеет:

1) Знамя, с надписью: "За отличие в турецкую войну в 1828 и 1829 годах",
пожалованное 11 ноября 1831 года за отличное мужество и храбрость,
оказанные войска Донского казачьим полковника Ильина полком в войну
против турок в 1828 и 1829 годах".

2) Знаки отличия на головные уборы, с надписью: "За отличие в турецкую
войну 1877 и 1878 годов", пожалованные 17 апреля 1878 года.

19-й Донской казачий полк

Полк имеет:

Знамя с надписью "За отличие в турецкую войну в 1828—1829 годах", пожалованное 11 ноября 1831 года за отличное мужество и храбрость, оказанные войска Донского казачьим полковника Чернушкина 2-го полком в турецкую войну в 1828—1829 гг."

20-й Донской казачий полк

Полк имеет:

Георгиевское знамя, с надписью: "За отличные подвиги в сражении при Кюрюк-Дара 24 июля 1854 года", пожалованное 30 августа 1856 года.

21-й Донской казачий полк

Полк имеет:

1) Знамя, с надписью: "За отличие в турецкую войну в 1828 и 1829 годах", пожалованное 11 ноября 1831 года, за отличное мужество и храбрость, оказанные войска Донского казачьим полковника Борисова 1-го полком в турецкую войну в 1828 и 1829 годах.

2) Знаки отличия на головные уборы, с надписью: "За двукратный переход через Балканы в 1877 году", пожалованные 17 апреля 1878 года.

22-й Донской казачий полк

Полк имеет:

Знамя, с надписью: "За отличие в турецкую войну в 1828 и 1829 годах", пожалованное 11 ноября 1831 года, за отличное мужество и храбрость, оказанные войска Донского казачьим полковника Золотарева 4-го полком в турецкую войну в 1828 и 1829 годах.

23-й Донской казачий полк

Полк имеет:

1) Георгиевское знамя, с надписью: "За отличие в сражении против турок 17 июля 1854 года, на Чингильских высотах", пожалованное 15 сентября 1855 года.

2) Знаки отличия на головные уборы, с надписью: "За Шипку в 1877 году", пожалованные 17 апреля 1878 года.

24-й Донской казачий полк

Полк имеет:

Знамя, с надписью: "За отличие в турецкую войну в 1828 и 1829 годах", пожалованное 11 ноября 1831 года, за отличное мужество и храбрость, оказанные войска Донского казачьим подполковника Бакланова полком в турецкую войну 1828—1829 годов.

25-й Донской казачий полк

Полк имеет:

Знамя, с надписью: "За отличие в турецкую войну в 1828 и 1829 годах", пожалованное 11 ноября 1831 года, за отличное мужество и храбрость,

оказанные войска Донского казачьим генерал-майора Бегидова полком в турецкую войну в 1828—1829 годах.

26-й Донской казачий полк

Полк имеет:

Георгиевский штандарт, с надписью: "За отличие в турецкую войну 1828—1829 годах и за двукратный переход через Балканы в 1877 году", пожалованный 17 апреля 1878 года.

29-й Донской казачий полк

Полк имеет:

Георгиевский штандарт, с надписью: "За быстрое наступление и занятие Браилова 13 апреля 1877 года", пожалованный 17 апреля 1878 года.

30-й Донской казачий полк

Полк имеет:

Георгиевский штандарт с надписью: "За Шипку, Ловчу, двукратный переход через Балканы и взятие 50-ти орудий при Караджиляре в 1877 и 1878 годах", пожалованный 17 апреля 1878 года.

31-й Донской казачий полк

Полк имеет:

Георгиевский штандарт, с надписью: "За отличие в турецкую войну 1877 и 1878 годов", пожалованный 17 апреля 1878 года.

36-й Донской казачий полк

Полк имеет:

Георгиевский штандарт, с надписью: "За отличие в турецкую войну 1877 и 1878 годов", пожалованный 17 апреля 1878 года.

37-й Донской казачий полк

Полк имеет:

Георгиевский штандарт, с надписью: "За отличие в турецкую войну 1877 и 1878 годов", пожалованный 17 апреля 1878 года.

38-й Донской казачий полк

Полк имеет:

Георгиевское знамя, с надписью: "За примерную храбрость, оказанную при победе над скопищем горцев 3 июня 1844 года при селении Гилли", пожалованное 7 мая 1845 года.

39-й Донской казачий полк

Полк имеет:

Георгиевский штандарт, с надписью: "За отличие в турецкую войну 1877 и 1878 годов", пожалованный 17 апреля 1878 года.

1—6-я Донские казачьи отдельные сотни

Сотенные праздники 17 октября. Сформированы сотни: NN 1, 2 и 3 — 1 октября 1892 года, N 4 — 1 марта 1895 года, N 5 — 25 февраля 1897 года и N 6 — 26 февраля 1898 года; с этого же времени считается старшинство сотен.

1-я Донская казачья батарея

Батарея имеет:

Знаки на головных уборах, с надписью: "За отличие в турецкую войну 1877—1878 гг.", пожалованные 17 апреля 1878 г.

Праздник 17 октября.

Старшинство с 1838 года.

2-я Донская казачья батарея

Батарея имеет:

Знаки отличия на головных уборах.

Праздник 17 октября.

3-я Донская казачья батарея

Праздник 17 октября.

4-я Донская казачья батарея

Батарея имеет:

1) Золотые петлицы за отличие на воротник и рукава офицерского мундира и мундир темно-зеленого сукна казакам за войну в 1812 и 1814 гг.

2) Серебряные трубы, пожалованные батарее (бывшей N 1 конно-артиллерийской роте) за войну с турками в 1828 и 1829 гг.

3) Знаки отличия на головные уборы за войну с турками в 1877 и 1878 гг.

Праздник 17 октября.

Старшинство батареи с 1797 года.

5-я Донская казачья батарея

Батарея имеет:

Знаки отличия на головные уборы, с надписью: "За отличие в турецкую войну 1877—1878 гг.", кроме того 1 взводу оставлены знаки отличия на головные уборы, с надписью: "За отличие в войнах с Персией 1826 и 1827 и Турцией 1828 и 1829 гг."

Праздник 17 октября.

Время формирования батареи — в 1838 г.

6-я Донская казачья батарея

Батарея имеет:

1) 4 серебряные трубы, с надписью: "За усмирении Венгрии в 1848 г." и 2 Георгиевские трубы — "За отличие в Турецкую войну 1877—1878 гг.", пожалованные 17 апреля 1878 года.

2) Знаки отличия на головных уборах, с надписью: "За отличие в 1854—1855 гг., пожалованные 30 августа 1856 года.

Праздник 17 октября.

Старшинство батареи с 1838 г.

7-я Донская казачья батарея

Батарея имеет:

1) Серебряные Георгиевские трубы, с надписью: "За поражение турок на Баш-Кадыклярских высотах 19 ноября 1853 г. и за отличие в сражении при Кюрюк-Дара 24 июля 1854 года".

2) Золотые петлицы на воротники и обшлага офицерских чекменей в награду за постоянную храбрость в делах против горцев, пожалованные в 1853 г., и знаки на папахи, с надписью: "За отличие в 1854 году".

Праздник 17 октября.

8-я Донская казачья батарея

Батарея имеет:

1) Георгиевские серебряные трубы, с надписью: "За отличие в турецкую войну 1877 и 1878 годов", пожалованные 11 апреля 1879 года.

2) Золотые петлицы на воротниках мундиров у штаб— и обер-офицеров и знаки на головных уборах, с надписью: "За отличие", пожалованные 20 ноября 1830 года (грамота) за отличие в войне с Турцией 1828 и 1829 годов.

9-я Донская казачья батарея

Батарея имеет:

1) Георгиевские серебряные трубы, с надписью: "За отличие в турецкую войну 1877—78 годов", пожалованные 17 апреля 1878 года.

2) Золотые петлицы на мундиры гг. офицеров и знаки на головные уборы с надписью: "За отличие", пожалованные 6 апреля 1830 года за военные подвиги против персиян и турок в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах.

10-я Донская казачья батарея

Батарея имеет:

1) Серебряные трубы, с надписью: "За усмирении Венгрии в 1849 г.", пожалованные 25 декабря 1849 года.

2) Знаки отличия на головные уборы, с надписью: "За 4-е июля 1877 г. при Уфлани", пожалованные 15 февраля 1880 года.

11-я Донская казачья батарея

Батарея имеет:

Знаки отличия на головные уборы, с надписью: "За отличие в турецкую войну 1877—1878 годов", пожалованные 11 апреля 1879 года.

12-я Донская казачья батарея

1-й взвод батареи имеет знаки на головных уборах, с надписью: "За отличие в 1854 и 1855 годах".

13-я Донская казачья батарея

Батарея имеет:

Знаки отличия на головные уборы, с надписью: "За отличие в турецкую войну 1877—1878 годов", пожалованные 13 октября 1878 года.

14-я Донская казачья батарея

Батарея имеет:

Знаки отличия на головные уборы, с надписью: "За отличие в турецкую войну 1877—1878 гг.", с сохранением первому взводу и прежней надписи "За отличие в 1854 году", пожалованные 13 октября 1878 года.

21-я Донская казачья батарея

Батарея имеет:

Знаки на головные уборы, с надписью: "За отличие 30 ноября 1877 года", пожалованные 13 марта 1879 года за оказанные подвиги мужества и храбрости 30 ноября 1877 года под Мечкой и Трестеником.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ ВТОРОЙ

1. Отечественная война. Кореличи, Мир, Романов. 1812 г.	5
2. Бородинское сражение. 26 августа 1812 года	15
3. Поголовное ополчение войска Донского. 1812 г.	19
4. Изгнание французов из России.	21
5. Лейпциг. Фер-Шампенуаз. Намур. Париж. 1813—1814 гг.	29
6. После Отечественной войны	38
7. Атаман Платов. Род. 6 августа 1751 года, скончался 3 января 1818 г.	42
8. "Положение о войске Донском". 1835 г.	55
9. Домашняя жизнь казаков во время царствования императора Александра I	61
10. Войны с Турцией. 1828—1829 гг.	71
11. Польское восстание. 1831 г.	75
12. Император Николай I Павлович на Дону. 1837 г.	80
13. Яков Петрович Бакланов. Родился 15 марта 1809 г., умер 18 февраля 1873 г.	85
14. Донцы на Кавказе. 1801—1864 гг.	103
15. Казаки в Венгрии. Атаман Хомутов. 1849 г.	109
16. Война с турками на Кавказе. Баяндур, Баш-Кадък-Лар, р. Чолок, Чингильский перевал.— Кюрюк-Дара. 1853—1855 гг.	112
17. Оборона казаками Азовского моря. 1855 г.	122
18. Севастополь. 9 сентября 1854 г. — 30 августа 1855 г.	128
19. Усмирение польского мятежа. 1863 г.	132
20. На Дону при императоре Александре II	134
21. Русско-турецкая война. 1877—1878 гг.	143
22. С 1878 года по 1904 год	159
23. Участие донцов в русско-японской войне. Лидиантунь. Набег на Инкоо. Сандепу. 1904—1905 гг.	167
24. На Дону во время японской войны	188
25. Участие донцов в подавлении революционной смуты. 1905—1907 гг.	191
26. Заключение	195
<i>Приложение первое.</i> Атаманы войска Донского с 1549 по 1909 год	201
<i>Приложение второе.</i> Высочайшие грамоты и регалии, пожалованные Донскому казачьему войску и строевым донским казачьим частям	206

Литературно-художественное издание
Серия "Стражи порубежья"

Картины былого Тихого Дона
Том 2

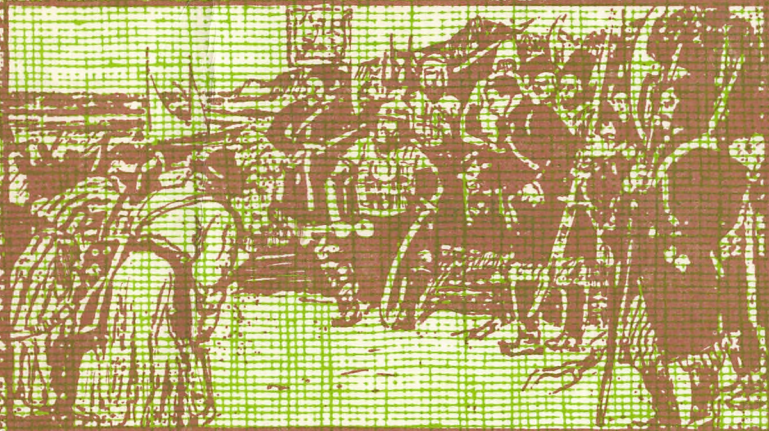
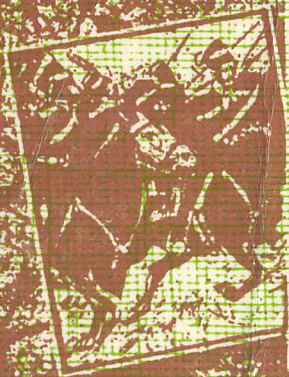
Редактор *В.Б. Мурин*
Художественный редактор *И.И. Барышников*
Технический редактор *Л.К. Аринушкина*
Корректоры *В.А. Бадиков, Т.В. Туровец*

ИБ № 10

Сдано в набор 20.04.92. Подписано в печать 24.08.92. Формат 84×108/32.
Бумага писчая. Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 11,89. Уч.-изд. л. 12,64.
Тираж 75000 экз. Заказ 356.

Издательство "Граница". 101000 Москва, Главпочтамт, а/я 711.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Книжной фабрике № 1.
144003, г. Электросталь, ул. Тевосяна, д. 25.

КАРТИНЫ
БЫЛОГО
ТИХАГО ДОНА